

EKATERINA SI

Контракт
НА ДОВЕРИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

Ekaterina Si

Контракт на доверие

<https://litres.ru/74441883>

SelfPub; 2026

Аннотация

История Авроры и Марка.

Аврора мечтала писать статьи, а не разбирать чужую почту. Но жизнь, как назло, любит подкидывать сюрпризы, особенно когда у тебя диплом журналиста и не везёт с работой. Поэтому она соглашается стать личным помощником генерального директора одной важной медиашишки.

Всё, что нужно, это кофе, дедлайны и никаких лишних чувств. Легко сказать.

Потому что, когда босс смотрит на тебя так, будто уже давно всё решил, остаётся только одно: понять, что он задумал. И, возможно, не дать ему победить.

Она не планировала влюбляться. Он не планировал замечать её.

Вопрос только в одном: стоит ли доверять мужчине, у которого, кажется, уже есть всё, кроме неё?

Содержание

Пролог.	7
Аврора.	7
Глава 1.	15
Аврора.	15
Глава 2.	19
Аврора.	19
Глава 3.	23
Аврора.	23
Глава 4.	30
Аврора.	30
Глава 5.	35
Аврора.	35
Глава 6.	41
Аврора.	41
Глава 7.	49
Аврора.	49
Глава 8.	56
Аврора.	56
Глава 9.	68
Аврора.	68
Глава 10.	78
Аврора.	78
Глава 11.	85

Марк.	85
Глава 12.	92
Аврора	92
Марк.	94
Глава 13.	96
Аврора.	96
Марк.	102
Глава 14.	105
Аврора.	105
Глава 15.	114
Марк.	114
Аврора.	117
Глава 16.	122
Аврора.	122
Марк.	126
Глава 17.	129
Марк.	129
Глава 18.	140
Аврора.	140
Глава 19.	148
Марк.	148
Глава 20.	155
Аврора.	155
Глава 21.	162
Аврора.	162
Глава 22.	170

Марк.	170
Аврора.	175
Глава 23.	182
Аврора.	182
Глава 24.	188
Марк.	188
Глава 25.	196
Аврора.	196
Глава 26.	205
Аврора.	205
Глава 27.	214
Марк.	214
Глава 28.	221
Марк.	221
Глава 29.	229
Марк.	229
Глава 30.	244
Марк.	244
Глава 31.	255
Марк.	255
Глава 32.	266
Аврора.	266
Глава 33.	273
Аврора.	273
Глава 34.	282
Аврора.	282

Глава 35.	290
Марк.	290
Глава 36.	299
Марк.	299
Глава 37.	309
Марк.	309
Глава 38.	320
Марк.	320
Аврора	325
Глава 39.	329
Аврора.	329
Глава 40.	337
Марк.	337

Ekaterina Si

Контракт на доверие

Пролог.

Аврора.

Я стояла в актовом зале и искала его глазами.

Все смеялись, хлопали, кричали, а я будто стояла внутри аквариума. Я видела всё, но не чувствовала. Я была здесь, но не здесь. Громкий смех, вспышки камер, фразы, которые не доходили до сознания. Я стояла посреди этого шума и чувствовала себя такой одинокой и потерянной.

Макса не было. Хотя он обещал, что будет. Я тогда ещё не знала, что через двадцать минут он уничтожит меня. Публично. С улыбкой на лице.

Если бы мне когда-нибудь сказали, что моя первая любовь будет пахнуть не розами и дорогим парфюмом, а липкой карамелью, сухой травой и предательством, я бы, наверное, просто рассмеялась в лицо этому человеку. Но теперь, спустя годы, я точно знаю: именно этот тошнотворно-сладкий запах навсегда остался в моей памяти синонимом слова «конец».

Наверное, потому что когда-то я действительно верила, что любовь должна быть чем-то светлым. Почти невозможным. Чем-то таким, о чём потом вспоминают с улыбкой, даже если отношения закончились.

Я представляла её совсем иначе, когда была младше. Мне казалось, что если человек смотрит на тебя так, будто в целом мире существует только одна ты, это и есть настоящее чувство.

Позже я много раз пыталась объяснить себе, почему позволила этому случиться. Почему поверила. Почему не заметила очевидного. Почему не остановилась раньше.

Ответа у меня до сих пор нет. Наверное, потому что в восемнадцать лет я ещё не умела отличать любовь от надежды. Я не знала, что человек может говорить правильные слова и совершенно ничего за ними не чувствовать. Не знала, что доверие можно превратить в оружие. Не знала, что тот, кто знает тебя лучше всех, иногда способен причинить тебе боль сильнее остальных.

Тогда я впервые решила, что влюбилась по-настоящему.

Макс появился в моей жизни в старшей школе, и долгое время я даже не могла понять, почему рядом с ним постоянно чувствую себя одновременно счастливой и немного растерянной.

Он был из тех людей, на которых обращают внимание независимо от того, хотят они этого или нет: уверенный, кра-

сивый, с лёгкой улыбкой человека, который прекрасно знает, какое впечатление производит на окружающих.

Я была совсем другой. Слишком серьёзной, слишком увлечённой школьной газетой и бесконечными книгами. Я любила учиться и редко приходила на школьные тусовки.

И именно поэтому, когда Макс начал проявлять ко мне внимание, я долго не могла поверить, что это происходит со мной. Макс вытаскивал меня на прогулки почти каждый день. Говорил, что хочет быть со мной наедине. Я чувствовала себя особенной. Как будто я только его, а он только мой. И только позже я пойму, что он не хотел, чтобы нас видели вместе.

А тогда... тогда я была влюблённой душой.

Я доверяла ему настолько, насколько вообще умела доверять человеку.

Мы сблизились ещё сильнее, и я решила, что теперь между нами действительно всё серьёзно. Для меня это был важный шаг, который я сделала только потому, что была уверена в нём и в его чувствах.

Я смутно помню тот день. Наверное, мой мозг решил стереть его, ведь после всего, что случилось позже, я старалась не возвращаться к этим воспоминаниям.

Поэтому, стоя перед ним в новом чёрном белье, купленном специально для этого случая, я чувствовала себя такой глупой и неуклюжей. Кружева давили, ткань прилипала к коже, а мне так хотелось быть красивой для него. Так хотелось,

чтобы он посмотрел на меня и увидел ту, ради которой стоит остаться. Ту, ради которой стоит забыть всех остальных.

— Не могу поверить, что мы действительно одни... — прошептала я.

Макс прижал меня к себе, и я почувствовала его возбуждение через тонкую ткань. От этого становилось жарко и стыдно одновременно. Потому что я не знала, что делать с этим чувством. Потому что я была не готова, но уже не могла остановиться.

— Ты не представляешь, как я этого ждал, — хрипло произнёс он.

Он провёл пальцами по моей щеке и тихо спросил:

— Ты мне доверяешь?

— Да... — прошептала я, слабо кивнув.

Он поцеловал меня и стянул с меня бельё. Быстро, почти грубо. Я чувствовала, как ткань соскальзывает с моей кожи, как его руки касаются меня. И от этого мне было стыдно. Так стыдно, что я хотела закрыться, спрятаться и исчезнуть.

И я вдруг поняла, что больше нет пути назад.

Я пыталась отключить голову и просто быть «здесь и сейчас», как писали в журналах. Внутри меня не было ни боли, ни удовольствия. Только огромная, звенящая пустота и медленно разрастающийся стыд за то, что я не стонала, не изгибалась и не шептала его имя. Я просто лежала и думала о том, когда это закончится. О том, что я сделала не так. О том, почему я не такая, как все.

Макс нахмурился. Ему нужно было моё участие, восторг, стоны. А я лежала как мешок с костями.

После того как всё закончилось, я прижалась к его груди, слушая, как бьётся его сердце. Макс гладил мои волосы и выглядел абсолютно довольным.

Потом он резко вскочил с кровати, даже не глядя мне в глаза. Натягивая джинсы, потянулся к телефону. Просто взял его в руки, уткнулся в экран и в этот момент, не отрывая взгляда от него, сказал:

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, Аврора Стигман.

Он улыбнулся, глядя на меня.

Я тогда улыбнулась в ответ. Думала, что рядом со мной человек, которому можно отдать самое хрупкое и самое личное, что у меня есть. Потому что он никогда не использует это против меня. Думала, это значит, что мы теперь по-настоящему вместе. Что это новый этап. Что теперь между нами всё по-взрослому.

А потом... потом я пойму, что он имел в виду совсем другое.

После того дня он не исчез полностью, а просто растворился в моём телефоне, оставив меня жить в душном аквариуме из собственных иллюзий. Где я часами анализировала каждый свой вздох и каждое прикосновение, убеждая себя, что это я что-то сделала не так. Что я была слишком навязчивой, слишком неуклюжей.

И я жила в этом липком страхе потерять его вплоть до самого выпускного. Надевая лучшее платье и веря, что он скажет какую-нибудь привычную глупость, и всё снова станет нормально.

И вот стоя в актовом зале, я глотала слёзы отчаяния, потому что его до сих пор не было.

Вдруг щёлкнул микрофон.

Я обернулась. Макс был на сцене.

Моё сердце забилося быстрее.

Он, наверное, приготовил речь? Извинится? Признается?

— Прежде всего хочу поздравить всех нас с окончанием школы, — начал он как ни в чём не бывало. — Желаю всем добиться своих целей.

Он посмотрел прямо на меня, но в его глазах не было ни тепла, ни нежности. Макс смотрел не на меня, а на своё отражение в моих глазах.

— Например, я уже добился одной цели, — усмехнулся он.

Я замерла.

Где признание? Где «Аврора, прости»?

— Такая рыжая, конопатая... — начал он, и в зале послышались смешки. — С дурацкими кудрями, как у пуделя...

Он улыбнулся. Широко, почти ласково. А потом добил:

— И полное бревно в постели.

Тишина. Секунда, две, три, и зал взорвался смехом. Шёпот. Пиликанье десятков телефонов. Кто-то уже успел вклю-

читать видео на полную громкость, и эхо разнеслось по всему залу. Я услышала свой собственный голос. Свои стоны, вывернутые наизнанку и пущенные на потеху сотням людей, которые смеялись, тыкали в меня пальцами и скандировали гадости.

Я не могла двигаться, не могла дышать. Меня трясло, руки дрожали, а слёзы лились сами, и я не успевала их вытирать.

Макс стоял на сцене и смотрел на меня. Наслаждался.

— Считаю спор закрытым, — сказал он, глядя куда-то за мою спину.

Те, кто стояли в углу, захохотали. Кто-то показал ему «пять» рукой.

Какой спор? Я ничего не понимала.

И тогда он посмотрел мне в глаза и произнёс:

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, Аврора Стигман.

Я бежала по коридору. Туфли скользили по линолеуму. Где-то за спиной играла музыка. Кто-то смеялся. А я бежала. От всех. От себя.

Меня больше не существовало.

А где-то глубоко внутри, в самой тёмной, самой потаённой части моей души, что-то оборвалось навсегда. То самое, что когда-то заставляло меня верить, что любовь существует. То, что порхало в груди при одном его взгляде.

Мои бабочки сгорели. В адском пламени Макса.

И с тех пор... никаких бабочек. Ни одной.

Та влюблённая девочка умерла. А та, что стояла в зале и задыхалась от слёз, родилась заново, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах больше не позволить кому-то сжигать своих бабочек.

Чтобы больше никогда не позволить кому-то настолько близко подойти к себе.

Я действительно в это верила.

До тех пор, пока однажды в моей жизни не появился Марк Хейман.

И я ещё не знала, что человек, который однажды заставит меня снова поверить в любовь, одновременно станет тем, кто сильнее всех напомнит мне, почему я когда-то решила больше никому не доверять.

Но это будет потом.

Глава 1.

Аврора.

«Жизнь, это не бегство. Это движение вперёд. Но раньше я не понимала разницы...»

После того как я закончила школу, жизнь стремительно полетела вперёд.

Сразу после выпускного я собрала вещи, точнее, сгрэбла в чемодан всё, что попадалось под руку, и сбежала. Не хотелось видеть ни осуждающих взглядов, ни фальшивой жалости, ни этих ухмылок за спиной. С тех пор всё, что напоминало мне о школе, я прятала глубоко-глубоко внутри.

Университет встретил меня серыми дождями и бесконечными библиотеками. *Журналистика, лекции, ночные редакции, я заполняла каждую минуту, чтобы не оставалось времени думать. Я будто на автомате перепрыгивала от одной задачи к другой, от семестра к экзаменам.*

Всё это прошло как в тумане.

Я даже не успела понять, что происходит.

Не только с моей жизнью, но и со мной самой.

И вот теперь, сидя на диване в своей уютной новой квартирке в Нордхейме, впервые за долгое время я почувствовала... тишину. Мир замедлился, и я наконец поняла: пора ста-

вить новые цели.

Пора начать жизнь по-настоящему.

Экран ноутбука засветился, и я увидела маму и папу. Счастливые, загорелые, с ярким морем позади. Я невольно улыбнулась.

— Ну как вы? Нравится круиз? Смотрю, у вас там такие красивые виды, — спросила я, подперев щеку рукой и вглядываясь в их лица.

— Привет, лисичка! Всё супер, круиз потрясающий, — мама, как всегда, сияла. — Только твой папа снова не соблюдает диету! Я уже пару раз ловила его на выходе из бургерной! — добавила она, закатив глаза с ласковой улыбкой.

— Я тебе уже говорил — я ошибся! — вмешался папа, делая невинное лицо. — Я искал туалет! Тут столько дверей! Откуда мне было знать, что за одной из них — бесплатные бургеры с двойной котлетой, солёными огурцами и моими любимыми каперсами?

— Как у тебя дела, дорогая? Освоилась в новой квартире? — с заботой спросила мама.

— Всё супер, мам. Квартира чудесная, спасибо вам огромное. Я почти всё разобрала, осталось докупить всякие мелочи. — ответила я.

— Милая, ты можешь приехать домой и взять всё, что нужно. Мы ничего не трогали в твоей комнате, — сказала она, и в голосе её появилась еле уловимая нотка грусти.

Наступила короткая пауза.

Конечно, родители ждали, что я вернусь в Эвервуд. Хотя на пару дней. Хотя просто в гости. Но я не приезжала домой с самого поступления. Этот город остался для меня чем-то вроде незажившей раны.

— Не, мам, я не хочу... — мягко ответила я. — Тут куча магазинов. Завтра приедут Левис и Сиенна, ходим все вместе и купим всё необходимое.

— Детка... его давно уже нет в городе, — тихо сказала мама. И замолчала на пару секунд.

— Ты можешь не переживать, — поспешила добавить она. — Почти все уже разъехались. Ни его, ни его семьи давно нет в Эвервуде.

Родители не произнесли *его* имени, но и не нужно было. Я знала, о ком речь. Даже спустя годы эти слова вызывали внутри настоящий шторм. Будто снова сорвали повязку с той старой раны, с того вечера, который навсегда изменил меня.

Сердце болезненно сжалось. Я отвернулась от экрана, чтобы собрать себя. Нет. Я не позволю этим воспоминаниям взять вверх. Не сейчас.

Папа, заметив паузу, как всегда, бросился спасать атмосферу.

— Передавай Левису привет! Скажи ему, что его последняя выставка была потрясающей! Я был в Энамораде по делам и видел, что все были в восторге! — добавил он, подмигивая в камеру.

— Хорошо, пап. Я передам. — Я слабо улыбнулась.

— Ладно, милая, у нас время йоги! Нам пора! — бодро сказала мама.

— Йога?! Опять?! — театрально возмутился папа. — Милая, мне кажется, мне срочно нужно в туалет... пока лисичка, увидимся!

Я рассмеялась и послала им воздушный поцелуй.

— Пока. Люблю вас. — сказала я.

— И мы тебя! — ответили хором родители и звонок завершился, экран потемнел.

В квартире снова стало тихо. Только слабый шум улицы за окном напоминал, что день продолжается. Всё позади. Школа. Эвервуд. Он.

Но память... память не так легко стереть. Иногда мне кажется, что если бы не то пари, если бы он...

Нет.

Достаточно.

Скоро приедут Левис и Сиенна. Будем пить вино, болтать, смеяться. Жизнь идёт. Я не позволю прошлому держать меня в плену.

Новый город. Новая я. Всё только начинается...

Глава 2.

Аврора.

Как я и говорила родителям, на выходных я действительно встретила с Левисом и Сиенной. Они только-только вернулись из Энаморады и решили заехать в Нордхейм на пару дней, чтобы, по их словам, проверить, как я устроилась в новом городе.

Мы выбрали уютный ресторан в центре, я смотрела на них и не могла не улыбнуться. Как же они изменились. Стали такими взрослыми, уверенными в себе... И в то же время, такими же, как были.

Кто бы мог подумать, что мы втроем снова будем вот так, сидеть за одним столом и смеяться?

Ах да, я сказала втроем.

И я не ошиблась. Хотя когда-то, после той истории со спором, я думала, что никогда не смогу простить Сиенну... Но справедливости ради, она действительно пыталась меня предупредить. Только вот тогда я не слушала, Я была слишком увлечена... иллюзией счастливой жизни.

Теперь же, спустя годы, всё кажется каким-то другим. И даже обида, не такой острой. Не потому что всё простилось, нет. А потому что я устала держать это внутри. Я устала нена-

видеть. Тем более, Сиенна прошла свой путь. И я уважала её за это.

— Слышала отзывы на твою выставку, Левис, — сказала я, сделав глоток вина. — Говорят, ты произвёл там фурор.

— Фурор? — Сиенна вскинула бровь и театрально вздохнула. — Это мягко сказано. Мы просто разорвали Энаморату.

Я засмеялась, глядя, как Левис покачал головой и взялся за бокал.

— Ну, прям таки "разорвали", — пробормотал он. — Так... немного наделали шума.

— Как новая квартира? Уже обустроилась? — вдруг переключилась на меня Сиенна. — Я, кстати, видела один магазинчик, там винтажные дизайнерские кресла. Я думаю, в твою новую гостиную идеально подойдёт!

Сиенна, не переводя дыхания, принялась рассказывать о винтажных креслах, которые «просто созданы для моей гостиной».

Я не сдержалась и рассмеялась.

— Боюсь, винтаж не впишется в мой скандинавский минимализм, — сказала я, покачивая бокал в руке.

— Но если бы вы помогли с парой мелочей, я была бы благодарна.

— Не переживай. Мы всё организуем, — с готовностью ответила Сиенна.

— А как продвигаются поиски работы? — мягко спросил

Левис.

Вот он, болезненный вопрос.

— Пока никак, — вздохнула я. — Журналистов в Норд-хейме не ищут. Придётся, наверное, вернуться на фриланс. — Я опустила взгляд, и покрутила бокал, наблюдая, как вино оставляет алые следы на стекле.

Мечта работать в «Мэйн Таймс», главном журнале страны, казалась такой далёкой. И всё-таки, я не переставала её держать внутри, как крошечный огонёк, который ни за что не хотелось гасить.

— А вот и не придётся! — неожиданно воскликнула Сиенна.

Мы с Левисом удивлённо уставились на неё.

— Я узнала от знакомой, что в «ИнсайтГрупп» есть открытая вакансия!

Моё сердце сделало сальто. "ИнсайтГрупп". Владелец «Мэйн Таймс». Мечта.

— Ты уверена? — нахмурилась я. — «ИнсайтГрупп» это не шутки. Они владеют половиной медиа в стране. Не думаю, что там берут... с улицы.

Сиенна закатила глаза.

— Ну, если быть честной... — она потянулась к бокалу. — Я уже договорилась о твоём собеседовании на следующей неделе.

Я чуть не выронила бокал.

— Ты серьёзно?! — я подскочила и кинулась обнимать её.

— Спасибо Сиенна, это... это невероятно!

— Не стоит благодарностей, — ответила она с довольной ухмылкой. — Но! Я просто обязана подобрать тебе новый офисный гардероб. И это не обсуждается.

— Да всё что угодно!

— А что за вакансия-то? — вмешался Левис, и мы обе замерли.

— А, да... — я повернулась к Сиенне. — Надеюсь, не уборщица?

— Я не знаю, да и какая разница кем! Главное, зацепиться в компании, — отмахнулась она. — Потом познакомишься с нужными людьми, проявишь себя... И вуаля, ты звезда!

Я засмеялась, но внутри что-то ёкнуло. *"А если правда уборщицей?"*

Но, наверное, Сиенна права. Главное, войти в эту чёртову дверь. А там... может, и будет шанс. Может, судьба наконец даст мне реванш.

— Ладно, хоть дворником, лишь бы попасть в «Мэйн Таймс», — фальшиво бодро сказала я.

Хотя, если честно, я всё ещё немного боялась, что "собеседование" окажется на должность ассистента курьера или, прости господи, уборщицы.

Но я уже не могла отступить. Потому что сейчас, за этим столом, я снова чувствовала что-то давно забытое.

Надежду.

Глава 3.

Аврора.

Я проспала.

Это было первое, что я поняла, когда в панике села на кровати, вцепившись в одеяло и уставившись в настенные часы, которые показывали: **08:17**.

А собеседование в девять. В центре. Через полгорода.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — Я соскочила с кровати, и побежала в ванную, врезавшись плечом в косяк. Зеркало показало мне растрепанную рыжую гриву, тушь под глазами и след от подушки на щеке. *"Идеально, Аврора. Просто идеально."* — подумала я.

Платье? Слишком вызывающе. Брюки? Помяты. Белая блузка? Подойдет. Пока чистила зубы, пыталась одновременно натянуть джинсы, на которых до сих пор висел ценник, но это уже не имело значения. В голове стучало одно и то же: *"Боже, почему сегодня? Почему именно сегодня я решила проспать?"*

Волосы? Быстро собрала в пучок и приколола пару невидимок, бог с ним, скромно, но хоть не как пугало. Макияж? Корректор под глаза, тушь, блеск. Всё.

Я схватила тост (*спасибо, Сиенна, за "правильный зав-*

трак для продуктивного дня") и выскочила из квартиры, едва успев запихнуть ноги в туфли. Пока обувала туфли, пыталась одной рукой засунуть в сумку резюме, расческу и банан.

— Я взрослый и ответственный человек. Правда же? Я никогда не опаздываю...ну почти никогда, — пробормотала я себе под нос и вылетела из квартиры.

Остановка. Автобуса не было. Минуту, две, пять...

Я нервно постукивала каблуком по асфальту, сверяя время на телефоне. Осталось 20 минут. Если он приедет сейчас, я еще успею.

— Автобус... Ну где ты, родной?! — шептала я, подпрыгивая на месте. Я уже думала бежать пешком, но в этот момент автобус наконец показался из-за угла, как будто нарочно медленно катясь, ленивый как улитка.

В автобусе я стояла, держась за поручень, уткнувшись лбом в стекло. — Ты справишься, — сказала я себе. — Ты умная, ты подготовилась.

Телефон вибрировал, пришло сообщение от Левиса: *"Удачи сегодня. Ты справишься."*

Я хотела ответить что-то остроумное, но вместо этого просто стиснула зубы.

— Надеюсь, Левис, — выдохнула я.

9:15.

Я опаздывала уже на 15 минут, поэтому как только автобус подъехал к нужной остановке, я вылетела как пробка. Каблуки стучали по асфальту, волосы выбивались из пучка,

сумка стучалась о бедро. Я бежала по направлению к небоскрёбу со стеклянным фасадом, на котором огромными буквами красовалось: INSIGHT GROUP. Огромный медиахолдинг. Журнал, телевидение, онлайн-платформы. Моя мечта. Моя цель. Мой возможно единственный шанс.

Перед стеклянной дверью стоял охранник.

— Девушка, куда вы? — окликнул меня он.

— Я... на собеседование! Аврора Стигман! На девять! — выпалила я на одном дыхании.

Он скользнул взглядом по списку, не торопясь:

— Вам на третий этаж, кабинет 312. Лифт, дальше прямо и направо.

— Спасибо! — я кивнула, пробежала мимо, чувствуя, как пятки ноют, а рубашка прилипает к спине.

Лифт. Кнопка "3". Сердце стучит в ушах. В голове пусто. Что я вообще скажу, если меня спросят про опыт? Я даже статьи не успела опубликовать! А вдруг там будут настоящие журналисты?

Двери открылись.

Коридор. Таблички. 310... 311... 312. Я замерла на пороге, пытаясь успокоить дыхание. *"Соберись, Стигман. Ты журналистка. Ты можешь..."*

Я толкнула дверь и застыла.

В комнате было семь. Нет, десять. Девушек. Каждая, как из обложки журнала. Длинноногие, с безупречным макияжем, в идеально сидящих костюмах. Одна поправляла

прядь каштановых волос, другая изучала ногти с идеальным маникюром. У кого-то в руках был собственный портфолио с лейблом. Я, со своей бумажкой и бананом в сумке, почувствовала себя оладушком на конкурсе моделей.

— О боже...

Кажется, это был не отбор журналистов. Это был кастинг.

Что я здесь делаю? Я явно была здесь не к месту.

Я же никто. У меня нет опыта. Нет связи. Нет даже приличного платья. А здесь, целая армия богинь. Меня точно не выберут. Я медленно отступила к стене, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Мне не победить этих кукол. Они... они идеальны.

Но уходить было уже поздно.

Я выдохнула, собравшись с духом, и подошла к стойке, за которой сидела секретарь.

— Эээ... здравствуйте, я Аврора Стигман, — пробормотала я. — Я должна была быть записана на девять, но... я немного опоздала...

Секретарь подняла голову от компьютера, посмотрела на меня:

— Здравствуйте, Аврора. Не переживайте. Вы не опоздали. Ваша очередь ещё не подошла. — спокойно ответила девушка.

— Эээ... отлично... — я натянуто улыбнулась. — Вам нужны какие-то документы?

— Если у вас есть резюме или рекомендации, это добавит вам преимущества, — сказала она.

"Преимущества..." Ага. Конечно.

Слово, которое в моём случае звучит как «спасательный круг в бассейне с акулами».

Я неловко полезла в сумку, вспоминая, что сунула туда резюме между бананом и расчёской. Пока искала, заметила её внушительно округлившийся живот. Беременная, и при этом, в обтягивающем деловом костюме, на каблуках, в офисе.

Наконец вытащила помятый лист с резюме, секретарь пробежалась глазами по тексту:

— Ммм... высшее образование, журналистика, коммуни-
кабельность... — бормотала она, читая.

Две девушки, сидящие чуть поодаль, заметно обсуждали меня. Точнее, не просто обсуждали, а не стеснялись в выражениях.

— Боже, тут что, день открытых дверей для немощных и убогих? — проговорила одна с ярко-красными волосами.

— Ты только посмотри, она пришла на собеседование в джинсах... Не удивлюсь, если они из секонд-хэнда, — добавила её подруга.

Я сжалась, сделала вид, что не услышала. Хотя услышала, конечно услышала, каждое слово.

— Аврора, присядьте на диван, я вас позову, — сказала секретарь и вернулась за стойку.

Я села на диван к этим акулам, стараясь не обращать внимания на обстановку. Но это было невозможно.

— Девушка, а вы с какого агентства? — нагло спросила красноволосая.

— Я не из агентства, — прошептала я, не глядя в их сторону. — Нашла вакансию в интернете, — добавила я, продолжая нагло врать.

— В интернете? — вторая девушка аж приподняла брови. Ну да, девочки, в интернете. Там, где нормальные люди ищут работу, пока вы трясетесь за количество лайков, и дружите с фотографами за красивые фотки.

— Ага, на сайте вакансий, — я уставилась в стену, надеясь, что такой ответ их устроит.

— Псс, девчонки! — к нам подошла девушка, в суперкоротком платье. — Видели живот у секретарши? Говорят, она беременна от самого босса! Он теперь хочет от неё избавиться, вот и устраивает кастинг на новую секретаршу!

СТОП.

Это собеседование... на должность **СЕКРЕТАРШИ? ЛИЧНОЙ СЕКРЕТАРШИ ГЛАВЫ МЕДИАКОМПАНИИ?!**

У меня перехватило дыхание.

"Аврора, не слишком ли ты сильно замахнулась?"

В голове уже начал звучать знакомый голос Макса.

*"Ты серьёзно думаешь, что **ТЕБЯ** возьмут?"*

Я пыталась не дрожать, но ладони вспотели, а сердце ко-

лотилось так сильно, что кажется это было слышно всем вокруг.

Почему я пришла сюда? Почему решила, что у меня хоть какой-то шанс?

— Боже, Сиенна... на что ты меня подписала? — прошептала я. — Это всё не для меня... Макс прав... Какая из меня секретарша, если я даже на собеседование вовремя прийти не могу... — продолжала я сама себе, как мантру.

Я уже приподнялась, готовая бежать.

И тут...

Дверь в кабинет открылась. Из неё вывалилась девушка с огромным декольте, на шпильках и с лицом, перекошенным от обиды.

— Вот гавнюк! Он ещё пожалеет, что не взял меня! Видите ли, я не знаю поэтов серебряного века! Я что, сюда книжки читать пришла?! Идиот! — возмущалась она на весь коридор.

Он сам проводит собеседование. Самый главный Босс.

— Аврора Стигман? — вдруг раздался голос секретаря.

Я подняла голову. Она смотрела прямо на меня:

— Можете проходить. — кивнула она.

Вот чёрт.

Аврора беги. Сейчас же. Пока не поздно.

Глава 4.

Аврора.

Кабинет встретил меня гробовой тишиной. Широкие окна, минималистичная мебель, и мужская фигура, стоящая спиной у панорамного стекла. Даже со спины было видно, что мужчина был хорош собой, явно дорогие часы, подкачанное тело.

Боже, Аврора, о чём ты вообще думаешь...

Мужчина даже не обернулся. Я сглотнула и сделала пару шагов внутрь:

— Здравствуйте... Меня зовут Аврора Стиг... — начала я неуверенно.

Но договорить я не успела. Его голос перебил меня, холодный и размеренный, будто читал лекцию:

— Мы судим о людях по их манерам, а манеры... — его голос, перебил меня на полуслове.

Я узнала цитату сразу. Вольтер. "Философские письма". Текст, который я знала почти наизусть после полугода исследований для университетской работы.

— ...чаще всего бывают лишь масками, — закончила я твёрдо.

Он обернулся, и первое, что бросилось в глаза, его удив-

лённый взгляд. Он явно не ожидал, что такая молодая девушка знает Вольтера.

Ему было не больше тридцати трёх лет. Чёрные волосы контрастировали с ярко-зелёными глазами, лёгкая щетина придавала мужественности, а рубашка сидела так плотно, что, казалось, вот-вот лопнет.

Он выглядел как греческий бог.

— Верно. Вы поклонница Вольтера? — спросил он.

— Писала по нему научную работу в университете. — ответила я.

Его бровь едва заметно приподнялась.

— Хмм. Интересный выбор для научной работы. — он сделал паузу, изучая меня. — Можете представиться.

— Я... э... меня зовут Аврора Стигман, — прошептала я, чувствуя, как горло пересохло.

— Аврора... — повторил он моё имя, словно пробуя его на вкус.

— Меня зовут Марк Хейман, но я полагаю, что вы и так это знаете, раз пришли сюда, — мужчина пошёл к столу.

— Наверное, надо рассказать о себе, да?.. — неловко спросила я, уже пожалевав о сказанном.

Он кивнул.

— Эм... мне двадцать два. Я закончила университет Бриксфорда... — начала я, а он вдруг двинулся ко мне.

Я начала рассказывать о себе, а он, в этот момент, двинулся ко мне, и начал обходить меня.

Медленно. Спокойно. Как хищник.

— Направление журналистика. У меня красный диплом... — продолжала я, голос предательски дрожал. — Нет опыта работы... Но я быстро учусь...

Он был уже у меня за спиной. Так близко, что я чувствовала тепло его тела, дыхание, и его резкий, дорогой парфюм. Я застыла.

Он наклонился, и его голос прозвучал у самого уха:

— Насколько сильно вам нужна эта работа?

Меня бросило в жар, а потом в холод - от такого близкого контакта и наглости, что за психологические пытки?

— Очень сильно... — выдавила я. — Это... честь. Работать здесь честь... и у меня есть зна... — начала я стандартную речь, но он перебил:

— Раздевайтесь, — спокойно сказал он, обойдя меня и встав прямо передо мной, сложив руки на груди.

Время остановилось. Я моргнула. Один раз. Второй.

— Что?.. Простите? — спросила я, надеясь, что он просто плохо пошутил.

— Вы сказали, вам нужна эта работа. Раздевайтесь, — всё так же спокойно повторил он, без тени смущения.

Это была не шутка.

— Я не собираюсь спать с вами! — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Серьезно?!

Это что за средневековый ритуал посвящения? Спасибо,

Сиенна, великолепная идея. Работа мечты, говоришь?

— Почему? — всё так же спокойно спросил он. Как будто, предлагать переспать с первой встречной, для него обычное дело.

— Потому что это, во-первых, непрофессионально! А во-вторых... во-вторых... — я запнулась. — Вы мне не нравитесь. Вот!

Он... улыбнулся.

— Непрофессионально, — согласился он. — Но вам же нужна эта работа? А значит...

— Значит такая работа, не для меня! — не дала я ему договорить и резко развернулась к двери.

— Вы приняты, — вдруг сказал он.

Я застыла.

Что?!

Я повернулась, но Марк уже сел за компьютер и печатал, не поднимая взгляда.

— Это шутка? — спросила я с возмущением, не веря своим ушам.

— Никаких шуток, просто проверка. Вы её прошли. Можете идти оформляться, я жду вас завтра. — спокойно ответил он.

Он продолжил печатать, будто ничего и не было.

На автомате я вышла, прикрыв за собой дверь. Прислонилась к ней, и закрыла глаза.

Хотя до сих пор не понимаю, что именно за проверку я

прошла. Проверка на моральные принципы, стрессоустойчивость? Тест на идиотизм? Или он действительно ожидал, что я... Нет, лучше не думать.

Открыв глаза, я увидела, как десяток девушек с изумлением одновременно уставились на меня.

Упс.

— Ну что? Как все прошло? — рыжая девушка ядовито улыбнулась.

— Хорошо, но кажется, на сегодня собеседование окончено, — пробормотала я себе под нос.

Даже не знаю, благодарить Сиенну за такой "шанс" или нет, но тем не менее...

Меня можно поздравить, теперь у меня есть работа.

Глава 5.

Аврора.

Я проснулась в шесть утра, хотя будильник стоял на семь. Полчаса я тупо лежала, глядя в потолок, перебирая в голове все возможные сценарии, как именно я опозорюсь сегодня на работе, пока наконец не собралась с силами и не вытащила себя из кровати.

В офис я пришла на двадцать минут раньше. То ли потому что боялась опоздать, то ли потому что в своей квартире я уже начала сходить с ума. Поднявшись, я зашла в приёмную.

Лилиан встретила меня улыбкой, которая, к моему удивлению, оказалась искренней.

Вчера я особо не рассматривала ее, но теперь, при дневном свете, я явно поняла, почему она работает здесь. Она была красивая, но не как те модельные куклы. Нет, она была миловидной, но сразу было видно, что с характером. Чёрные короткие волосы каре обрамляли лицо, большие голубые глаза смотрели уверенно, а пухлые губы складывались в лёгкую улыбку. На ней были дорогие часы, не такие, как у босса, конечно, но тоже вполне приличные, синие брюки и белый пиджак, который облегал её уже довольно большой живот.

Было видно, что Лилиан явно не бедствует, наверное, зарплата тут и правда хорошая.

— А ты мне сразу понравилась, — сказала она. — Не то что эти размалеванные куклы. Они бы тут и дня не продержались.

Я подняла бровь.

— Почему? — спросила я.

— У Мистера Хеймана очень строгие требования к подчиненным, — ответила она.

О, не сомневаюсь, подумала я, вспоминая вчерашний "раздавайся-тест".

— Итак, смотри, — сказала она, подзывая к компьютеру.

Она начала показывать рабочий стол, курсор мелькал по экранам, окна открывались и закрывались, вкладки мелькали.

— Тут список задач Мистера Хеймана. Тут его почта. Тут документы, это договора. Вот шаблоны. Это календарь встреч. Здесь редакционная база, — перечисляла она.

Я кивала, пытаюсь запомнить хотя бы половину, но мой мозг уже был готов лопнуть от такого количества новой информации.

— Вот, тут сайт ресторана, откуда нужно заказывать ланч для Мистера Хеймана. Запомни его и никогда не закрывай, — добавила она.

Я достала блокнот и уселась на диванчик.

— У него есть на что-то аллергия? — спросила я.

— Нет. Но Мистер Хейман очень следит за своим здоровьем. Не ест жирного, слишком сладкого, острого, соленого, ненавидит орехи в любом виде...

Я мысленно вычеркнула орешки из своего офисного перекуса. И одновременно подумала: а что же он вообще ест, воздух?

— Зато кофе он обожает, — продолжила она. — Но только сорт Black Ivory. Без сахара, без сливок, без молока, просто чёрный.

— Подожди... это тот кофе, который делают... эээ... ну... через слона? — я скривилась.

— Да, — ухмыльнулась Лилиан. — Думаю, он не знает подробностей. И давай не будем ему об этом говорить, а то будет ещё одна фобия в его списке.

Отлично. Значит, мой босс не только любит унижать людей на собеседованиях, но и пьет кофе, который... эээ... проходит через пищеварительную систему слонов. Прекрасно.

— Кофемашина стоит тут, — показала она. — Вот кружки, ложки, сахар, конфетки для гостей. Можешь тоже брать, это бесплатно.

Кофемашина оказалась роскошной, как личный бариста, только без бороды. Лилиан показала, где чашки, ложки, конфетки. От слова «бесплатно» мои глаза заблестели, потому что конфеты это святое.

— Есть ещё что-то, что мне нужно знать? — спросила я.

— Пока всё, но если что звони. Я всегда на связи, — подмигнула она. — Кстати, сегодня босса не будет, так что можем вместе сходить на обед.

Как же прекрасно звучит «сегодня босса не будет».

Мы спустились в кафе на первом этаже. Я заказала чай, потому что кофе мне теперь надолго ассоциируется с... ну, слонами. А к чаю пирожное, потому что стресс требует сахара, даже если ты работаешь на мужчину, который питается, по ходу, светом и энергией вселенной.

Я смотрела, как она аккуратно размешивает чай, и не держала.

— Лилиан... Расскажи мне про него, — попросила я. — Про Мистера Хеймана. Какой он?

Она задумалась.

— Он... очень пунктуальный. Прямо до болезненности. Если встреча назначена на 14:03, то это будет именно 14:03, не 14:01, не 14:04. И если ты опоздаешь, он может не начать встречу. Или отменить её, или смотреть на тебя так, что ты сама захочешь исчезнуть, — задумчиво произнесла она.

— Поняла, — я постаралась не выдать панику, но внутри уже складывала план: будильник, дублирующий будильник, таймер, напоминание от Siri и, возможно... петух.

— Если что-то идет не так... он будет очень зол. Поэтому часы твой лучший друг, Аврора, — предупредила она.

Я вздохнула. Пунктуальность это явно не моя сильная сторона. Теперь придется вставать в пять утра, чтобы успеть на

работу к восьми.

— Лилиан, извини за бестактность, но... вы с мистером Хейманом, ну... это... как бы... вместе? — спросила я и посмотрела на её живот, уже довольно округлившийся.

— О, это? — она засмеялась. — Нет, не от него, не волнуйся.

Но потом улыбка чуть потускнела, и она добавила чуть тише:

— Это от другого...

И затем добавила так тихо, что я едва расслышала:

— ...босса.

Я чуть не поперхнулась чаем.

— А... ясно... — неловко проямлила я.

— Просто... те девушки на собеседовании... — начала я, но не закончила.

— Да, я слышала. — она посмотрела на меня, — Но поверь, Аврора, это не самое страшное, что о тебе могут тут рассказать.

Она наклонилась ближе, и ее голос стал серьезным.

— Мой тебе совет: не заводи тут друзей. Не рассказывай никому о делах Хеймана. Не обсуждай его в здании, ведь любое твое слово могут обернуть против тебя, — серьезно произнесла она.

— Хорошо... — сказала я.

Она бросила взгляд на соседний столик, где двое коллег ели чизкейк и хихикали. Я почувствовала, как внутри что-

то сжалось. А мой энтузиазм, и детское «ура, я работаю в медиа» вдруг стало серым и неуверенным.

Глава 6.

Аврора.

Мой первый рабочий день начался с того, что я встала на три часа раньше обычного, что для меня было сродни подвигу. Когда я ввалилась в офис в 7:45, у меня было целых пятнадцать минут, чтобы осознать, что я понятия не имею, что делать, пытаюсь разобраться в бесконечных вкладках на компьютере, я даже не заметила, как дверь в приемную открылась.

Босс же стоял в дверях, свежий и бодрый, будто только что сошел с обложки журнала.

— Доброе утро... — он чуть запнулся, и я видела, как его взгляд скользит по мне, явно пытаюсь вспомнить моё имя.

Отличное начало.

— Аврора, — подсказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя сама уже краснела.

— Да-да, конечно, я помню. Уже вникли в суть работы? — спросил он, и я поняла, что сейчас придётся врать.

О да, конечно, я уже полностью освоила все эти миллионы файлов, договоров и отчетов за какие-то жалкие полчаса, — думала я про себя, но вслух лишь выдавила:

— Угу. — кивнула я.

Он кивнул, будто поверил (*или сделал вид, что поверил*), и добавил:

— Ладно, зайдите ко мне через двадцать минут, обсудим задачи на сегодня, — сказал он, уже направляясь к своему кабинету.

Он исчез за дверью своего кабинета, а я только я начала возвращаться к своим вкладам и думать, как выжить эти двадцать минут, как вдруг в офисе раздался голос босса:

— Аврора. — позвал он.

Я чуть со стула не упала.

— Это мистер Хейман, — продолжил босс.

Ага, спасибо, а то я перепутала и подумала, что это Папа Римский, — пронеслось в голове.

Я нажала кнопку связи, потому что, а что ещё мне остаётся делать?

— А зачем вы звоните мне? — выдала я, осознавая, что только что ляпнула что-то гениально глупое.

— Аврора, я не звоню, это селектор, так я буду давать вам поручения, — ответил строго Мистер Хейман.

— Поняла, — быстро ответила я и нажала отбой.

Ровно через двадцать минут, как послушная первоклашка, я зашла в его кабинет. Он, естественно, сидел в своём компьютере, и не замечал моего присутствия.

— Кхм, вы просили зайти, — подала я голос, чтобы хоть как-то напомнить, что я здесь.

— Угу, записывайте, — сразу отозвался он.

Я едва успела схватить блокнот, как он начал сыпать заданиями:

– Отправьте договора по «Страйт Фаинд» в бухгалтерию. Проверьте оплату счетов. Узнайте у «Грин Найд», что у них там со сделкой, когда встречаемся и подготовьте всё. Позвоните в маркетинг, пусть пришлют мне отчёт за прошлое полугодие.

Он говорил так быстро, что моя рука едва успевала вывести каракули в блокноте, а мозг отчаянно пытался понять, что из этого вообще значит.

— Аврора, вам все понятно? — спросил он, наконец оторвавшись от экрана.

Я подняла на него глаза и поняла, что если сейчас не сойду, то сгорю с позором.

– Мистер Хейман, а к какому сроку это нужно сделать? — спросила я, надеясь услышать что-то вроде «на неделе».

– До обеда управитесь же? — спокойно сказал он, даже не моргнув.

Я чуть не подавилась воздухом. ДО ОБЕДА?! Да я полчаса только в почту заходила!

— К-конечно, — прошептала я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— А да, принесите мне еще чашечку кофе, — добавил он, уже возвращаясь к своим делам.

Я вылетела из кабинета, рухнула за свой стол и уткнулась лбом в клавиатуру.

Ладно, спокойно. Начнём с самого простого, кофе. Проклятый Black Ivory.

Я подошла к этому монстру из нержавеющей стали, похожему на космический корабль, и начала нажимать на кнопки. Естественно, ничего.

— Блин, ну давай же! Почему ты не работаешь?! — шипела я, нажимая все подряд.

— Господи, за такие деньги ты должен сам варить и носить ему этот кофе! — буркала я, тыкая почти на все кнопки, пытаюсь понять, как добыть этот священный напиток. Но вместо этого я получила лишь шипение, странные надписи на дисплее и испачканные чашки.

Я уже хотела позвонить Лилиан, но передумала. Если я буду бегать к ней по каждой мелочи, она решит, что я полный ноль, и расскажет боссу. Я металась по офису, как белка в колесе, пока не вспомнила про кофе на первом этаже. Побежала туда, и, конечно, очередь! Целая армия людей решила, что им именно сейчас позарез нужен кофе.

Время шло, а кофе для Мистера Хеймана не готовился.

Я решила действовать радикально и пулей вылетела на улицу, надеясь найти хоть какой-то ларёк с кофе. На счастье, прямо рядом с зданием стоял маленький, но работоспособный киоск.

— Здравствуйте, мне, эээ... самый крепкий кофе, что есть, без сахара и сливок, — тараторила я, достав кошелек.

Продавец протянул мне бумажный стаканчик, я сунула

ему деньги, даже не дожидаясь сдачи, и помчалась обратно.

С кофе в руках я вбежала обратно в офис, перелила кофе из бумажного стаканчика в фирменную кружку, и тут снова в селекторе раздался голос босса.

— Аврора, где мой кофе? — прозвучало в динамике.

— Уже несу! — крикнула я и пулей влетела к нему в кабинет.

— Пожалуйста, ваш кофе, — поставила я кружку на стол, стараясь выглядеть максимально спокойной.

Он взял ее, не отрываясь от экрана, поднес к губам...

Я замерла, представляя, как он морщится и требует объяснений.

— Ммм, какой насыщенный вкус, — одобрил он.

— Я открыла свежую упаковку, — соврала я, выдыхая.

— Отлично, спасибо. Можете быть свободны. — ответил он.

Я вышла, закрыла дверь и прислонилась к стене.

Он не заметил. Он действительно не заметил разницы!

И тут до меня дошло: мой босс, который помешан на контроле и идеальности во всем, совершенно не разбирается в сортах кофе. Теперь начинается самое интересное: можно попробовать его отучить от этого слоновьего гов... дорожущего кофе. Так, завтра попробую дать ему арабику из соседнего кафе. Послезавтра - может, вообще растворимый? Через месяц научу его пить чай!

Если я умудрилась так его провести, то, может, не всё так плохо в этой жизни.

Хотя... впереди у меня ещё три списка дел, которые нужно выполнить до обеда.

Так что, Золушка, марш чистить золу, пока карета не превратилась в тыкву.

не люблю
когда меня
жалуют.

я просто
пыталась
не сдаваться.

иногда мне
кажется, что
я слишком
много хочу.

план на день:

- ☐ не паниковать
- ☐ выглядеть уверенной
- ☐ не влюбляться в
своего босса

мне не нужен идеальный
теловик.
мне нужен мой.

давать
не навязывать
верить
жить

"и всё будет
хорошо."

Глава 7.

Аврора.

Прошел месяц, как я оказалась в этом аду, где время перестало быть чем-то измеримым, потому что дни сливались в одну длинную череду кофе, документов, срочных поручений.

Телефон завибрировал в самый неподходящий момент, как раз в тот момент, когда я в очередной раз вбивала данные в бесконечную таблицу. На экране светилось *"Мама"*. Ну, замечательно, сейчас начнётся: *«детка, ты кушаешь, детка, ты не худеешь ли там, детка, а как на новой работе»*. Я уже слышу это в голове и понимаю, что солгать будет легче, чем объяснить, почему я каждую ночь хочу залезть под одеяло и неделю не вылезать.

— Алло, детка, привет! – раздался радостный голос мамы. – Как ты? Как новая работа? Мы с папой так соскучились, ты совсем не звонишь...

Я сглотнула, глядя на экран, где мигало несохранённое письмо, и привычно натянула маску.

— Эээ... Да всё хорошо, мам, работа тоже хорошая, – сказала я.

Ха-ха. Отличное слово *«хорошая»*.

И пока я говорила это, перед глазами всплыло недавнее утро.

Я проспала, потому что засиделась над отчётами до трёх ночи, и утром мчалась со всех ног, пытаюсь попасть в кабинет до его прихода, но...не успела.

— Мисс Стигман, — раздался его голос, стоило мне зайти в приемную. Я замерла, чувствуя, как спина покрывается мурашками. — Вы решили, что рабочий день начинается в восемь ноль-пять? Или мои часы спешат?

Я медленно подняла глаза. Он стоял, заложив руки в карманы идеально сидящих брюк. Его взгляд скользнул по мне, и я почувствовала себя школьницей, пойманной на списывании.

— Извините, мистер Хейман, транспорт... — растерянно произнесла я.

— Не оправдывайтесь, — он перебил меня. — Опоздания, это неуважение. К работе, ко мне, к себе. Не повторяйте этого.

— Как начальник? Не обижает тебя? — голос мамы вернул меня в реальность.

Я чуть не рассмеялась.

— Ой, нет... он... ты знаешь, он очень внимательно относится к своим работникам, да и вообще к работе в целом, — натянуто ответила я.

И тут же вспомнила сцену, свидетелем которой стала на днях. Я несла ему, его теперь уже любимый кофе, и замерла

на пороге его кабинета, услышав гневный голос.

— Вы понимаете, что это был ключевой отчёт?! — он буквально кричит в трубку.

— Вы вообще думаете, прежде чем присылать мне это? Или у вас мозг выключен? — в трубке явно кто-то пытается что-то объяснить, но Марк перебивал. — Из-за вашей ошибки мы чуть не потеряли контракт! Может, вам стоит поискать работу попроще? Например, в детском саду, там уровень вашей компетенции будет вполне уместен.

Я стояла рядом, держа чашку кофе, и тихо молилась, чтобы этот гнев не перекинулся на меня. Трубка с грохотом легла на стол, а я в этот момент поняла, что зря пришла сюда вообще.

Вот прям зря.

— Я окружён идиотами, которые даже простую задачу не могут выполнить! Мне что, всё делать самому?! — бурчал он закрыв глаза.

— Проблемы, мисс Стигман? — он поднял на меня глаза.

— Нет... Я... кофе... — пробормотала я, застывая на пороге.

— На стол. И в следующий раз не стойте над душой. Это неприлично, — бросил он, возвращаясь к своим бумагам.

— Очень чуткий и понимающий человек, — продолжила я маме, и мои пальцы сжались вокруг телефона так, что костяшки побелели.

— Ну, слава богу, — мама облегчённо вздохнула, — а то

знаешь, иногда попадаются такие начальники, что и минуты свободной не дают отдохнуть, — сказала мама, и я едва сдержала горький смешок.

Да, мам, минуты отдыха, это миф. Я поспала три часа вчера, и то потому, что уснула прямо в одежде, с ноутбуком на груди.

— Мистер Хейман не такой, — солгала я, глядя на экран и думая, что мне точно будет отдельный котёл в аду за все это вранье. — Ты представляешь, он даже иногда отпускает меня раньше с работы, — сказала я, и мой голос прозвучал так убедительно, что я почти поверила сама.

Воспоминание нахлынуло, такое яркое, что я на мгновение забыла, где нахожусь. Вчерашний день. Семь вечера. Я только собралась домой, но измотанная до предела, стояла у его стола с кучей документов.

— Аврора, это что? — спросил он, постукивая пальцами по столу.

— Эм... отчёт по проекту... — спросил он, постукивая пальцами по столу.

— Это не отчёт. Это мусор. Все эти документы вы сделали неправильно. Переделывайте, — отрезал он.

— Но я... я не успею сегодня, но я могу закончить завтра утром, — осторожно возразила я, а руки уже дрожали.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на груди и посмотрел на меня так, будто наслаждался моим мучением.

— Завтра утром, у меня совещание. И мне нужны циф-

ры. — Марк посмотрел на часы. — У вас есть еще вся ночь. Уверен, вы справитесь.

— Конечно, мистер Хейман, — я прошептала, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

— Отлично. Приятного вечера. — он повернулся и ушёл, оставив меня стоять там с ощущением полной безнадёжности.

Да, мам, он отпускает меня раньше. Если раньше, это в три часа ночи.

— Ну хорошо, детка, я рада, что у тебя всё хорошо. Звони нам, не забывай, любим тебя, — сказала мама, и я почувствовала ту знакомую вину, которая каждый раз грызёт меня, когда я её обманываю.

— Хорошо, мам, и я люблю вас. — прошептала я и положила трубку.

Я устало рухнула на стол, чувствуя, как холодная поверхность стола, и закрыла глаза, представляя, как было бы прекрасно оказаться сейчас дома в своей уютной постели.

Мысли о том, что мне предстоит еще несколько часов работы, вызывали легкую тошноту, и я уже готова была мысленно попрощаться с любыми планами на вечер, как вдруг услышала характерное «кхм-кхм», слишком показательное, чтобы поверить, что это случайность.

Я подскочила с места, и с ужасом поняла, что Марк стоит прямо у моего стола.

— Мистер Хейман? — мой голос предательски дрогнул,

и я даже не пыталась скрыть нервозность. — Давно вы тут стоите?

Если он слышал весь мой разговор с мамой... Всё, гроб, крест, поминки и стыд на всю оставшуюся жизнь.

— Ээ... нет, — он слегка покачал головой, и его губы тронула едва заметная улыбка.

Ну да, конечно, «нет». А взгляд такой, будто он прослушал вообще весь мой телефонный разговор. Он продолжал стоять у моего стола, и эта пауза затягивалась, становясь все более неловкой.

— Кофе? Я сейчас... — я начала автоматически, уже готовясь броситься к ненавистой кофемашине, но он прервал меня жестом.

— Нет, Аврора, не стоит, — наконец сказал он, и голос был непривычно мягкий. — Я пришёл сказать, что сегодня меня в офисе больше не будет.

— Мистер Хейман, но... у вас же созвон с инвесторами через час... — осторожно напомнила я, уже мысленно прокручивая календарь и пытаясь понять, не я ли что-то перепутала.

— Я отменил встречу... у меня появились срочные личные дела, — его голос звучал подозрительно спокойно.

— Ааа, ну хорошо, — я ответила, все еще не понимая, что происходит.

— Поэтому, может, вы тут всё закончите и тоже пойдёте домой? — он произнес это с какой-то странной, почти ра-

достойной интонацией, которая совершенно не вязалась с его образом.

— Домой? — я повторила, как эхо, все еще не веря своим ушам.

— Ну да, — Марк посмотрел на меня так, будто это была самая очевидная вещь в мире.

— Тем более всю прошлую ночь вы провели тут. И как чуткий и понимающий руководитель, я не могу позволить вам так перерабатывать, — сказал Марк и, не дав мне вставить ни слова, развернулся к двери.

Чуткий и понимающий руководитель... я чуть не расхохоталась вслух.

— До завтра, Аврора, — бросил он через плечо, и в его голосе снова появились знакомые нотки уверенности, но теперь в них было что-то еще... какая-то странная мягкость.

Он развернулся и пошел к выходу, оставив меня сидеть с открытым ртом.

— До завтра, Мистер Хейман, — я прошептала, и на моем лице расцвела улыбка, которую я не могла сдержать.

Он слышал. Он определенно слышал весь мой разговор с мамой. И вместо того чтобы злиться или издеваться, он... отпустил меня домой. И, знаете что? Я не знаю, хорошо это или плохо, но это странным образом грело мне сердце.

Глава 8.

Аврора.

Это рабочее утро ничем не отличалось от предыдущих, ну разве что мистер Хейман перестал держать меня в офисе до ночи, и я впервые за долгое время пришла на работу почти выспавшаяся и даже с неким подобием хорошего настроения, которое, как оказалось, было обречено погибнуть мучительной смертью в первые же минуты.

Я сидела за своим рабочим местом, привычно печатая очередной отчет, и только собиралась налить себе кофе, когда двери распахнулись, и на пороге появилась она. Женщина, остановившаяся перед моим столом, выглядела так, будто сошла с глянцевой обложки. От неё пахло дорогим парфюмом и деньгами. Очень большими деньгами.

Я даже натянула на лицо свою дежурную приветливую улыбку, но улыбка тут же сползла с моих губ, едва эта жертва люкса открыла рот.

— Эй, чучело, Марк у себя? — её голос прозвучал очень резко, нарушая утреннюю тишину офиса.

Я медленно подняла голову, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица.

Чучело? Серьёзно? Надо же, а я-то думала, что выгляжу

вполне себе презентабельно для семи утра.

— Простите, вы ко мне? — я сделала голос максимально нейтральным.

— Тебе, тебе, — она усмехнулась. — Боже, Марк опять взял на работу какую-то глупую обезьяну.

— Значит так, — она продолжила, рассматривая меня с ног до головы. — Я Элеонора, невеста твоего босса. Так что все свои влажные мечты о Марке выкинь из своей рыжей головы.

Я почувствовала, как по щекам разливается краска.

Ага, конечно. Единственное, о чём я мечтаю, это чтобы твой жених перестал заставлять меня переделывать отчёты по три раза.

— Я и не думала, мисс... — начала я оправдываться, хотя сама прекрасно знала, что врать бессмысленно, ведь она всё равно услышит ровно то, что хочет.

И правда, какие ещё «фантазии о боссе»? У меня, если честно, единственная эротическая мечта последних месяцев, это спать. Причём спать в обнимку с подушкой, а не с начальником, но вряд ли она меня поймет.

— Знаю я ваши "и не думала", — она язвительно улыбнулась. — А потом в декрет уходят с огромным пузом.

— Хотя... — она снова посмотрела на меня, и на её лице появилась насмешливая улыбка. — Тебе такое явно не светит.

Господи, да ради бога! Мне только этого не хватало. Тем

более видя, какая у него невеста, я начинаю сомневаться в адекватности самого мистера Хеймана. Хотя, возможно, она держит его на коротком поводке, и у него просто нет выбора.

— Так, чучело, нас не беспокоить, — она повернулась к двери кабинета. — И принеси мне кофе через 15 минут. Окей?

И, не дожидаясь моего ответа, направилась в кабинет босса.

Что ж, теперь понимаю, почему мистер Хейман так стремится оставаться на работе допоздна.

После того как невеста босса, скрылась за дверью кабинета, я, как примерная помощница, решила изобразить заботу и принялась готовить для невесты босса тот самый элитный кофе, мысленно представляя, как эти слоны где-то там в Томаранге счастливо живут своей жизнью, пока их пищеварительные отходы становятся элитным кофе для Элеоноры. Я даже молотые зёрна отсыпала щедро, чтобы вкус был крепче, раз уж у нас тут леди с особыми запросами, пусть получает по полной программе

Вот только в тот момент, когда я как раз красиво наметывала всё это варево в чашке, селектор вдруг ожил:

— Нора, я вообще-то работаю, зачем так врываться? — с усталостью сказал мистер Хейман.

Я застыла с чашкой в руках.

Кажется, кто-то нажал кнопку и забыл её отпустить.

Отлично.

— Ты давно не приезжал, я соскучилась, — протянула Элеонора приторно сладким голосом.

— Я тебе говорил, у меня много работы, новый проект... — начал Марк, но его сразу же оборвали.

— И новая секретарша. Что, отправил свою любовницу в декрет? — прошипела она.

— Сколько раз тебе говорить, Лилиан не моя любовница, — спокойно ответил он.

— Ну а эта? Она позорит твой офис, Марк, — и вот тут я поняла, что «эта» - это я. Я замерла, затаив дыхание, ожидая, что же он ответит.

— Она неплохой работник, — неожиданно спокойно ответил Марк. — И в отличие от твоих подруг, которых ты присылала на собеседования, она хотя бы умеет читать.

...Что. Простите?! Он сейчас серьёзно сказал, что моё главное преимущество перед её подружками - это способность складывать буквы в слова? Я стояла с чашкой кофе, уставившись на неё, и во мне кипело возмущение. Да я, между прочим, с красным дипломом по журналистике, у меня в запасе статьи, которые цитировали серьёзные издания! Я умею читать лучшие многих. Спасибо, мистер Хейман, что хотя бы не поставил меня на уровень с мебелью.

— Ладно, тебе виднее, — неожиданно сдалась Элеонора. — Я просто...

Селектор щёлкнул, оборвав её фразу на полуслове, и от-

ключился, а я осталась один на один со своим возмущением, чашкой кофе и желанием запихнуть сахарницу прямо в ...ж сумочку этой дамочки.

Я выждала ровно пятнадцать минут, как положено. Я колебалась, если не занесу кофе, Элеонора нажалуется, и мистер Хейман с радостью выставит меня за дверь, а если зайду... ну, хуже точно не будет, правда? Как же я ошибалась. Я толкнула дверь плечом и зашла.

И зря. Очень зря.

— Я... кофе... Принесла...— пробормотала я, медленно осознавая что происходит.

Передо мной, на том самом столе, где я обычно ставила кофе мистеру Хейману, сейчас в весьма экспрессивной позе лежала Элеонора... и, угадайте, чем они с моим боссом занимались?

Уж точно не обсуждением нового проекта.

Я замерла, а чашка с кофе выпала из моих рук, разбившись о пол с оглушительным звоном, и в этот момент босс заметил мое присутствие:

— Аврора...? — его голос прозвучал хрипло, с непривычной растерянностью.

И вот в этот самый момент, когда наши взгляды встретились, мой шокированный, и его... *скажем так, полный совсем других эмоций...* именно тогда, кажется, у мистера Хеймана случился кульминационный момент.

Да. Мой босс кончил, глядя на меня. В мои глаза. Вернее,

нет, не буквально, спасибо небесам, но ощущение было, будто я стала невольной соучастницей этого действия.

Я стояла, как идиотка, и не знала, куда деть глаза: на потолок, в пол, на дверь, на его ботинки или на Элеонору, кажется, даже не заметила моего присутствия, что делало всю ситуацию еще более сюрреалистичной.

Ладно, может, если я просто медленно выйду и закрою дверь, босс решит, что это был глюк от переработки?

Я честно не знаю, каким именно образом мне удаётся постоянно вляпываться в самые идиотские ситуации на свете, но рекорд сегодняшнего утра побил всё, что было до этого.

— Аврора?! Что вы тут делаете? — донеслось до меня, пока мистер Хейман посреди кабинета, натягивал штаны на ходу.

— Ваша невеста... попросила кофе... и я вот принесла, — проямлила я, судорожно закрывая лицо ладонями, хотя, если честно, через пальцы всё равно ухитрилась рассмотреть мельком то, что не стоило бы.

Агрегат у босса, надо сказать, вполне внушительный.

Ну да, это именно та информация, которая обязательно пригодится мне для карьерного роста.

— Что-то плохо донесла, я кофе не вижу, — насмешливо протянула Элеонора, сидя почти голая на стеклянном столе.

— Нора, оденься уже ради бога! А вы, Аврора, выйдите из кабинета! — прорычал Марк.

Я пулей вылетела в приёмную, рухнула на стул, чувствуя,

как мир вокруг меня буквально рушится, а моя карьера в "Инсайтгрупп" закончилась самым нелепым образом, какой только можно представить. И ведь что самое обидное, я даже кофе нормально не донесла. То есть, понимаете, даже миссия не выполнена. Герой не справился с квестом. Она, небось, потом ещё меня обвинила, что я криворукая, и не смогла принести ей чашечку кофе.

Через несколько минут дверь кабинета открылась, и вышел босс, как всегда, безупречно одетый, но я заметила, как дрожат его пальцы, когда он поправлял рубашку.

— Вы свободны, — произнёс он, избегая моего взгляда и практически выбежал из кабинета.

Я даже не успела сообразить, что это значит. «свободны» как в «идите домой, у вас рабочий день закончен» или «свободны как ветер, потому что вас только что уволили»?

Но судя по выражению его лица, скорее второе.

Следом выплыла Элеонора, медленно, как будто специально смаковала этот момент.

— Спасибо за кофе, — произнесла она, окинув меня взглядом сверху вниз, и рассмеялась.

И вот именно в этот момент я поняла, что мир несправедлив окончательно.

Я поднялась, вышла из здания, даже не понимая, куда иду, достала телефон и набрала Лилиан чтобы сообщить, что ее декрет, похоже, окончен:

— Привет, Аврора! Как дела? Всё получается? — бодро

защебетала Лилиан, а я чуть не расплакалась.

— Кажется, меня только что уволили... — выдавила я, и в трубке тут же стало тише, слышно было только, как она убавила телевизор.

— Что случилось?!

— Пришла эта... как её... Элеонора. Сначала облила меня с ног до головы грязью, потом кофе попросила. Я же не знала, что они любят такое... — я говорила сбивчиво.

— Дай угадаю. Ты зашла в кабинет с кофе, а они там занимались сексом? — сказала Лилиан.

— Откуда ты...

— Не переживай. Элеонора и со мной такой спектакль устроила. Думаю, ей нравится демонстрировать, что нам с Марком ничего не светит. — Лилиан говорила весело, кажется, ее такие спектакли ничуть не смущали.

— А мне и так ничего не светило, — продолжала она, — я была уже на третьем месяце беременности, но понервничать всё равно пришлось.

Фух, значит, это все проделки Элеоноры, какой умный план, да мне после этой сцены спать ложиться страшно, а не то что о боссе думать, тем более о том, как он посмотрел на меня в тот самый момент, как будто мы с ним...ну того самого, но об этом я решила Лилиан не говорить, потому что некоторые подробности лучше оставить при себе.

— Так что не переживай, — сказала Лилиан мягко. —

Со всеми бывает. Извини, Рори, малышка что-то пытается пнуть мой мочевого пузырь, мне нужно в туалет, давай позже созвонимся?

— Конечно, — сказала я и отключилась.

Стоя у моста, я вдохнула прохладный осенний воздух и уставилась в небо. Ну вот и всё. Лилиан может сколько угодно говорить, что это не страшно, но я-то видела, как мистер Хейман вышел из кабинета. Его «вы свободны» прозвучало слишком категорично, чтобы я могла притворяться, что это просто «идите домой».

Да, Аврора, месяц ты продержалась. Ну, какой-никакой опыт. Теперь хотя бы знаешь, что нужно стучаться, прежде чем войти в кабинет. Особенно если оттуда слышатся подозрительные звуки.

Все выходные я провела в полной прострации, уставившись в экран телевизора с огромной банкой мороженого в руках, которое я методично уничтожала, пытаясь заглушить чувство унижения и уверенность в том, что моя карьера в «Инсайтгрупп» закончилась самым позорным образом. Мой телефон молчал, что было крайне необычно, ведь обычно мистер Хейман мог прислать список задач и в субботу, и даже в воскресенье, но в этот раз царила зловещая тишина, которая только подтвердила мои худшие опасения.

Поэтому, когда в понедельник в 8:02 мой телефон залился знакомым звонком, я уже была готова проклинать любого, кто решил испортить мой первый «свободный» день, но,

увидев на экране имя «Босс», я буквально застыла с открытым ртом.

Какого чёрта?

— Алоо, — протянула я, неуверенно.

— Аврора! Уже восемь ноль две! Вы снова за старое?! Какие на этот раз отговорки? Кошка рожает, или может Вы случайно сели не на тот автобус?! Почему я снова должен вас разыскивать по всему офису? — недовольно пробурчал босс.

Ну нет. Только не говорите, что он меня не уволил, а я сама себе это придумала, и теперь меня действительно могут выгнать, но уже по-настоящему.

— М... мистер Хейман, а я разве не уволена? — спросила я максимально осторожно.

На том конце провода повисла тишина. Я даже представила, как он там медленно считает до десяти, чтобы не заорать.

— А должен? — его вопрос прозвучал на удивление спокойно, даже с легкой искоркой иронии.

— Просто вы в пятницу были такой злой... из-за эээ... того инцидента, — я старалась подбирать слова очень тщательно, — И вы так серьёзно сказали «Вы свободны», что мне показаааалось... ну, что... — я замолчала, чувствуя, как краснею, ведь теперь мне снова придется вспоминать и объяснять, что я решила, что меня уволили за то, что я застала его в “компрометирующей” ситуации.

— Кхм. Да, вы правы, вчера это звучало немного резко, я был на эмоциях, — начал он, и, клянусь, мне показ-

лось, что в его голосе проскользнуло смущение.

— Прошу прощения за то, что вы стали свидетелем этой вопиющей сцены... эм... я не собирался вас увольнять, — продолжил он, и в его голосе послышалась несвойственная ему неуверенность.

— Фух, ну слава богу! — сказала я и, как обычно, не смогла вовремя заткнуться. — Да и вообще, мистер Хейман, вам не о чем переживать, у вас *ТАМ* всё супер-пупер, вашей невесте очень повезло.

Я сама хохотнула, потом резко замолчала, потому что мой мозг понял, что я только что намекнула на его... эм... достоинства, которые я мельком увидела.

На том конце провода снова повисла тишина, и я мысленно готовилась к тому, что вот сейчас меня точно уволят

— Спасибо за комплимент, Аврора, — наконец сказал он серьёзно. — Надеюсь, никто не узнает об этом, верно же?

— Эм, простите, конечно, я могила, — выдавила я, и мне показалось, что я слышала лёгкий смешок.

— Тогда жду вас через пятнадцать минут в офисе. До встречи, — сказал он и отключился, оставив меня сидеть на кровати в полном недоумении, с лицом, пылающим от стыда, и осознанием того, что я не уволена, но теперь мне нужно собраться и добраться до офиса за 15 минут, что казалось невозможным.

Я сорвалась с кровати, налету хватая первую попавшуюся одежду. *Ладно Аврора, ты не уволена, но теперь тебе при-*

дется смотреть в глаза человеку, которого ты видела почти голым. Просто прекрасно.

Глава 9.

Аврора.

Спустя пару недель...

Как я умудрилась тогда ворваться в офис через пятнадцать минут после того злополучного звонка, до сих пор загадка.

После того утреннего разговора мистер Хейман больше не возвращался к той щекотливой теме, будто её вообще не существовало. Но! Мистер Хейман внезапно стал как-то более терпимее ко мне. Ни одного замечания, ни одного хмурого взгляда, не знаю, может это из-за того, что я видела его кхм...ну не важно, и теперь ему безумно стыдно?

И вот, когда очередной рабочий день уже подходил к обеду, я мечтала только о том, чтобы достать свою заветную корбочку с едой и..., дверь приёмной открылась, и на пороге появился мужчина.

Нет, не просто мужчина, а мужчина с букетом, и не каким-то там жалким вариантом из перехода, а с огромным букетом роз, за которым даже не было видно его лица.

— Я знаю, что ты сейчас скажешь! — начал он, — Но! Что бы ты ни сказала, я хочу, чтобы ты знала, я могу все объяснить!

Так... стоп. Это уже интересно.

— Эмм... простите, а мы с вами знакомы? — осторожно спрашиваю я, отодвигая букет в сторону, и наконец-то вижу его лицо.

Светловолосый, загорелый, высокий, довольно симпатичный... мм, ну ладно, признаю, очень симпатичный.

Но, увидя меня, его глаза округляются от удивления.

— В смысле... — бормочет он и оглядывается. — А где Лилиан?!

Ага. Прекрасно, кажется, я только что познакомилась с тем самым таинственным кавалером Лилиан. Или, если быть точнее, с главным подозреваемым в ее беременности.

— Она в декрете, вместо неё теперь я, — сообщаю я самым спокойным голосом, и по его лицу пробежала целая гамма эмоций, от шока до ярости.

— В каком ещё, нахрен, декрете?! Ты хочешь сказать, что она... — он замолчал, и я буквально вижу момент, когда до него доходит значение слова «декрет».

Да. Молодец, Шерлок, ты справился.

— Вот Хейман, вот козёл! — процедил он.

— Девушка, это вам, — вдруг сказал он и сунул мне букет, который оказался на удивление тяжёлым.

— Этот ебосс у себя? — спросил он, и я лишь кивнула, не успев ничего сказать.

— Нас не беспокоить! И чашечку кофе через полчаса, будь добра, красотка! — бросил он через плечо и исчез за

дверью кабинета.

А я осталась стоять с цветами в пустой приемной, пытаюсь понять, что только что произошло, а главное... при чём тут босс? И снова этот дурацкий кофе через полчаса, ага, знаем, проходили недавно, но не может же мне так везти, да и надеюсь Мистер Хейман не из этих самых...

Но в дверь я пожалуй лучше постучу в этот раз перед тем как заходить.

Марк.

Когда Андрес ворвался в мой кабинет, громыхнув дверью так, что со стола съехала ручка, и с порога заорал:

— Хейман, ты вообще в своём уме?!

Я сразу понял, мой дорогой друг вернулся. Ну или, скорее, прилетел на всех парах с Коста-Беллы, и по его перекошенному лицу было видно: отдых отдыхом, но настроение у него явно не курортное.

— Андрес, друг, ты вернулся, — произнёс я, закрывая ноутбук.

Он не ответил, только двинулся ко мне, закатывая рукава рубашки по самые локти.

— Ага. Вернулся. И что я вижу?! — он навис над моим столом, уставившись прямо на меня. — Какого хрена ты творишь, Марк?! Я просил тебя приглядеть за моей... — он запнулся, — ...помощницей! А что я узнаю? Она ушла в декрет!

Я лишь спокойно откинулся в кресле и смотрел на него.

— При чём тут я? — спросил я ровно. — Ты просил взять её на работу? Я взял.

Андрес, размахивая руками, метался по кабинету, словно тигр по клетке.

— Я просил приглядеть! А не спать с ней, чёртот извращенец! — прорычал он.

Он рухнул на диван, шумно выдохнув.

— Я не спал с ней, боже упаси, — сказал я, не меняя интонации. — Лилиан хорошая девушка и хороший сотрудник, но, позволь напомнить, у меня есть невеста.

Мои слова его ничуть не впечатлили. Он уже нашёл бутылку виски на журнальном столике и привычным движением откупорил её.

— Неееевеста, — протянул он, наливая себе бокал почти до краёв. — Кого и когда это останавливало? Если бы не перелёт, я бы вмазал тебе прямо тут, на глазах у твоей новой секретарши.

Я покачал головой.

— Да ладно тебе, — сказал я, положив руку на грудь. — Честное слово, ни-ни.

Он лишь мрачно посмотрел на меня.

— Получается... она мне изменила? — хрипло спросил он, уставившись в бокал.

Я приподнял бровь.

— А вы были вместе?

Он метнул на меня взгляд в стиле «а ты как будто не по-

нял?» да, кажется, всё запутано куда сильнее, чем казалось.

И тут в дверь постучали.

— Кофе? — раздался голос Авроры.

Я чуть заметно приподнял бровь.

О, конечно. Теперь-то она научилась стучаться. Жаль, в прошлый раз, этой гениальной мысли у неё не возникло.

— Молодой человек просил кофе, — сказала она, войдя и ставя чашку на столик.

— *Grazie, bella*, (Спасибо, красавица), — сказал Андрес на итальянском. — И извини за ту сцену в приёмной.

Я напрягся.

— *Non è niente, e grazie per i fiori*. (Ничего страшного, и спасибо за цветы). — ответила Аврора... на безупречном тосканском диалекте.

Прекрасно. Абсолютно прекрасно.

Я чувствовал себя полным идиотом, в своем собственном кабинете.

— О, Марк, а ты не говорил, что твоя помощница знает итальянский, — заметил он и сделал глоток.

— *Mmm, che caffè meraviglioso... grazie, bella*. (Ммм, какой чудесный кофе... спасибо, красавица), — произнёс он. Опять по-итальянски.

Аврора лишь улыбнулась, а я сидел с каменным лицом. Внутри, конечно, всё закипало.

Этот итальянский донжуан пытается клеить мою помощницу? В моём кабинете?

— Ааа... не хочу разбрасываться такими ценными кадрами, — сказал я нарочито спокойно.

На самом деле я понятия не имел о её языковых талантах. Толком даже резюме не читал, Лилиан сказала, что она подходит, а я доверился.

Видимо, зря.

— Красавица, а не хочешь работать на меня? — спросил он, нагло окинув Аврору взглядом.

Я почувствовал, как во мне поднимается возмущение. Он переходит все границы. Врывается в мой офис, пьет мое виски, и теперь пытается переманить мою... помощницу?

— Андрес, ты меня, конечно, извини, друг, — сказал я холодно. — Но у тебя уже была помощница, и мы все знаем, где она оказалась. Так что нет. Аврора остаётся здесь.

В его глазах мелькнула смешинка.

— А может, эта прекрасная синьорита тоже хочет в декрет, мм? — протянул он, глядя на Аврору.

Она смутилась так сильно, что покраснела до корней волос.

— Хватит смущать мою помощницу. Шёл бы лучше со своей разбирался, — отрезал я.

При упоминании Лилиан его лицо погасло. Что же у них там случилось?

— Не уверен, что я ей ещё нужен. Судя по всему, она нашла своё «*felicità*», — пробормотал он.

И тут вмешалась Аврора.

— Кхм, извините, что встречаю, но... я не знаю, что у вас произошло. Я говорила с Лилиан, и... мне показалось, она сказала, что отец ребёнка её бывший босс, — тихо подала голос Аврора.

Я мысленно закрыл лицо ладонью. Такта у этой девушки, как у кирпича.

— Что?! — Андрес вскочил. — Ты хочешь сказать, что она беременна от меня?! И скрывала это?!

Интересно, значит он действительно не знал, или Лилиан специально решила не говорить ему. Что ж, понимаю ее, Андрес не самый надежный человек для воспитания ребенка

— Я... я не знаю. Она больше ничего не говорила, — пролепетала Аврора.

— Мне нужен её новый адрес, — потребовал он.

— Я не знаю, — ответила Аврора.

— А я знаю, но не скажу, — сказал я твёрдо.

Да, я намеренно решил усложнить ему жизнь. Я прекрасно помнил, в каком состоянии Лилиан пришла ко мне, и был уверен: расставание с Андресом далось ей нелегко, поэтому не собирался облегчать ему задачу.

— Вот значит как... — пробормотал он. — Ладно, друг. Я понял.

Нет, он не обиделся. Я знал его слишком хорошо. Скорее наоборот, подобные препятствия только подогревают его азарт.

На прощание он повернулся к Авроре и снова, конечно

же, на итальянском:

— *Se questo giusto ti farà del male, puoi sempre venire da me. Le porte della mia azienda saranno sempre aperte per te. E grazie per il caffè.* (Если этот праведник будет тебя обижать, можешь всегда прийти ко мне. Двери моей компании всегда для тебя открыты. И спасибо за кофе). — сказал он и сунул ей в руки свою визитку.

— *Grazie, signor. Il signor Haiman è un buon capo, non ho motivo di andarmene.* (Спасибо, но Мистер Хейман хороший руководитель, мне нет причин уходить), — ответила она.

— Не знаю, о чём вы там, но если снова обо мне, кто-то получит выговор, — сказал я сухо.

Аврора тихо хихикнула.

— Повезло тебе с помощницей, идиот. Ладно, пойду искать свою... помощницу. — усмехнулся Андрес, и вышел.

Дверь за ним захлопнулась. Я остался стоять у окна, глядя на его удаляющуюся фигуру.

— Откуда вы знаете итальянский? — спросил я, даже не оборачиваясь.

— Моя тётя с семьёй живёт в Коста-Белле. Я провожу там каждое лето, поэтому с детства выучила язык, — ответила она, теребя визитку в руках и ушла в приёмную.

В кабинете снова повисла привычная тишина... Возможно, мне стоит внимательнее изучать резюме сотрудников, кто бы мог подумать, что за этой скромной внешностью скрывается столько талантов.

контроль — это
иллюзия

не врага
для слабости.

никому
нельзя
доверять
до конца.

HEYMAN
GROUP

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
ДОГОВОР

Глава 10.

Аврора.

Начало зимы

В целом, жизнь вроде наладилась. Я даже стала приходить почти вовремя, ну, на свои законные десять минут позже. В офисе всё шло своим чередом: звонки, отчёты, совещания.

Обнаружив что кабинет Марка пуст, я испытала странную смесь облегчения и разочарования, ведь как ни крути, а его замечания стали частью моей утренней рутины, но сейчас у меня была прекрасная возможность незаметно доставить вчерашние отчеты на его стол и сделать вид что я здесь с самого рассвета. Конечно же моя врожденная грация решила проявиться именно в этот момент, и стопка свежееотпечатанных бумаг выскользнула из моих рук и разлетелась по полу.

— Прекрасно, просто великолепно! — проворчала я, забираясь под стол. Стоя на четвереньках под стеклянным столом, я пыталась быстро собрать бумаги, а мой зад торчал в весьма... скажем так, компрометирующей позе. Именно в этот момент я услышала тот самый голос, который последние пять лет звучал только в моих кошмарах, и сначала я решила, что это просто очередной приступ паники.

— Вид, конечно, завораживающий... — ехидно сказал го-

лос Макса в моей голове.

Да-да, привет, как же без тебя. Я уже и не помнила, когда в последний раз слышала его голос, но стоило мне попасть в идиотскую ситуацию, и вот он, тут как тут.

— Какая послушная секретарша, — добавил мой внутренний Макс с мерзкой интонацией. — Сразу под столом, не теряя времени.

— Фу, какой кошмар, — пробормотала я. — Господи, Макс, прочь уже из моей головы! — выпалила я вслух.

Но когда он произнес моё имя с той самой противной ухмылкой, от которой пять лет назад сбежала в другой город, я поняла, что это не галлюцинация.

— Аврора?! — голос прозвучал настолько реально, что я дёрнулась и стукнулась головой о столешницу.

— Ай! — шикнула я и, чертыхаясь, выползла из-под стола, всё ещё держа в руке пару мятых листов.

— ЧТО ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ?! — выдала я, задыхаясь от возмущения.

Чёрт, а он почти не изменился. Разве что стал взрослее, увереннее, и глядя на его дорогие часы я снова почувствовала себя той самой неуверенной девочкой с растрепанными рыжими кудрями которую когда-то так легко обманули.

— И я тоже рад тебя видеть, малышка Рори, — ухмыльнулся он.

Малышка Рори.

О нет. Нет-нет-нет.

Он всё ещё использует это проклятое прозвище.

— Не называй меня так! — выпалила я, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец.

— Я смотрю, ты хорошо устроилась, — его взгляд скользнул по моей фигуре, — прямо под столом генерального... Надо же, не думал, что ты такая.

Не думал, что я, какая?

Ах ты... наглая... самодовольная...

Он ещё смеет это говорить? После всего?

— Я вообще-то тут работаю, — выговорила я по слогам. — И сейчас прошу тебя покинуть кабинет, или я вызову охрану!

— Ой, страшно. — Макс поднял руки, будто сдаётся. — Знаешь, Рори, тебя выпрут отсюда быстрее, чем ты успеешь нажать на кнопку охраны.

Он провоцировал. А меня нельзя провоцировать, я всё ещё хожу к психологу, между прочим.

Я почувствовала, как во мне всё закипает. Столько лет я пыталась забыть всё это, убедить себя, что оно больше не болит, что я сильная, взрослая. Я почувствовала, как всё внутри падает в пропасть.

Я ненавидела его.

Ненавидела за то, что он ведёт себя так, словно ничего не было.

Ненавидела за то, что он разрушил меня.

Ненавидела за то, что я любила его, по-детски искренне

любила.

— Не называй меня так! — рявкнула я. — Для тебя я Мисс Аврора Стигман!

Именно в этот момент моя рука сама потянулась к ближайшей папке

— Эй, Рори, ты чего? — Макс чуть попятился. — Да ладно, малышка, — рассмеялся он. — Ну, было и было. Ты что, всё ещё злишься? Это же была просто детская шутка.

— ШУТКА?! — я уже не контролировала ни голос, ни выражения лица. — Для тебя это шутка?! Да я до сих пор к психологу хожу!

Я замахнулась, и со всей силы метнула в него папку, и... конечно же, она благополучно пролетела мимо головы Макса, и именно в этот момент в кабинет вошел Марк получив этот килограммовый кирпич бумаги прямо в нос.

Наступила та самая звенящая тишина, я стояла с горящими щеками, а босс застыл на пороге, и медленно проводил рукой по лицу, с которого, кажется, стекала капля крови от удара уголком папки.

— Ну точно чокнутая, — первым нарушил тишину Макс, хлопнув в ладоши.

Марк смотрел на меня долгим, непроницаемым взглядом. И в его глазах было нечто, от чего у меня внутри всё сжалось: не злость, а... *что-то вроде усталой досады, как будто я в очередной раз доказала, что приношу в его жизнь лишь хаос.*

— Мисс Стигман, — его голос звучал так спокойно, что

стало по-настоящему страшно, — не хотите объяснить, почему вы устроили в моём кабинете цирк? — произнёс Марк, глядя на папку, лежащую у его ног.

— Мистер Хейман, я... это... — я замаялась, чувствуя себя полной идиоткой.

Прекрасно, просто великолепно! Пять лет высшего образования, красный диплом, а в критической ситуации я могу выдать только «я... это...», теперь он точно подумает что я психически нестабильная истеричка.

— Марк, братец, — вмешался Макс с довольной улыбкой, — кажется, твоя секретарша немного... эмоциональна сегодня.

Братец.

Что?

БРАТЕЦ?!

Я моргнула. Потом ещё раз.

Пожалуйста, только не это. Ну не может же быть такого совпадения! Из всех миллиардов людей на этой планете, из всех возможных работодателей я должна была устроиться именно к брату того человека, что разбил мне сердце?

— Что ты здесь делаешь, Макс? — Марк переключил внимание на брата, а я тем временем пыталась собрать рассыпавшиеся пазлы воспоминаний.

Так, стоп... а ведь он действительно когда-то говорил что-то про брата. Семейный бизнес, скучный старший брат... Бо-

же, да я же сама виновата, что не слушала! Хотя, честно говоря, кто бы мог подумать, что его скучный брат окажется тем самым Марком Хейманом, ведь у них даже фамилии разные!

— Навещаю любимого братца, — произнёс Макс.

Марк даже не моргнул, спокойный, как каменная статуя. Только лёгкое движение челюсти выдало, что внутри он, возможно, тоже хочет кого-нибудь придушить.

— Очень замечательно, Макс, — произнёс он наконец. — Так может, ты мне тогда расскажешь, что тут произошло?

— Оу, Марк, братец, — ухмыльнулся Макс. — Это наши с Рори личные делишки, просто малышка немного вспылила.

Малышка?!

Я едва не зашипела.

Мои руки сжались в кулаки, лицо пылало, а внутренний голос вопил:

Какие ещё личные делишки, придурок? Хочешь, я сейчас тебе покажу делишки?

Марк, кажется, уловил, как у меня дёргается глаз, и перевёл взгляд на меня:

— Аврора, с вами всё в порядке?

— Со мной?! — переспросила я с фальшивой улыбкой, — Со мной всё прекрасно! Никаких делишек у меня с вашим братом не было и быть не может!

Я нагнулась, подняла папку с пола и добавила уже с пафосом:

— В следующий раз оповестите меня о визите вашего род-

ственника заранее. Я подготовлю что-нибудь потяжелее.

И гордо вышла, под взглядом Марка, удивлённым, но при этом подозрительно... заинтересованным. И под тихое фыркание Макса, которому явно доставляло удовольствие всё происходящее.

Дверь закрылась за мной, я побрела по коридору, и как только завернула за угол, понеслась бегом, напрямик в туалет. Захлопнула дверь кабинки, я прислонилась к стене, чувствуя, как мир медленно уплывает из-под ног. У меня не было никаких сил, ни моральных, ни физических.

Ну почему? Почему именно он? Почему именно здесь?

Глава 11.

Марк.

После того как Аврора с грохотом хлопнула дверью, в кабинете повисла тишина. Я медленно выдохнул и перевёл взгляд на Макса, ощущая знакомое напряжение в висках.

Все та же старая песня. Годы идут, а ничего не меняется, — промелькнуло у меня в голове.

— Объяснишь? — я опустился в кресло, чувствуя, как спинка принимает идеально знакомое положение.

Макс рассмеялся, развалившись в кресле для посетителей.

— О, это просто восхитительная история! Помнишь, я заканчивал школу в Эвервуде? Так вот, твоя рыжая мышка была моей одноклассницей.

Рыжая мышка. От этой фразы что-то неприятно сжалось у меня внутри.

— Мы с ребятами тогда поспорили, — продолжал Макс, явно наслаждаясь своим рассказом, — что я смогу завалить ее до выпускного. Ну, знаешь, чисто по-пацански, — он усмехнулся.

Я медленно выдохнул.

— Ну и как? Завалил? — я произнес это сквозь зубы, чув-

ствуя, как нарастает отвращение. Отец снова устроит сцену, если мы поссоримся, поэтому нужно сохранять видимость цивилизованных отношений.

— А то! Еще на видео записал, — он снова захохотал, — вот это было шоу на выпускном, ты бы видел!

Макс... Я закрыл глаза и вздохнул. Записать на видео? Использовать доверие девушки и потом выставить это на всеобщее обозрение? Иногда мне кажется, что у нас разные родители. Как один и тот же отец мог воспитать во мне дисциплину, уважение, чувство долга, а в нём пустоту? Он живёт, как будто всё дозволено, и самое страшное, ему всё сходит с рук. Всегда.

А Аврора... она выглядит такой наивной. Боюсь представить, какую травму он ей нанес.

— Очень... занимательная история, — я произнес это с легкой паузой, тщательно подбирая слова. — Глупее поступка я еще не слышал. Сам придумал или друзья подсказали?

— Да ну тебя, зануда, — он махнул рукой.

— Я, кстати, не только из-за этого пришёл, — сказал он, откидываясь на спинку кресла. — Отец хочет ввести меня в совет директоров. Так что... выдели мне кабинет, познакомь с делами.

Вот оно что. Я медленно кивнул, оценивая эту информацию. Отец не предупредил меня. Интересно... очень странные перестановки наверху...

— Ну и передай рыжей секретарше, чтобы и обо мне за-

ботилась. Можно даже не под столом, — Макс подмигнул.

Что-то внутри меня щелкнуло. Нет. Это уже переходит все границы.

— Знаешь что, Макс? — спокойно сказал я. — Никто "обслуживать" тебя здесь не будет. Все документы есть у отца, иди и вникай. Пока ты хотя бы пару лет не проработаешь с низов, я тебя к документам даже на пушечный выстрел не подпущу!

Я вложил в эту компанию все, поднял ее из долгов, кризиса, бессонных ночей... И теперь Макс хочет прийти и всем руководить?

Он резко встал, улыбка сползла с его лица.

— Осторожнее, Марк. Это семейный бизнес, и я имею право быть в нём не меньше твоего, — произнёс он, и в его голосе зазвучала угроза.

— Тогда докажи, что ты чего-то стоишь, — ответил я. — А пока иди.

Он замер, посмотрел на меня, и на секунду в его глазах мелькнула злоба, ведь он привык получать всё без усилий, и словно впервые услышал «нет».

— Зря, Марк, очень зря. Ты думаешь, отец всегда будет на твоей стороне?, — Мы еще поговорим о моей доле в компании и моих полномочиях, — сказал он.

— Обязательно. Когда научишься себя вести, — ответил я уже в спину уходящего брата, и захлопнул дверь.

Когда дверь закрылась, я медленно вернулся к столу, по-

правляя слегка сдвинутые им бумаги. В голове гудело. С каждым днём я всё чаще чувствовал, что наша семья это поле для игр и амбиций. И отец, и Макс, каждый по-своему тянет одеяло. *Где-то глубоко скреблась мысль: если отец действительно даёт ему власть... значит, начинается что-то большее, чем просто братская стычка, и ставки становятся слишком высоки.*

После ухода брата я сел за свой ноутбук, стараясь вернуться к привычному ритму работы. Но мысли возвращались к Авроре, и пальцы машинально коснулись селектора:

— Аврора, принесите, пожалуйста, папку с отчётами за прошлый квартал, — произнёс я.

В ответ лишь тишина. Странно. Обычно она отвечает мгновенно. Подождав несколько секунд, я нажал кнопку снова:

— Аврора? — повторил я.

Возможно, проблемы со связью. Или... она все еще расстроена после той сцены. Я отодвинул кресло и вышел из кабинета.

Приемная была пуста. Та самая красная папка, ставшая орудием мести, лежала на столе. Интересно, куда она могла уйти?

Я вышел в коридор, окинув его внимательным взглядом. На этом этаже не так много мест, где можно уединиться. Переговорные комнаты пусты... Возможно, служебный туалет...

Подойдя к туалету, я услышал приглушенные звуки. Я на мгновение замер, чувствуя неловкость, но я не могу оставить ее в таком состоянии.

— Аврора? — постучал я мягко, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально. — Вы там?

Из-за двери донесся вздох, затем тихий голос:

— Мистер Хейман, я... я сейчас выйду.

По дрожащему голосу было понятно, она плакала.

— Аврора, — сказал я тихо, почти шёпотом, — он ушёл. Всё в порядке. Можете выходить.

За дверью послышался звук воды, щелчок замка. Она вышла, держа руки перед собой, словно не знала, куда их деть. Лицо вымученное, глаза красные, ресницы склеены от слёз.

— Извините, мистер Хейман, — ее голос дрожал, хотя она явно старалась этого не показывать. — ... за то, что папкой... в вас попала.

— Аврора... — мой голос прозвучал мягче, чем я планировал. Я неожиданно для себя положил руки ей на плечи. Она вздрогнула, подняла на меня, голубые, все еще влажные от слез, глаза.

Как же нелепо, стоять вот так, перед человеком, которому твоя семья сломала жизнь, и понимать, что тебе нечего сказать. Я видел боль, и не мог не чувствовать вины, хотя формально я не сделал ничего. Но кровь у нас с братом одна, и этого уже достаточно.

— Я не могу повернуть время вспять, — произнёс я нако-

нец. — Но я прошу прощения. За всё, что сделал мой брат.

Она едва заметно вздрогнула.

— Он... рассказал вам? — ее голос стал тише.

Я кивнул.

— Да. И если честно... мне стыдно. За него, за то, что я не знал. И я... глубоко порицаю его поступок. Вы, Аврора, и ни одна другая женщина не заслужили подобного обращения.

Она отвела взгляд, опустила плечи.

— Мистер Хейман... — прошептала она, чуть поёживаясь от моего прикосновения.

— Спасибо, — добавила она чуть слышно. — Я... я могу идти?

Я мгновенно отпустил руки, словно опомнился.

— Да... конечно. Можете идти, — сказал я, отступая на шаг.

Она кивнула, прошла мимо, стараясь не встретиться со мной взглядом.

Я смотрел ей вслед, и вдруг осознал, впервые за долгое время в этом здании было неуютно. Она ушла, а я остался стоять в коридоре, с тем же глупым ощущением, что нужно было сказать ещё хоть что-то. Я не знал, как справиться с чувством вины, которая мне не принадлежала, но от которой я не мог избавиться.

Я стоял, не двигаясь, несколько секунд, просто слушал, как её шаги удаляются.

Почему мне так не по себе? Не я устроил тот идиот-

ский спор, но почему, когда я видел её красные глаза, мне казалось, что это я виноват?

Я провёл рукой по лицу, пытаясь сбросить усталость.

Смешно. Серьёзный мужчина, руководитель, стоит и не может перестать думать о девушке, которая работает у него меньше года.

Я вздохнул и закрыл глаза.

— Вытяни себя из этого, Хейман, — пробормотал я вполголоса. — Это просто сочувствие.

Но даже самому себе я не поверил.

Глава 12.

Аврора

Жизнь постепенно вернулась в свое обычное русло, хотя и пришлось снова вернуться к онлайн-сессиям с психологом

В один из дней я решила, что хватит травить себя бизнес-ланчами из ресторана, где порция размером с кошачью лапку стоила как мой ужин на неделю, и при этом от которых у меня уже начинало сводить желудок, и приготовила нормальную домашнюю еду, котлетки с пюрешкой, как делала мама, упаковав это все в контейнер.

Как раз приближалось время обеда, и я как образцовая сотрудница заказала боссу его обычный ланч из того самого ресторана, разогрела свой контейнер в микроволновке оставила его на ресепшене и побежала встречать курьера поскольку наш дорогой мистер Хейман не терпит когда его еда остывает даже на градус.

Я уже почти видела, как сижу за столом, ем свои котлетки, чувствую себя человеком, но возвратившись через пару минут, я обнаружила, что моего контейнера нет. *Да-да, выражение «в компании завелась крыса» приобрело буквально реальное значение.*

Я стояла, уставившись на пустое место, где пять минут на-

зад стоял мой обед, а мой мозг начал прокручивать возможные варианты: кто-то мог украсть еду под шумок, или перепутать контейнер с отчётами.

Решив что кто-то из сотрудников решил полакомиться чужим обедом, я с грустью понесла боссу его пакет с едой, и вот зайдя в кабинет я уловила странно знакомый запах... **запах моих котлет и моего картофельного пюре.**

Марк. Мой босс. Сидел за столом, и с аппетитом уплетал мои котлетки с пюрешкой, словно я готовила их специально для него.

Но это были мои котлетки.

Марк.

Возвращаясь с очередного изматывающего совещания, я чувствовал привычное напряжение в висках.

Переступая порог кабинета, я внезапно остановился, уловив незнакомый, но на удивление приятный аромат. *Что это? Не похоже на обычный запах из ресторана.* Мой взгляд упал на ресепшен, где стоял скромный пластиковый контейнер.

Странно. Обычно Аврора приносит еду в фирменных пакетах. Я взял контейнер, оценивая его вес. Возможно, она нашла нового поставщика. Хотя менять проверенный ресторан без согласования со мной... не в ее стиле.

Разместившись за рабочим столом, я открыл контейнер. **Котлета с картофельным пюре?** Крайне необычный выбор для ресторана со звездой Мишлен. Хотя... в последнее время они действительно стали экспериментировать.

Первый кусочек котлеты заставил меня замереть.

Неожиданно... Напоминает... нет, не может быть. Я сделал еще одну пробу, стараясь разобраться во вкусе. Последний раз я ел что-то подобное... давно. Очень давно, когда мама еще была жива.

С большим аппетитом я стал есть, полностью погружаясь в этот момент, и совершенно не заметил, как дверь кабинета медленно отворилась, и внутрь вошла Аврора.

Я медленно положил вилку, и проговорил с набитым ртом:

— Аврора... а что это вы принесли?

— Ваш бизнес-ланч, мистер Хейман, — ее голос звучал растерянно.

Я посмотрел на свою тарелку, затем на пакет с привычным логотипом ресторана в ее руках.

Так. Значит, это был не новый поставщик...

— Я подумал, что это... новый поставщик, — сказал я, ощущая неловкость ситуации.

— Это был мой обед. Я приготовила его дома, — девушка глубоко вздохнула.

Я отложил вилку, и почувствовал себя... неловко. Почти как в тот раз, когда Аврора застала меня с Элеонорой.

Приняв мгновенное решение, я поднялся из-за стола.

— Собирайтесь, — сказал я, беря сумку.

— Куда? — она моргнула, явно не ожидая такого поворота.

— Выбирайте ресторан. Поедем кормить вас, нельзя же оставлять мою помощницу голодной — я позволил себе легкую улыбку.

Я сделал шаг к двери, слегка наклонился и добавил:

— И Аврора... это было очень вкусно, — я сделал паузу, — Жду вас в машине внизу на парковке.

— Хорошо, мистер Хейман, — ответила она тихо.

Интересно, что она выберет?

Глава 13.

Аврора.

Когда я села в машину к боссу, я уже точно знала, куда мы поедем, потому что, в конце концов, у меня законное время обеда, который кто-то съел без спроса, и я подумала: *«А чего стесняться?»* Ведь Марк сам предложил выбрать ресторан, так что я назвала адрес любимой бургерной недалеко от моего дома, той самой, где я часто ужинаю после работы.

Да простит меня мама, которая всё детство страшила меня и папу принципами здорового питания, твердя, что фастфуд, это прямой путь к лишним килограммам и вечному чувству вины. Но иногда после переработок и стресса я просто не могу заставить себя готовить, и эти бургеры становятся единственным утешением, хотя я уже замечаю, как прекрасные офисные юбки, которые мне выбрала Сиенна, начинают трещать по швам, а зеркало безжалостно показывает, что стресс и поздние ужины делают своё чёрное дело.

Выйдя из машины, мистер Хейман замер на тротуаре с таким выражением лица, будто мы приехали не в бургерную, а на свалку, потому что он явно ожидал, что я попрошу отвезти меня в какой-нибудь пафосный ресторан с белыми скатертями, где подают омаров и лобстеров, но уж точно не ожидал

увидеть скромную бургерную на окраине города.

— Аврора, а мы точно приехали по адресу? — спросил Марк, и в его голосе было столько искреннего недоумения, что я едва сдержала улыбку.

— Конечно, мистер Хейман, обещаю, вам понравится. Таких бургеров вы ещё никогда не ели, — ответила я, уверенно заходя внутрь, где нас встретил тёплый запах жареного мяса и картошки фри.

Приближался Новый год, поэтому кафе было украшено тонной гирлянд, мишуры и даже маленькой искусственной ёлочкой в углу, которая мигала разноцветными огнями и создавала такую уютную, почти домашнюю обстановку, что я сразу расслабилась, а босс растерянно сел за столик у окна и начал крутить меню в руках, словно оно было написано на древнем языке.

— Ээ, может, вы мне что-то посоветуете, Аврора? — спросил он наконец, и в его глазах было столько беспомощности, что я чуть не рассмеялась.

— Конечно, — сказала я и помахала рукой официантке, которая тут же подлетела к нашему столику, заведя Марка в его идеально сидящем костюме, который стоил, наверное, как годовая аренда этого кафе.

— Здравствуйте, готовы сделать заказ? — пропела она еле слышимым голосом, не отрывая глаз от моего босса, а тот, кажется, даже немного смутился.

Но я не дала начальнику в обиду и бодро вмешалась:

— Девушка, мне, пожалуйста, «Чиззи Дрим» с двойным сыром и колу... большую, — сказала я, но официантка нагло перебила меня и снова повернулась к Марку, пожирая его глазами так, будто меня вообще здесь не существовало.

— А вам? Хотите, я посоветую вам чтонибудь? — промурлыкала она, наклоняясь чуть ближе.

Я кашлянула громко, чтобы привлечь внимание, и выпалила:

— Кхмкхм, девушка, моему... ээ, мужу — «Классик Барбекю» с беконом, только без вяленых томатов, он их не любит, и чашечку кофе, чёрного, без сахара.

— Мужу? — переспросила официантка с явным разочарованием в голосе.

— Ага, и побыстрее, пожалуйста, мы торопимся, — добавила я, сладко улыбаясь. Официантка закатила глаза, цокнула каблуками и ушла, оставив нас наедине с Марком, который смотрел на меня с непонятным выражением.

— И что это было? — спросил он наконец с лёгкой улыбкой в уголках губ.

— Вы серьёзно? — сказала я, наклоняясь чуть ближе. — Она вас почти раздела взглядом. Я просто спасла вас от неминуемой гибели, потому что если бы она вцепилась, даже ваша невеста не смогла бы её оторвать.

— Да? Я не заметил, — рассмеялся он. — Но спасибо, что спасли.

— Всегда рада спасти вашу честь, босс, — ответила я, и

он ухмыльнулся.

— Значит, бургерная... Признаться, не ожидал, — сказал он, оглядывая зал.

— Почему? Думали, я поведу вас в пафосный ресторан, где порция стоит как моя зарплата за неделю? — спросила я с улыбкой.

— Типа того, — признался он.

— Всё проще, — пожала я плечами. — Тут рядом мой дом, я часто здесь ужинаю.

Официантка принесла заказ, поставила тарелки, и я взяла свой любимый бургер голыми руками, откусила огромный кусок, чувствуя, как сыр тянется и соус капает на пальцы, а босс неуверенно смотрел на меня, потом на свой бургер и, наконец, последовал примеру, откусив осторожно.

Я затаила дыхание, ожидая реакции, потому что есть бургер после его обычных спагетти с белым вином, это как пересест с Lamborghini на велосипед, и я боялась, что он скривится или скажет что-то вежливоотстранённое, но Марк закрыл глаза, промычал с блаженством и сказал с детской непосредственностью:

— Мм, Аврора, это просто очень вкусно!

Он откусил ещё кусок, запил кофе, и я расслабилась, чувствуя, как внутри всё теплеет от его искренней радости.

— Признавайтесь, когда вы в последний раз ели фастфуд? — спросила я.

— В старшей школе, наверное, — задумчиво ответил он.

— Я забыл, каково это — есть и не думать о калориях, протеинах и «социальном статусе».

— Тут соус, — серьёзно сказал он и вдруг его пальцы коснулись моего лица, аккуратно убирая соус с уголка моих губ.

Я застыла.

— Извините, — добавил он, видя мою реакцию.

Это было так интимно, так неожиданно нежно, что у меня внутри всё перевернулось, и я почувствовала, как сердце стучит быстрее, а щёки горят. Я не знала, смутилась ли я или просто растерялась, но что-то точно шевельнулось, что-то тёплое и слишком опасное, поэтому я решила перевести тему и сделать вид, что ничего не заметила.

— Значит, Макс — ваш брат. И как оно? Вы не сильно дружны, как я поняла, — спросила я. И тут уже напрягся Марк: наверное, он не ожидал, что я решу поднять эту тему за обедом.

— Ну, у нас разница в десять лет, мало общих интересов, а когда он вырос, я уже жил отдельно и занимался бизнесом, — отрезал он, внимательно глядя на меня, будто оценивая мою реакцию.

— Вы... разные, — осторожно сказала я, вспоминая ту сцену в кабинете и его реакцию на рассказ брата.

— Я рад, что вы это заметили, — он вздохнул. — Увы, Аврора, так бывает в жизни, что самые родные люди по крови оказываются самыми далёкими по духу.

— Главное, что в конце всё не закончилось как в «На во-

стоке от Эдема», — сказала я, задумчиво глядя в окно, где мигали новогодние гирлянды.

— Признаться, к своему стыду, я не знаком с этим произведением. Там что-то про семью? — спросил босс с искренним интересом.

— Ага. Иногда мне кажется, что писатели уже всё знают наперёд, сочиняя подобные произведения, — философски заметила я, разминая в руках бумажную салфетку.

— Просто у всех людей одни и те же проблемы, просто в разных декорациях, — сказал Марк и помахал официантке, чтобы попросить счёт.

— Ну что, а теперь поехали работать, — сказал он, бодро вставая из-за стола и надевая пиджак.

— Есть работать, сэр! — отсалютовала я, пытаюсь скрыть странное чувство, которое появилось у меня внутри после этого обеда.

Он рассмеялся, и мы вышли, а я поймала себя на мысли, что этот обед был слишком личным для того, чтобы остаться просто обедом, и слишком важным, чтобы я могла позволить себе думать об этом всерьёз.

Марк.

Этим же вечером я лежал в постели Элеоноры с книгой в руках, которую купил по дороге в маленьком книжном у офиса, потому что слова Авроры о «На востоке от Эдема» засели в голове так прочно, что я не мог не узнать, о чём именно она говорила. Теперь я пытался вчитаться в страницы, хотя буквы расплывались, потому что в голове крутился весь сегодняшний обед, этот абсурдный, неожиданный, но до странного тёплый обед в бургерной на окраине города.

— Котик, ты так долго не приезжал, что я уже соскучилась по тебе сильносильно, — голос Норы донёсся из ванной комнаты, где она совершала свой вечерний ритуал ухода за кожей.

— Я тебе говорил, много работы, новый проект. Как только, так сразу, — ответил я почти на автомате, перелистывая страницу, хотя не прочитал ни слова.

Потому что в голове крутился тот момент, когда я убрал соус с губ Авроры. И я до сих пор не мог понять, зачем это сделал. Прикосновение к её коже было таким мягким, таким настоящим, что я почувствовал, как внутри всё сжалось, и это пугало меня, потому что я никогда не позволял себе таких жестов, ни с Элеонорой, ни с кемлибо ещё. И теперь я прокручивал эту секунду снова и снова, пытаюсь найти объяснение, но находил только одно: *мне захотелось*.

Увидев, как Аврора смутилась, я понял, что перешёл какуюто невидимую черту. Моё решение сделать вид, что ничего не произошло, было единственно возможным в той ситуации, потому что я действительно не знал, что сказать, если бы она начала задавать вопросы.

Как объяснить то, что я сам не мог себе объяснить?

Элеонора продолжала говорить о чёмто: о платье, которое купила, о вечеринке у её родителей, о том, как мы должны объявить дату свадьбы. Но я уже не слышал, потому что думал о том, как Аврора сказала: «*Вы разные*» про меня и Макса. И как мне вдруг захотелось узнать, почему она выбрала именно эту книгу для сравнения, что она думает о братских отношениях в целом, как она вообще пришла в журналистику. Множество вопросов, которые внезапно стали важными. И даже сама мысль, что я хочу узнать о ней больше, казалась мне абсурдной и требовала логического объяснения.

— Марк? Ты вообще меня слушаешь?! — голос Норы прорезал мои мысли, и я поднял глаза.

Я опустил книгу и посмотрел на неё спокойно, без раздражения и без желания оправдываться.

— Нет, — честно ответил я, потому что врать дальше не было сил.

Она обиженно фыркнула, скрестив руки.

— Я так и думала, — сказала она обиженно. — Неужели эта книжка интереснее меня, Марк? — Её вопрос повис в воздухе, и я вдруг понял, что у меня нет ответа.

Точнее, ответ был, но он был настолько неудобным, что я предпочёл бы его не озвучивать. *Потому что да, в этот конкретный момент книга действительно была интереснее*: она могла дать ключ к пониманию того, что сегодня произошло, потому что она была связана с разговором, который заставил меня почувствовать что-то кроме привычной усталости и раздражения.

И в этот момент я понял, что впервые за долгое время мне действительно хотелось уехать, хотелось оказаться дома, в тишине, с этой книгой, понять, что именно имела в виду Аврора, почему её слова зацепили меня так глубоко.

Я встал и начал одеваться, видя недоумение на лице Эленоры.

— Марк, ты куда? — спросила она удивлённо, и в её голосе уже сквозила паника.

— Я... В общем, мне надо домой, — сумбурно начал я, застёгивая рубашку.

— Ты серьёзно?! Мы не виделись три недели! Ты приехал задумчивый, с какойто книжкой, а теперь собрался уехать?!

— Да, всё именно так. Я устал, Нор. Не стоило приезжать. Я позвоню, — сказал я, хватая книгу и пиджак, и вышел из квартиры, пока она не начала задавать вопросы, на которые у меня не было ответов.

Глава 14.

Аврора.

Наступил канун Нового года, и я решила, что наконецто созрела для возвращения в Эвервуд, чтобы провести каникулы с родителями, которые уже полгода не видели меня вживую, только по видеосвязи. Тем более после той памятной встречи с Максом в офисе во мне чтото окончательно щёлкнуло, и я поняла, что слёзы высохли, а рана в сердце начала затягиваться, оставив после себя не боль, а скорее здоровую злость, которая гораздо полезнее для психики.

Буквально уже стоя на пороге с чемоданом в одной руке, я решила перед выходом позвонить и предупредить мистера Хеймана о моём исчезновении из города, потому что оставлять босса без информации на каникулы было либо непрофессионально, либо потенциально смертельно для моей карьеры.

Я набрала номер, уже мысленно представляя короткий разговор в стиле *«хороших праздников, Аврора»*, но вместо этого услышала в трубке хриплый, сиплый голос, который с трудом можно было узнать:

— Алло... — произнёс кто-то, кто явно был на том свете или как минимум активно к нему приближался.

Я с недоверием посмотрела на экран телефона, проверяя, не ошиблась ли я номером, потому что мистер Хейман никогда не болел, по крайней мере, за всё время моей работы он даже насморком не страдал, поддерживая себя в состоянии идеальной работоспособности, как швейцарские часы.

— Мистер Хейман? Это вы? — спросила я с сомнением, и в ответ раздался тот же больной, сиплый голос, который еле пробивался сквозь хрипы.

— Да, Аврора, это я, — ответил он, и я услышала, как он закашлялся.

— Боже мой, Марк, что с вами? — вырвалось у меня прежде, чем я успела вспомнить про субординацию.

Он тихо усмехнулся и тут же закашлялся, долго и надрывно, так, что я машинально отодвинула телефон от уха.

— Ничего страшного, — наконец выдохнул он, — немного приболел, почти выздоровел.

— У вас есть температура? Лекарства? С вами вообще кто-нибудь есть? — засыпала я его вопросами, **понимая, что если мой босс склеит лапы на новогодних праздниках, то его место с радостью займёт Макс, и тогда моя жизнь превратится в настоящий ад, из которого не будет выхода. Поэтому такой исход событий нужно предотвратить любой ценой.**

— Температура? — удивлённо спросил босс. — У меня нет градусника дома, ну или я не знаю, где он. Всё нормально, отдыхайте.

— А Элеонора? Она с вами? Пусть купит вам таблеток, я пришлю список. У вас есть семейный врач? — продолжила я забрасывать его вопросами, от которых он явно растерялся, потому что больной Марк Хейман оказался гораздо менее собранным, чем здоровый.

— Нора?.. — Он произнёс её имя с такой паузой, будто вспоминал, кто это вообще такая. — Она уехала в Кагами кататься на лыжах. А врач... Я предпочитаю лечиться сам. Всё хорошо.

Я закатила глаза: типичный мужчина, который может управлять огромной корпорацией и при этом даже не знать, где у него лежит градусник.

В груди закралась тревога, потому что человек, который обычно контролировал абсолютно всё, сейчас явно не контролировал даже собственную температуру тела. И я подумала, что нельзя оставлять его так, особенно в канун Нового года, когда все вокруг празднуют, а он, наверное, даже не подумал о том, чтобы позвать кого-то.

— Пишите адрес. Я привезу вам таблетки на первое время, — сказала я, уже мысленно перестраивая планы и вспоминая расписание поездов до Эвервуда, потому что, возможно, я успею на вечерний рейс, если всё сделаю быстро.

— Аврора, не стоит беспокоиться, езжайте к семье, — пробормотал он и снова закашлялся с таким звуком, что у меня сжалось сердце.

— Адрес, мистер Хейман, я жду ваш адрес, — сказала я

уже серьёзно, и, кажется, он понял, что я не шучу.

— Да хорошохорошо, но потом я дам вам водителя, чтобы вы успели домой, — пробормотал он.

— Окей, я скоро буду, — сказала я и положила трубку, с грустью взглянув на чемодан, и написала маме, что приеду чуть позже.

Я схватила чемодан и пошла искать ближайшую аптеку, мысленно составляя список лекарств. *Гдето глубоко внутри я понимала, что не могла просто уехать, зная, что он там один. И это не только из страха, что его место займёт Макс, но и потому, что беспомощный голос босса вызвал во мне что-то похожее на заботу... то, что я не хотела признавать и это было гораздо опаснее.*

Приехав по адресу из СМС, я не была удивлена ни капли: конечно, как я и ожидала, босс жил в самом центре Нордхейма, в элитном районе с видом на реку, где каждая квартира стоит как моя жизнь. Я нажала на звонок и стала ждать, мысленно представляя, как Марк доползает до двери, потому что по голосу в телефоне он едва стоял на ногах. Я надеялась, что он не выплюнул свои лёгкие до моего приезда и вообще способен открыть, потому что в голове уже крутилась мысль: если он лежит там без сознания, то мне придётся вызывать скорую и объяснять, почему секретарша в праздники вломилась к боссу.

Дверь неспешно открылась, и передо мной стоял Марк: в пижаме, халате и тапочках, с обмотанным шарфом на шее

и красным носом. Зрелище было настолько комичным, что я едва сдержала смех, но потом увидела его стеклянный взгляд, и мне стало искренне жаль его.

— Плохо выглядите, босс, — откровенно сказала я, заходя в гостиную и ставя чемодан на мраморный пол.

— Сам знаю, — буркнул он, и в его голосе была та же хрипотца, что и по телефону, но теперь ещё и с ноткой раздражения, которое он пытался скрыть.

— Давайте свои таблетки, я вызову водителя, — сказал он, пытаясь сохранить контроль, но я уже снимала куртку и проходила глубже в дом, потому что не собиралась уходить вот так сразу.

— Спокойно, — сказала я. — Я сейчас быстро сделаю вам чай, дам таблетки и поеду, — сказала я бодро, чтобы подбодрить его, хотя внутри уже крутилась мысль, что это может затянуться и мои планы на поездку к родителям висят на волоске.

Дом у босса был, конечно, шикарный, с высокими потолками, огромными окнами и мебелью, которая выглядела так, будто её выбирал дизайнер из журнала. Но немного мрачный, с этими чёрными и зелёными оттенками в интерьере, какойто готикой вперемешку с классицизмом.

— У вас очень... мило, — ответила я, заходя в гостиную и оглядываясь, чтобы не показаться слишком любопытной.

— Спасибо, — сказал он и снова закашлялся.

Я подошла к нему и положила руку на лоб, и от такой тем-

пературы меня чуть не ошпарило: его кожа горела как печка. Тут и без градусника было понятно, что это не простуда, а настоящий грипп, который мог свалить даже такого упряма, как он.

— Да у вас жар! Как вы только на ногах стоите! — воскликнула я.

— С трудом, — ответил он и плюхнулся на диван. В этот момент он выглядел таким беспомощным, что мне захотелось обнять его, но я, конечно же, сдержалась.

— Я сейчас дам вам лекарство и сделаю чай. Ложитесь, только снимите этот шарф — он всё равно вам не поможет, — сказала я, ища кухню в этом огромном доме.

— Как скажете, доктор, — пробормотал он, закрывая глаза.

Найдя кухню, я удивилась: всё было как в магазине, куча техники, шкафов с посудой и продуктов, но как будто ни разу не пользовались. Идеальная чистота и отсутствие каких-либо следов жизни.

— А ваши родители не будут переживать, что вы задерживаетесь? — крикнул босс из гостиной, и в его голосе была забота, или мне показалось?

— Нет, я предупредила родителей, что приеду попозже, — ответила я и начала готовить чай, рыская по кухне в поисках чая, заварки или хотя бы чайника, который нашёлся в дальнем шкафу.

— Вам повезло с семьёй, — отозвался он.

— Очень, — сказала я, засыпая заварку в чайник. — Мама, наверное, уже готовит свой праздничный пирог, а папа запекает утку. И, кстати, тот обед, который вы съели, был по мамину рецепту.

— Было очень вкусно, — донеслось из гостиной, и я почему-то улыбнулась.

— А вот и я, — сказала я, заходя в гостиную с чашкой в руках.

Марк уже мирно сопел на диване. Я поставила чашку на столик, потрогала его лоб, он всё ещё был горячим, но уже не таким огненным, как до этого. Кажется, таблетки начали действовать, и его организм сдался и вырубился.

Я стояла посреди гостиной и думала, что делать дальше, потому что бросить его тут и ехать домой казалось логичным, ведь я не видела родителей довольно давно, и перспектива отведать мамин пирог и утку папули очень привлекала меня, но в то же время я глянула на босса, и моё сердце сжалось от жалости, потому что он выглядел таким беспомощным, да и вряд ли он действительно начнёт лечиться и пить те таблетки, которые я купила, без присмотра.

Оглядевшись мой взгляд зацепился за ёлку стоящую в углу, кажется мистер Хейман успел только купить её а наряжать сил уже не хватило, и в этот момент мне его стало по-настоящему жалко, интересно как он вообще собирался встречать Новый год? Один в этом холодном доме? Не похоже что он кого-то ждал.

Сев в кресло, я уставилась на огонь в камине, представляя, что сейчас делают мои родители, как они носятся по кухне под весёлую новогоднюю музыку из радио, как украшают праздничный стол, и внутри меня всё сжалось от тоски по ним, и от странного чувства долга перед этим человеком на диване, который, несмотря на всю свою холодность, иногда улыбался так, что внутри теплеет.

Мысли кружились в голове, как снежинки за окном, я взяла в руки телефон, и вдруг поняла, я остаюсь тут, потому что не могу уехать, оставив его одного, и это решение было глупым, импульсивным, но правильным, и я написала смс маме: *«Мам, прости, я приеду завтра, не волнуйся, всё хорошо, просто не смогла оставить одного очень упрямого и больного человека, люблю вас»*.

Да, возможно это непрофессионально, но мама бы точно меня поняла если бы увидела Марка сейчас, она всегда говорила что в праздники никто не должен быть один особенно если человек болен.

Отправив сообщение, я вздохнула, встала и посмотрела на часы, прикинув, сколько у меня есть времени до того момента, как Марк проснётся и как наступит Новый год, после чего полезла в чемодан за фартуком, потому что если уж спасать этот вечер, то делать это нужно основательно.

Я прошла на кухню, окинула взглядом стерильные поверхности и сверкающую технику. Где-то здесь должны быть продукты, надо только найти. В одном из шкафов обнару-

жилаась банка с мукой, в холодильнике несколько яиц, молоко и сыр.

За окном медленно темнело, и первые снежинки закружились в воздухе, я посмотрела на дверь гостиной, за которой спал Марк, и улыбнулась.

Сегодня Новый год будет другим, не таким, как я планировала. Но, может быть, именно таким, каким он должен быть.

Глава 15.

Марк.

Проснулся я так же внезапно, как и уснул. Видимо, лекарства, которые дала Аврора, действительно подействовали, потому что я чувствовал себя заметно лучше, хотя ломота в теле и лёгкая слабость всё ещё напоминали о перенесённой лихорадке. Сев на диване, я заметил кружку чая, которую Аврора заботливо поставила на столик рядом, и эта простая забота вызвала странное чувство, к которому я не был готов, потому что в моей жизни редко кто-то делал такие простые вещи без расчёта или ожидания чего-то взамен.

«Чёрт, сколько времени?» — подумал я, пытаюсь сориентироваться в полумраке гостиной. *«Надеюсь, она успела доехать до родителей... Я ведь обещал ей водителя...»*

Внезапно мои мысли прервала музыка, доносящаяся с кухни. Я встал и медленно побрёл на кухню, держась за стену, потому что хоть таблетки и подействовали, но состояние всё ещё было так себе.

И то, что я увидел, заставило меня остановиться в дверях.

Аврора стояла в фартуке поверх одежды, вся в муке, мило пританцовывая и подпевая в такт какой-то весёлой песне,

которая лилась из её телефона, кружась между столешницей и плитой, совершенно не замечая моего присутствия.

Так странно... Она не уехала? Почему?

— Вы, кажется, лишили девственности мою кухню, — сказал я с лёгкой иронией, а Аврора едва не подпрыгнула от неожиданности.

— О, мистер Хейман, вы проснулись! Ну как? Вам уже лучше? — спросила она, повернувшись ко мне, и тут я заметил, что она вся в муке, с растрёпанными рыжими кудрями и розовыми от жара плиты щеками. Выглядела она настолько естественно и... подомашнему.

— Да, спасибо, ваши лекарства действительно помогли, — ответил я, чувствуя, как голос звучит менее хрипло, чем утром. — Но почему вы здесь, а не у родителей? — спросил я серьёзно, потому что не мог понять логику её поступка. А девушка, кажется, немного застеснялась такого прямого вопроса и отвела глаза, начав вытирать руки о фартук.

— Я... Я подумала, что вы же будете встречать Новый год совсем один, ещё и больной, — сказала она с лёгкой мечтательностью в голосе. — Никто не должен быть одинок в новогоднюю ночь, особенно когда плохо себя чувствует.

Поразительно, просто поразительно... С каждым разом эта девушка удивляла меня всё больше и больше: вместо новогоднего ужина с родителями она предпочла общество больного босса.

Что вообще происходило в её голове? Иногда мне было

трудно понять логику её поступков.

— Надеюсь, ваши родители не слишком расстроены, что вы не приедете? — спросил я, испытывая лёгкое чувство вины, ведь именно изза моей болезни её планы нарушились.

— Не переживайте, босс, моя мама врач, поэтому в нашей семье всегда принято помогать нуждающимся, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Тем более она скинула мне пару своих праздничных рецептов, — сказала Аврора.

— В таком случае, — сказал я, — зная, насколько хороши блюда по рецептам вашей матери, я готов оказать любую сильную помощь, — сказал я с непривычной для себя бодростью, подходя ближе.

— Командуйте, Аврора, — добавил я, закатывая рукава халата.

— До Нового года осталось четыре часа, я думаю, мы успеем, — сказала Аврора, смотря на часы.

Аврора.

Мистер Хейман и правда очень помог мне. Оказалось, что он умеет не только разносить подчинённых за неточности в отчётах, но и довольно ловко резать овощи и замешивать тесто. Поэтому за пару часов мы смогли приготовить целый набор блюд, которые выглядели довольно прилично для импровизированного новогоднего стола.

Поставив ароматное печенье, и остальные блюда на маленький столик в гостиной, я повернулась к боссу, который тем временем зажёл камин и включил музыку на какомто старинном проигрывателе с пластинками. Это было удивительно, потому что я никогда не представляла его слушающим чтото кроме деловых подкастов или классической музыки в фоновом режиме.

— Я считаю, мы неплохо справились, — сказал босс, оценивающе глядя на наш маленький банкетный стол.

— Да, — кивнула я. — Но мне кажется, коечего не хватает.

— Чего не хватает? — спросил неуверенно босс, озираясь по сторонам. — Вроде все тарелки поставили, — добавил он, и я засмеялась.

— Да я не про это. Я сейчас переоденусь и вернусь, а вы пока достаньте коробку с ёлочными игрушками. Нельзя оставлять вашу красавицу голой в такой праздник, — сказа-

ла я и ушла искать свой чемодан, оставив его стоять с немного озадаченным выражением лица.

Я не брала с собой ничего особо праздничного, потому что обычно мы с родителями отмечали Новый год в разноцветных пижамах или смешных свитерах с оленями. Но, боюсь, босс точно не поймёт такой дресскод. Поэтому, достав более-менее праздничную блузку с небольшим декольте и переодевшись, я вернулась в гостиную, чувствуя себя немного неловко, потому что это было слишком откровенно для обычного рабочего дня. Но сегодня ведь не обычный день.

— Ну как обстоят дела? Надеюсь, новогодние игрушки у вас хоть есть? — спросила я, входя, и босс повернулся и замер на пару секунд с коробкой в руках. И в его взгляде было что-то новое, что заставило меня замереть в ответ.

— Ээ... Да вот, нашёл, — сказал он, показывая коробку, и его голос был чуть хриплым.

Эти десять минут тишины были странно уютными. Мы молча развешивали шары, иногда соприкасаясь руками, и я ловила себя на том, что стараюсь не смотреть на него слишком долго, потому что это ощущение спокойствия было слишком обманчивым.

— Вам очень идёт эта блузка, — вдруг сказал босс тихо. — И кудри... Я никогда не видел вас с ними. Вы что-то делаете с волосами? — спросил он, вешая последний шар на ёлку.

— Спасибо, босс, — весело ответила я, хотя внутри что-то ёкнуло. — А кудри... Да, я выпрямляю волосы... Ваш брат

както назвал меня пуделем, и я вот... — замешкалась я, понимая, что подняла не самую приятную тему в новогоднюю ночь.

Он отставил коробку, повернулся ко мне и снова взял меня за плечи, как тогда в коридоре, и от этого жеста внутри всё неприятно и сладко сжалось.

— Аврора, — сказал он серьёзно, — не слушайте никого, вы очень обаятельная и привлекательная девушка.

У меня перехватило дыхание, и я вдруг остро почувствовала, как много значит его голос, его внимание и этот взгляд, в котором не было привычной холодной дистанции.

— Не позволяйте никому думать иначе, — продолжил он. — И ваши кудри вам очень идут.

Он осторожно взял прядь моих волос, и я поймала себя на том, что не дышу.

— Не выпрямляйте их больше, хорошо? — сказал он тихо, низко, почти интимно.

— Хорошо... — ответила я и сглотнула, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться. Потому что этот момент был настолько интимным, что даже воздух вокруг казался гуще. Кажется, всё больше и больше я погружаюсь в те мысли, которые не следует думать.

«Он мой босс, он мой босс», — твердила я себе как мантру. *«У него есть невеста, он не твоего круга человек»*, — убеждала я сама себя.

Но его пальцы всё ещё касались моих волос.

— О, кажется, уже бьют куранты, — сказал он, будто спасая нас обоих, и включил телевизор, где начинался отсчёт до Нового года.

Откуда-то он взял два бокала с шампанским и протянул мне один.

— С Новым годом, Аврора, — тихо сказал босс, стоя так близко, что я чувствовала тепло его тела.

— С Новым годом, мистер Хейман, — ответила я, и мы чокнулись бокалами, глядя друг другу в глаза дольше, чем это было бы уместно.

— Признаюсь вам честно, это был мой самый приятный Новый год за последние пару лет, — сказал босс, делая глоток шампанского.

— Мой тоже, — тихо, почти еле слышно ответила я. Но вряд ли он услышал, потому что фейерверки гремели за окном, а внутри меня бушевала буря чувств, которые я пыталась заглушить голосом разума и логики.

Спустя время мы уже сидели на диване, смотрели новогодние фильмы по телевизору и ели наши новогодние блюда, которые оказались вкуснее, чем ожидала. И я сама не заметила, как уснула прямо на плече у босса, чувствуя его тепло и запах его парфюма, смешанный с ароматом печенья. И в этот момент его рука осторожно поправила мои волосы.

И гдето на грани сна я подумала, что это было самым прекрасным Новым годом в моей жизни, и что завтра всё вернётся на свои места, но сегодня... сегодня можно было

просто быть.

Глава 16.

Аврора.

Я проснулась резко, так как будто меня выдернули из сна, от громкого хлопка входной двери, и в первые пару секунд я даже не поняла где я вообще нахожусь, и только когда раздался высокий женский голос, у меня внутри всё неприятно сжалось.

— Марк? Ты дома? — крикнула Элеонора, заходя в гостиную, и я села на диване, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Мистера Хеймана как назло не было, не знаю, где он был, может ушёл спать к себе в комнату, а может, просто сбежал. Элеонора вошла в гостиную, и, увидев меня на диване лицо исказилось, она явно была не в настроении для дружеских бесед.

— А ты что тут делаешь? — спросила она язвительно, оглядывая меня с головы до ног.

— Я... я... босс заболел, и я привезла ему лекарства, — начала я оправдываться, чувствуя, как голос предательски дрожит, потому что это звучало жалко даже для меня самой, и я вдруг поняла, как глупо это выглядит, помощница, которая остаётся на ночь, чтобы «позаботиться», когда у него

есть невеста.

— Да что ты?! — перебила она, и в её глазах мелькнул огонёк. — И решила остаться у него на Новый год? Какая заботливая помощница у моего жениха!

Она сделала паузу, наслаждаясь каждым слогом, особенно ударением на слове «моего», будто напоминала мне моё место. *Ниже плитуса, где-то между ковриком и обувью.*

— Скажи, — продолжила она, скрестив руки на груди, — давно ли это входит в твои обязанности?

— Вы ошибаетесь, — ответила я, стараясь держать голос ровным, хотя внутри всё уже начало трещать по швам. — Я всего лишь его помощница, — ответила я пытаюсь сохранить остатки достоинства хотя внутри всё кричало от несправедливости.

Но вдруг в памяти вспыхнули воспоминания вчерашнего вечера, его пальцы в моих волосах, его тихий голос говоривший, что я обаятельная, то как мы вместе украшали ёлку, и в груди снова стало жечь от осознания всей глубины моей глупости.

Я позволила себе поверить, что между нами может быть хоть что-то большее. Что его взгляд иногда задерживается на мне не потому, что я опоздала, а потому что...

Потому что я сама себе это внушаю.

Смутившись собственных чувств, я резко вскочила и начала метаться по комнате, ища чемодан. Нужно уехать. К родителям, где я смогу наконец понять, что со мной происхо-

дит.

Элеонора с превосходством наблюдала за моими метаниями как кошка наблюдает за мышью которую уже поймала и сейчас просто играет с ней перед тем как съесть, и я понимала, что каждое моё движение только усиливает её уверенность в своей правоте.

— Ой, не торопись, — произнесла Элеонора, скрестив руки. — Ты ведь не думала, что он всерьёз обратит на тебя внимание?

— Я ничего не думала! — выпалила я, но голос предал меня — он дрожал, как у провинившейся школьницы.

— Конечно, — усмехнулась она. — Просто случайно оказалась здесь в новогоднюю ночь. В его доме. На его диване. Совершенно случайно.

Я замерла.

— Ты не первая, знаешь ли, — добавила она почти шёпотом, — Марк умеет быть... обаятельным.

— Между нами ничего не было! — выдохнула я, но уже не столько ей, сколько себе.

— Не утруждай себя оправданиями, милая, — сказала она холодно, — если ты действительно думаешь, что человек вроде него может выбрать тебя, то у меня для тебя плохие новости.

Я нашла чемодан в коридре, где он мирно стоял весь вечер и уже почти дошла до двери, когда Элеонора медленно, нарочито спокойно, обошла меня и встала прямо перед вы-

ходом, перегородив путь.

— Не тешь себя надеждами, он может флиртовать с тобой, может говорить комплименты, — начала она и я опустила глаза не в силах выдержать её взгляд, — он может... даже переспать с тобой, — добавила она почти шёпотом, — но это никогда не будет чем-то серьёзным для него.

— Он делец, Аврора, — сказала она мягче, почти с жалостью. — Он ничего не делает просто так, и когда ты перестанешь ему приносить выгоду, — прошептала она, почти с сочувствием, — он быстро вычеркнет тебя из своей жизни. Просто... перестанет замечать.

Я замерла, чувствуя, как слёзы жгут глаза, хотя с чего бы, ведь ничего между нами и не было, это глупая Аврора подумала, что его слова или жесты что-то могут значить, и от этой мысли мне стало так больно, что я едва не разрыдалась.

Потому что в её словах была доля правды.

Она отошла от двери, словно милостиво позволив мне уйти.

— Хороших праздников, — добавила она язвительно.

Я выскочила наружу, сжимая чемодан, холодный январский ветер ударил в лицо, но я даже не почувствовала его. *Мне было так жарко от стыда, от боли, от осознания, что я позволила себе мечтать о невозможном.*

Потому что, чёрт возьми, между нами ведь ничего и не было. Ничего. Это я, дура, позволила себе мечтать.

Марк.

Я вышел из ванны, всё ещё чувствуя слабость в мышцах и лёгкую дурноту в голове, но температура, наконец, спала и это уже было победой. Влажные волосы капали на плечи, я потянулся за телефоном, чтобы уточнить детали доставки: решил заказать Авроре и её семье небольшие новогодние подарки, не как компенсацию, а как... жест. Просто потому что она осталась со мной в ту ночь, когда я едва мог стоять на ногах, не потребовала благодарности, просто сделала то, что нужно.

Положив чистое полотенце в гостевую ванную, я пошёл вниз, чтобы позвать Аврору, потому что хотел, чтобы она почувствовала себя комфортно:

— Аврора, гостевая ванная свободна, я оставил там всё нужное, ты можешь... — начал я говорить, ещё не достигнув последней ступени, но внезапно слова застряли у меня в горле, когда я увидел внизу до боли знакомый силуэт, и в ту же секунду Элеонора обернулась ко мне со своей неизменной улыбкой, которая в этот момент вызвала у меня лишь глухое раздражение.

— Нора? — удивился я, чувствуя, как внутри всё холодеет от её присутствия.

— Марк, дорогой! Ну как ты? — почти пропела она, и прежде чем я успел что-то сообразить или отшатнуться, она

уже кинулась мне на шею, обвивая ее тонкими, цепкими руками, а ее тяжелый парфюм, сразу заполнил все пространство вокруг.

— Да, не переживай, — ответил я сухо, — не стоило отменять свой отпуск из-за меня.

— Милый, ты представляешь, не было свободных рейсов! — затараторила она, не замечая ни моего тона, ни напряжения в плечах. — Как только появился билет, я сразу к тебе!

— Да, это очень трогательно с твоей стороны, — начал я, пытаясь высвободиться из её объятий, — А ты не видела мою...

— Помощницу? — перебила она, и в её голосе прозвучала та самая фальшивая забота, которую я терпеть не мог. — Твоей птичке кто-то позвонил, и она срочно убежала.

— Наверное, у птички дома ждёт парень, — добавила она, прищурившись, — а она тут возилась с тобой. Так неприлично, Марк, в самом деле. Что люди подумают, если узнают, что ты проводил вечер в компании секретарши? — она качала головой, изображая озабоченность моей репутацией.

И я задумался.

А вдруг она действительно собиралась ехать вовсе не к родителям?

Вдруг у нее есть кто-то, кто ждал ее в эту ночь, но она, из чувства долга или простой человеческой жалости, променяла этот праздник с близким человеком на то, чтобы нянчиться со своим беспомощным боссом? И она, возможно, только

и считала минуты, чтобы сбежать от меня к нему. От этих мыслей у меня свело скулы так сильно, что я почувствовал резкую боль в виске.

— Но ты не переживай, дорогая «птичка» передала мне рекомендации, так что теперь я твой персональный доктор и буду следить за каждым твоим шагом все эти выходные, пока ты полностью не поправишься, — прошептала Нора, возвращая меня в реальность.

И я понял, что не отвертеться.

Эти выходные станут самыми долгими в моей жизни.

И да, надо бы узнать, есть ли у моей помощницы кто-нибудь.

Не из ревности, нет, конечно нет. Просто... чтобы знать. Чтобы понимать, почему она ушла так внезапно. Почему не попрощалась.

Глава 17.

Марк.

Новогодние праздники прошли, и когда Аврора вернулась на работу после каникул, я сразу заметил перемену: её взгляд стал каким-то отстраненным, будто она мысленно находилась совсем не здесь, и это было настолько не похоже на нее, даже улыбка, обычно такая живая, словно испарилась. Она больше не болтала в коридоре, не закатывала глаза, когда я делал очередное замечание по поводу опоздания. Всё это исчезло, и пустота, которую она оставила, ощущалась странно, почти физически мне было больно от невозможности подойти и говорить с ней также непринужденно, как раньше, но рациональная часть меня хотела сохранить эту дистанцию, чтобы не разрушить карьеру, а другая сломать барьеры, чтобы понять, что это за чувство, которое не даёт покоя.

Я несколько раз ловил себя на желании спросить, почему она тогда так резко убежала из моего дома, но каждый раз откладывал этот разговор, оправдывая себя работой, усталостью и тем, что сейчас не время, хотя прекрасно понимал, что дело не во времени, а в том, что я просто боялся услышать ответ.

Участие в тендере, вот что по-настоящему важно сейчас,

твердил я себе, чтобы отвлечься от этих мыслей. Это был уникальный шанс, который нельзя было упустить. Заказчик из Кагами, один из самых состоятельных людей в регионе, и я осознавал, что этот контракт станет возможностью укрепить нашу компанию и доказать отцу, что я не зря сижу в этом кресле. Мы просто обязаны были выиграть.

В зале повисла тишина, прерываемая лишь шелестом бумаги, и я продолжил, показывая графики и схемы, объясняя логику решений, потому что в этом я был уверен, это была моя территория.

— Замечательная презентация, Марк, ты действительно превзошел все мои ожидания в плане проработки деталей и понимания психологии клиента, — сказал он, продолжая негромко хлопать в ладоши, пока остальные акционеры согласно кивали.

— Спасибо, отец, — ответил я ровно, чувствуя, как внутри все равно сжимается, потому что его одобрение всегда имело цену.

— Мистер Киоши — это очень серьезный партнер, — сказал он, не отрывая от меня холодных глаз. — Мы просто обязаны выиграть этот тендер.

В его словах не было пожелания, это был приговор и ожидание его безукоризненного исполнения.

— Да, я понимаю. Поэтому я согласился на предложение господина Киоши на встречу в Кагами. Чтобы познакомиться с ним поближе и рассказать о нашей идее подробнее в бо-

лее... доверительной обстановке, — пояснил я, удерживая его взгляд. Отводить глаза значило показывать слабость, а слабости мне сегодня простить не могли.

— Это отличная идея! — отозвался сидевший справа от отца Джош Роквелл, отец Элеоноры, являющимся одним из акционеров.

— Да-да, я тоже так считаю, — подхватил отец, его пальцы принялись барабанить по полированной поверхности стола. — Надо обработать этого кагамийца так, чтобы остальные даже не прошли дальше второго этапа.

— Господин Киоши в своем письме выразил надежду наладить более дружеские, почти семейные контакты, — осторожно вставил я, чувствуя, как подступает самый сложный момент. — Встреча будет неформальной, можно сказать, семейной. И я не уверен, что он захочет говорить о бизнесе на прямую, там важнее будет создать атмосферу... общего понимания.

— О-о-о, это замечательно! — воскликнул мистер Роквелл, и его глаза загорелись деловым блеском. — Норочка как раз недавно была в Кагами, обожает там эти их сады камней и чайные церемонии. Думаю, она не откажется поддержать тебя и поехать с тобой как твоя невеста. Господин Киоши должен видеть, что ты серьезный партнер, на которого можно положиться.

— Поддерживаю, это будет идеальным ходом, ведь наличие красивой и статусной невесты рядом только укрепит

твой имидж в глазах традиционного японского общества, а там, под шумок, обработаешь его... ну, как ты умеешь, сын. На кону очень большая сделка. Не разочаруй меня, — отрезал отец, не оставляя мне, казалось бы, пространства для маневра.

Я почувствовал, как внутри меня все протестует против этой идеи, потому что во-первых, Элеонора до чёртиков мне осточертела за праздники, с её бесконечной гиперопекой и претензиями, что я буквально считал дни до выхода на работу, чувствуя раздражение и удушье от её постоянного присутствия, а во-вторых... хотелось как-то отблагодарить Аврору за помощь и может, эта поездка на пару дней могла бы скрасить её будни, а ещё... я не оставлял мысли, что может мы сможем вернуть обратно наше душевное общение, которое сейчас сошло почти на нет.

Не то чтобы меня это постоянно беспокоило. Нет, конечно...

Да.

Черт возьми, да, меня это беспокоило.

Потому что я не понимал причин этого внезапного холода. Ведь я, кажется, не делал ничего, что могло бы ее обидеть. Во всяком случае, не намеренно, в общем, эта совместная поездка казалась мне отличной идеей, шансом на что-то новое, что пугало и манило одновременно.

— Я не разочарую, отец, — сказал я автоматически, чувствуя, как во рту пересыхает от необходимости говорить

дальше. — Но... я бы хотел поехать туда со своей помощницей.

В зале повисла пауза.

— Что? С секретуткой? — отец раздраженно поморщился, и в его голосе прорезались те самые властные нотки, — Побойся бога, сынок, что подумает господин Киюши, если ты приедешь к нему с персоналом вместо будущей жены?

Я видел, как мистер Роквелл нахмурился, его отеческая гордость явно была задета.

— При всем уважении, — ответил я, — Элеонора не даст мне сосредоточиться, вы же знаете, как это бывает, утром магазины, потом рестораны, потом еще что-нибудь, — я посмотрел на Роквелла, зная, что он понимает, о чем я говорю.

Он задумался, постучал пальцами по столу и наконец сказал:

— Возможно... возможно, Марк и прав, — медленно говорил он, избегая взгляда отца. — Норочка такая... не усидчивая. Да и с языком у нее не очень хорошо, может ляпнуть что-нибудь чересчур прямое или бестактное... Испортит все впечатление.

Я внутренне выдохнул, понимая, что ситуация начинает разворачиваться так, как мне нужно, отец же скривился, явно недовольный.

— Черт с тобой! — выдохнул он наконец. — Едь со своей секретуткой! Но чтобы без хороших новостей оттуда не возвращался. Иначе... — он обернулся ко мне, и его глаза стали

абсолютно пустыми, — иначе уволю ее к чертовой матери. Понял? Это будет на твоей совести.

— Всё будет в лучшем виде, — сказал я уверенно, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Мы закончили собрание, а внутри меня всё кипело от смеси облегчения, волнения и той самой надежды, потому что эта поездка, это шаг, который я должен сделать, как будто я стоял на краю пропасти, где с одной стороны была привычная стабильная жизнь, предсказуемая, одобренная отцом и обществом, а с другой неизвестность, которая будила во мне чувства, которых я боялся, потому что они могли разрушить всё, что я строил годами.

После завершения совещания я буквально выпорхнул из переговорной, ощущая непривычный прилив адреналина и то мальчишеское нетерпение, потому что мне до зуда в ладонях хотелось поскорее увидеть реакцию Авроры на новость о командировке и тем самым хоть немного пробить ту ледяную стену, которую она возвела между нами после праздников. Однако, едва переступив порог приемной, я вновь наткнулся на её абсолютно непроницаемый, почти пустой взгляд.

Натянув маску серьезного начальника, я произнес ровным, лишенным эмоций голосом:

— Зайдите в кабинет, есть разговор, — и лишь на мгновение мне показалось, как будто она вздрогнула.

Аврора медленно поднялась со своего места, поправила и

без того безупречный жакет и последовала за мной, и когда дверь кабинета закрылась, я сел в своё кресло и замер.

Прожигал взглядом ее броню, искал хоть одну трещину.

Она стояла передо мной, такая знакомая и такая далёкая одновременно, опустив глаза в пол, такая правильная, собранная и до боли чужая, и я вдруг поймал себя на том, что смотрю на её идеально прямые волосы, я хотел протянуть руку, взять прядь, как тогда, и сказать, что она прекрасна именно такой, какой есть.

— Вы снова выпрямили волосы... — вырвалось у меня, прежде чем я успел подумать.

Она подняла глаза, и я увидел в них не холод, а усталость и что-то похожее на сожаление, словно она уже приняла какое-то решение.

— Я... я по привычке, вы звали меня, босс? Что-то срочное? — начала она, теребя пальцы, и мне показалось, что ей дискомфортно со мной в одном кабинете.

Почему?

И тут же, как назло, всплыл вопрос, который я упорно от себя гнал: *а вдруг у нее есть кто-то, ради кого она сейчас так старательно держит дистанцию, ради кого выпрямляет волосы и прячет улыбку.*

— Да, — резко сказал я, отгоняя едкие мысли. — На следующей неделе я еду в командировку в Кагами. Господин Киоши хочет познакомиться лично, прежде чем заключить сделку. Это будет неформальная встреча... на пару дней.

Она молча открыла блокнот.

— Забронируйте билеты, отель, обязательно номер люкс, поездка будет на двоих... — сказал я и сделал паузу, предвкушая её реакцию.

Ее рука замерла, всего на секунду, но я заметил, потому что смотрел слишком внимательно, и эта короткая заминка разожгла внутри азарт.

— Поняла, мне нужны данные Элеоноры для брони, — сказала она ровно, не поднимая глаз.

Вот оно, — подумал я. *Она даже не сомневается, что поеду с Норой.*

Я предвкушал этот момент. Медленно, растягивая слова, не сводя с нее пристального взгляда, продолжил:

— Я еду не с Элеонорой...

Специально замолчал. Давал время. Аврора медленно подняла взгляд. В ее широко раскрытых глазах настоящее, неподдельное удивление. *Вот она...живая эмоция.*

Наконец-то.

— А... с кем? — спросила она почти шёпотом.

— С вами, Аврора, — сказал я, и не смог сдержать легкую, почти торжествующую улыбку. Я поймал эту реакцию. Нарушил ее спокойствие, пробил этот ледяной панцирь.

— Со мной? — переспросила она, словно не веря.

— Именно с вами, — подтвердил я, и голос мой дрогнул от волнения. — Это хоть и не деловая поездка, да. Но Киоши может захотеть подписать контракт прямо там. Мне нужна

будет ваша помощь.

Я, конечно, мог справиться сам. У меня есть юристы, ассистенты, целый отдел логистики в конце концов.

Но я хотел поехать с ней.

Точка.

— Надеюсь, у вас нет никаких сдерживающих факторов, — добавил я, осторожно прощупывая почву, — вроде питомцев... или, например, парня, который умрёт с голоду за пару дней.

Она молчала, глядя на меня широко раскрытыми глазами, и я почувствовал, как внутри всё сжимается, вдруг она откажется, вдруг скажет, что у неё есть кто-то.

— Ну так что? — спросил я тихо, почти умоляюще, хотя старался звучать ровно. — Вы сможете поехать... или вас кто-то ждёт дома?

— Да... — тихо сказала она.

У меня внутри все рухнуло. Это короткое «да» в моей искаженной тревогой голове мгновенно расшифровалось как подтверждение худших подозрений.

Да, есть кто-то. Да, не может.

Но тут она добавила:

— Да, конечно, мистер Хейман, я с радостью поеду, ведь у меня нет ни кошечек, ни собачек, ни уж тем более парня, так что я полностью в вашем распоряжении для этой деловой поездки! — воскликнула она, и в эту секунду на её лице наконец-то расцвела та самая живая, теплая улыбка, по ко-

торой я, оказывается, чертовски соскучился.

— Я рад слышать, — сказал я, и это было чистой правдой.

У неё никого нет. Эта мысль ударила с такой силой, что я на мгновение потерял нить. Но что это значит для меня? Ровным счётом ничего...наверное.

Она уже поворачивалась к двери, когда я добавил, почти невзначай:

— И да, Аврора... возьмите пару платьев, господин Киоши пригласил нас на ужин, и мне бы хотелось, чтобы моя помощница выглядела на них соответствующе.

Она замерла в дверях. Обернулась, а потом просто кивнула и вышла, оставив меня одного.

У нее никого нет.

Эта мысль была лишней, ненужной, опасной, и я попытался от нее избавиться, как избавляются от вредной привычки, резко, без сожалений, но она возвращалась снова и снова, цепляясь за детали.

Это всего лишь помощница, сказал я себе, это всего лишь рабочая поездка, ты взрослый мужчина, у тебя есть обязательства, есть невеста, есть репутация, есть правила, которые ты сам же и выстроил. И все равно внутри что-то тянуло, как будто я стоял на краю и прекрасно понимал, что если сделаю шаг вперед, то обратного пути не будет, и это пугало и одновременно притягивало до дрожи.

Я сжал челюсть так сильно, что почувствовал напряжение в скулах, потому что самое страшное было не в том, что я

хотел ее тело, это можно было заглушить, а в том, что мне хотелось узнать ее ближе, услышать, как она смеется, увидеть ее без этой брони.

Кагами, подумал я, два дня, всего два дня, и я должен быть сильнее этого, сильнее себя, потому что если позволю себе хоть шаг в сторону, то разрушу слишком многое.

И все же где-то глубоко внутри я уже знал, что все уже решено.

Глава 18.

Аврора.

Спустя некоторое время. Кагами.

Самолет приземлился уже довольно давно, а ощущение нереальности происходящего так и не прошло, и пока такси мягко скользило по улицам Кагами, я сидела у окна и смотрела на чужие улицы, пытаюсь убедить себя, что это действительно происходит со мной.

Ну не мог же мой почти женатый начальник взять в командировку именно меня вместо своей идеальной невесты, или мог?

Может, он просто решил, что не нагулялся перед свадьбой, и хочет напоследок немного развлечься с безобидной секретаршей, которая не будет требовать кольца и обещаний, эта мысль была настолько циничной и одновременно настолько логичной в рамках тех историй, которые я слышала о богатых наследниках, потому что я слишком хорошо помнила Макса и его способность использовать людей, и если Марк окажется таким же, я этого просто не переживу.

Слишком много разных мыслей я прокручивала в голове все это время, с того самого момента, как вышла из его кабинета, и до сегодняшнего утра, когда увидела его в аэропорту,

свежего, в идеально сидящем костюме, и мое сердце снова сделало кульбит, и это было ужасно, потому что я обещала себе держать дистанцию, я поклялась себе после того утра с Элеонорой, что больше никогда не позволю себе растаять от его улыбки, но мое глупое сердце, видимо, не присутствовало на том собрании, где принимались эти важные решения.

Конечно, мне хотелось бы думать, что он просто влюбился в меня, без памяти, без оглядки, и решил поехать со мной, потому что не мог вынести и дня разлуки, да, я знаю, что это звучит как бред сумасшедшей, взрослый богатый мужчина отменяет поездку с невестой и берет в командировку свою помощницу просто потому что внезапно осознал, что она любовь всей его жизни, но сейчас, сидя в такси и наблюдая за его профилем, за тем, как он сосредоточенно смотрит в телефон, но иногда бросает на меня быстрые, почти неуловимые взгляды, я ловила себя на том, что не могу отвести от него взгляд.

Да-да, я знаю, это только в сказках так бывает, на самом деле скорее всего все гораздо прозаичнее, и Марк, будучи человеком крайне рациональным, решил, что если уж он летит в Кагами, то можно совместить приятное с полезным и нагрузить меня работой по максимуму, пока он сам будет пить дорогой чай с мистером Киюши и обсуждать сделки, я буду сидеть в номере и строчить отчеты до утра, и эта версия была настолько правдоподобной, что я почти успокоилась, потому что она не оставляла места для иллюзий, а иллюзии,

как показала практика, до добра не доводят.

Такси плавно остановилось у входа в отель, водитель открыл багажник, а я вышла из машины и на секунду замерла, потому что здание передо мной выглядело настолько впечатляюще, что мои мысли на мгновение просто остановились.

Отель «Красный дракон» возвышался над улицей как огромная традиционная пагода, а красные фонари мягко покачивались на ветру, создавая ощущение, будто мы попали в декорации какого-то исторического фильма.

Я подошла к организации этой поездки с такой тщательностью, будто от выбора отеля зависела моя карьера, перебирала десятки вариантов, сравнивала рейтинги, смотрела фотографии номеров и виды из окон, потому что мне было важно, чтобы Марк не разочаровался, чтобы он понял, что я действительно могу справляться с серьезными задачами, а не просто отвечать на звонки и приносить кофе.

Мы взяли чемоданы и вошли в холл, и уже через пару секунд я заметила знакомую картину, которая, кажется, повторяется везде, где появляется Марк. Он везде действует на девушек одинаково, они видят его и просто расплываются в какое-то подобие желе, теряя способность связно мыслить и приобретая непреодолимое желание продемонстрировать все свои лучшие стороны, и меня это одновременно забавляло и раздражало.

— Добро пожаловать в отель «Красный дракон», меня зовут Талия, и я буду счастлива помочь вам с любым вашим

вопросом, — пропела она, практически игнорируя мое существование.

— Добрый день, Талия, — ответил Марк своим низким, бархатным голосом, от которого девушка, кажется, забыла, как дышать, — я думаю, моя помощница уже занималась всеми формальностями.

— Именно так, девушка, у нас должна быть бронь на два отдельных двухместных номера на фамилию Хейман, — вставила я, стараясь звучать как можно более официально и уверенно, чтобы скрыть нарастающее внутри волнение, пока Талия неохотно переводила взгляд на монитор компьютера.

— Одну минуту, я сейчас всё проверю, — пробормотала она, а Марк в это время бросил на меня какой-то странный, почти загадочный взгляд, от которого у меня поползли мурашки по коже.

Потому что да, я заказала два отдельных номера, и у меня были на то веские причины, во-первых, так будет правильно с профессиональной точки зрения, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов и чтобы я сама не сходила с ума от его близости каждую минуту, а во-вторых, слова Элеоноры где-то бились на задворках моего сознания, что он почти женатый человек, и я должна держать дистанцию между нами, как бы я того ни хотела, и от этой мысли мне становилось одновременно грустно и спокойно, потому что это был мой способ защитить себя от того, что могло бы случиться, если бы мы оказались слишком близко.

Спустя пару минут девушка на ресепшене нахмурилась и подняла глаза:

— Прошу прощения, мистер Хейман, но, кажется, произошла техническая ошибка со стороны сайта бронирования, и в нашей системе на ваше имя значится только один двухместный люкс на последнем этаже, — произнесла она, и я почувствовала, как краска стыда заливает мои щеки, пока я лихорадочно соображала, как такое могло произойти.

Я резко повернулась к Марку.

— Я... я правда заказывала два отдельных номера, — выпалила я, слыша, как мой голос звучит жалко и оправдывающе. — Я проверяла бронь перед вылетом, там были два номера, я клянусь...

Я стояла рядом в полной растерянности, пытаюсь понять, как вообще могла допустить такую ошибку, потому что прекрасно помнила, как оформляла бронирование, как проверяла его дважды, и мысль о том, что Марк может подумать, будто я сделала это специально, заставляла нервничать еще сильнее.

— Ничего страшного, Аврора, я вам верю, сбои случаются даже в самых надежных системах, — спокойно ответил Марк, пресекая мою панику одним жестом руки, после чего он снова повернулся к Талии с той самой обезоруживающей улыбкой, — скажите, Талия, а в этом люксе есть диван?

— О, разумеется, это наш лучший номер, там есть просторная гостиная с диваном, мини-кухня и отдельная спаль-

ня, мне попробовать найти для вас другой вариант или вы оставите этот? — с надеждой в голосе спросила девушка, явно надеясь, что Марк останется.

— Ничего отменять не нужно, Талия, мы берем этот люкс, — отрезал Марк, вынимая из кошелька купюру в сто симолеонов и плавно пододвигая её к ней, — спасибо за ваше гостеприимство.

— О... спасибо большое, мистер Хейман, ваш номер 203, лифт прямо по коридору, а швейцар доставит ваш багаж через минуту, — выдохнула она, практически провожая его влюбленным взглядом до самых дверей лифта.

Зайдя в номер, я обомлела, номер был огромным, почти как небольшая квартира, действительно люкс, панорамные окна открывали вид на город, мягкий свет заливал комнату, и в какой-то момент я осознала одну простую вещь.

Это единственный номер на этаже. Полная уединенность, пустой этаж, ни соседей, ни лишних глаз, только мы.

Марк прошелся по номеру, разглядывая интерьер с любопытством:

— Не переживайте так сильно, Аврора, я вполне комфортно устроюсь на диване в гостиной, он выглядит достаточно мягким для пары ночей, — сказал он, проходя в центр комнаты.

— Мистер Хейман, мне ужасно неудобно, это ведь моя ошибка, давайте лучше я лягу на диване, а вы займете спаль-

ню, это будет справедливо, — возразила я, хотя внутри всё трепетало от мысли о том, что мы будем находиться в одном пространстве всю ночь.

Марк подошел к окну, заложив руки в карманы брюк, и на мгновение замер, глядя на приближающийся закат, после чего медленно обернулся ко мне, оказавшись пугающе близко, нарушая все мыслимые границы личного пространства, я застыла, чувствуя запах его парфюма, свежий и древесный, и тепло, исходящее от его тела, и мое сердце забилось где-то в горле, мешая дышать.

— Аврора, я в студенчестве спал и на более жестких поверхностях, так что это не обсуждается, — произнес он, — считайте это моим распоряжением как вашего руководителя.

К счастью, в дверь постучали, разрывая этот момент, и я вздохнула с облегчением, швейцар внес наш багаж, расставил его и удалился, получив очередные щедрые чаевые.

— Я пойду на пробежку, — неожиданно сказал Марк. — Надо проветрить мозги после перелета. — Он взял спортивную сумку и скрылся в ванной, а я медленно прошла в спальню и остановилась у кровати.

Кровать выглядела слишком красивой, слишком соблазнительной, чтобы просто спать на ней, она словно провоцировала на что-то запретное, и я отвела взгляд, чувствуя, как жар приливает к щекам. Как я могла допустить такую ошибку с бронированием, я перепроверяла все сто раз, но факт оставался фактом, и теперь мне предстояло провести три дня

в одном номере с человеком, от которого у меня подкашивались колени.

Глава 19.

Марк.

Выйдя на пробежку, я действительно хотел проветрить мозги, потому что последние несколько часов в отеле вымотали меня сильнее, чем любое совещание с акционерами, включив музыку в наушниках и выбрав медленный, расслабляющий темп, я побежал по небольшой набережной, но даже ритмичный стук кроссовок по асфальту и любимые треки в ушах не могли заглушить тот назойливый внутренний диалог.

Я старался думать о чём угодно: о презентации для Киоши, о логистике поставок, о том, сколько времени займёт обратный перелёт... но мысли, как назло, то и дело возвращались к Авроре.

Маленькая лисичка.

Она выглядела такой растерянной, такой по-настоящему испуганной, когда узнала про двухместный номер, что я грешным делом подумал, а не переборщил ли я со своим планом, потому что в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на панику, на животный страх оказаться в замкнутом пространстве с хищником, и это было неприятно, очень неприятно, осознавать, что женщина, которая тебе нравится, смот-

рит на тебя как на потенциальную угрозу.

Даже промелькнула в голове мысль, что может и не стоило делать этот финт с бронью, потому что моя эгоистичная потребность быть рядом с ней могла обернуться полным крахом доверия, которое я так отчаянно пытался восстановить после новогоднего молчания.

Да, я намеренно поменял бронь, потому что Аврора действительно заказала два отдельных номера, и все же перед вылетом я открыл письмо с подтверждением и спокойно заменил его на один люкс. Никакой технической ошибки на сайте не было и быть не могло, была моя четкая, продуманная цель провести с ней эти несколько дней в одном пространстве, потому что я знал Аврору, знал, что если бы мы поселились в разных номерах, она просто напросто опять закрылась бы от меня за дверью, спряталась за своей непроницаемой стеной вежливого безразличия, и я уже вряд ли смог бы снова пробить ее броню, а сейчас у нее не было выхода, сейчас ей пришлось бы сталкиваться со мной каждое утро за завтраком, каждый вечер перед сном, и может быть, может быть, за эти три дня я смог бы разморозить тот лед, который вырос между нами после праздников.

Да, возможно это было эгоистично, ставить ее в такие стрессовые условия, манипулировать ситуацией в свою пользу, но никто не идеален, даже я, вернее, особенно я, и если я чего-то очень хочу, я привык это получать, и сейчас я хотел ее, хотел не в смысле интима, хотя отрицать физическое

притяжение было бы глупо, а в смысле того тепла, той легкости, которую я чувствовал только рядом с ней.

Конечно, я не рассчитывал ни на какой интим, Аврора явно не из тех девушек, которые прыгают в постель к первому встречному, тем более к своему почти женатому боссу, и если бы она была такой, она бы не бежала от меня сломя голову после новогодней ночи, она бы не строила эти ледяные стены, она бы, наоборот, использовала ситуацию, как сделала бы любая другая на ее месте.

Просто... вспоминая наш совместный Новый год, те несколько часов, которые стали самыми теплыми в моей жизни за последние годы, мне хотелось повторить это, хотелось просто сидеть рядом и болтать до ночи, или включить какой-нибудь глупый фильм и комментировать его, смеясь над идиотскими шутками, и чувствовать, что я живой, настоящий.

За этими мыслями я сам не заметил, как пробежал круг и снова оказался у отеля, запыхавшийся, взмокший, но с четким ощущением, что голова наконец-то прояснилась, и я готов к новому раунду общения с моей неприступной помощницей, и, не снимая наушников, я поднялся в номер, решив сразу, не теряя времени, пойти в душ, потому что пробежка есть пробежка.

Конечно, заходя в номер, я не обратил внимания, где Аврора, я был слишком погружен в свои мысли и слишком сосредоточен на необходимости смыть с себя пот, и это было

очень, очень глупо с моей стороны.

Резко дернув дверь ванны, я в прямом смысле охренел, и вряд ли какие-то другие слова могли бы подойти к этой ситуации.

Аврора стояла абсолютно голая, всего в метре от меня, явно секунду назад вышедшая из душа, и я это понял по каплям воды, которые медленно, издевательски медленно стекали по ее телу, и мой взгляд, совершенно неконтролируемый, предательский взгляд проследил путь одной такой капли, сорвавшейся с влажных, чуть выющихся волос, упавшей на плечо, покрытое россыпью мелких веснушек, и дальше вниз, по нежной ложбинке между грудями, дальше капля скользнула по животу, плоскому, но с мягкими, женственными изгибами, и дальше, к бедрам, широким, круглым, невероятно соблазнительным бедрам, которые так отличались от модельной костлявости Элеоноры, и ниже, и к ногам, и я почувствовал, как кровь приливает к паху с такой скоростью и силой, что у меня перехватило дыхание, потому что боже мой, какая же она красивая, и мой член дернулся в спортивных штанах, и я ничего не мог с этим поделать, не мог контролировать эту реакцию на ее совершенное, такое желанное тело, и я *хотел бы смотреть на нее вечно, хотел бы опуститься перед ней на колени, прижаться губами к ее животу и покрывать поцелуями каждый сантиметр ее тела...*

Аврора взвизгнула, пытаясь одновременно прикрыть грудь одной рукой и низ другой, но это только сделало карти-

ну ещё более эротичной, её движения были неловкими, отчаянными, отчего грудь колыхнулась, а бёдра слегка сжались, и я успел заметить, как между ними виднелся аккуратный треугольник рыжих волос, слегка влажных и прилипших к коже.

Я поднял ошарашенный взгляд на её лицо и только тогда заметил, что она что-то кричит, причем кричит уже, судя по всему, довольно долго, потому что её рот открывался и закрывался в беззвучном для меня крике, и только тогда до меня дошло, что я все еще в наушниках, что все это время, пока я пялился на её грудь и ниже, она визжала как ненормальная

Я снял один наушник.

— Полотенце! Дайте полотенце, сзади вас! — почти закричала она, и её голос дрожал от стыда и паники.

Я стоял, не в силах сразу отвести взгляд, чувствуя, как возбуждение накрывает меня тяжёлой горячей волной, как член становится каменным и болезненно упирается в ткань, и только через пару секунд, с огромным усилием, отвернулся, нащупал полотенце и протянул ей, всё ещё ощущая, как кровь стучит в висках и ниже.

— Конечно, конечно, только не орите так, я уже отвернулся, — пробормотал я, поспешно зажмурившись, стараясь посмотреть куда угодно, только не туда, куда мой взгляд так упорно пытался вернуться.

— Вы почему не закрыли дверь, Аврора, неужели это так

сложно в люксе за две тысячи симолеонов в сутки? — спросил я, всё еще не открывая глаз.

— Я... я не поняла, как закрывается дверь! — выпалила она. — Тут всё такое непонятное... решила быстро испугаться, пока вас нет... и вот...

Она развела руками, но тут же замерла, испугавшись, что полотенце сползёт.

Я позволил себе легкую улыбку и наконец открыл глаза, глядя на её разгоряченное лицо, выглядывающее из-за полотенца.

— Ну что ж, тогда можем считать, что счет один-один, Аврора, — произнес я, ловя её непонимающий взгляд. — В прошлый раз вы застали меня в довольно уязвимом состоянии в моем кабинете, так что теперь мы квиты, и, кстати, должен признать, что вы тоже очень даже ничего, как вы когда-то выразились в мой адрес.

На мгновение повисла тишина.

А потом она засмеялась, сначала неуверенно, потом громче, и я засмеялся в ответ.

Ситуация начала сглаживаться, напряжение ушло, но я всё равно не поднимал взгляд, не потому что не хотел, а потому что боялся. Боялся, что если посмотрю, то не смогу остановиться.

— Спасибо за сомнительный комплимент, мистер Хейман, — ответила она, уже более уверенно поправляя полотенце.

— Не за что, а теперь, если позволите, я всё-таки приму душ и обещаю, что закроюсь на всевозможные засовы, чтобы не смущать вашу тонкую душевную организацию еще раз, — сказал я,

Она снова рассмеялась, и этот смех был уже легким, почти счастливым, и я услышал быстрый топот ее босых ног, убегающих из ванной в спальню, и только когда дверь за ней захлопнулась, я позволил себе выдохнуть и прислониться спиной к холодной плитке стены, закрыв глаза и пытаясь успокоиться.

Глава 20.

Аврора.

После вчерашнего эпического позора в ванной, который наверняка станет темой моих ночных кошмаров на ближайшие лет десять, я провела остаток вечера в добровольном заточении в спальне и лишь изредка совершала партизанские вылазки на кухню за водой, стараясь при этом не издавать ни единого лишнего звука. Мне было стыдно, не просто стыдно, а стыдно до состояния физической тошноты, потому что я прекрасно осознавала, что мое тело далеко от стандартов красоты, которые приняты в кругу Марка Хеймана, наверное он привык видеть голых девушек, но наверное это были девушки типа Элеоноры или той самой Талии с ресепшена, которые все свободное время проводят в фитнес-центрах, питаются одними листиками салата и имеют идеально прокачанные ягодички и пресс, и я была уверена, что Марк, увидев меня, мысленно сравнил с теми совершенными созданиями, которые обычно украшают его постель, и это сравнение явно было не в мою пользу.

Конечно, я заметила его улыбку, но скорее всего это была просто вежливость, просто попытка сгладить неловкость, по крайней мере такая реакция все же лучше, чем если бы его,

например, вырвало при виде меня голой, что было бы, несомненно, худшим сценарием из всех возможных.

Утро, как обычно, не принесло никаких чудесных решений, и мы продолжили нашу любимую традицию, делать вид, что ничего не произошло.

Очень удобная стратегия. Особенно когда ты живешь в одном номере с человеком, который вчера видел тебя абсолютно голой.

Уже вечером должен был состояться ужин с господином Киоши, но Марк потащил меня по магазинам уже днём, сначала я не придавала этому значения и с открытым восторгом гуляла, осматривая местные окрестности, вдыхая запахи уличной еды и любуясь яркими вывесками, пока мы медленно не подошли к ювелирному магазину.

“Ага, Аврора, напомнить тебе одну маленькую деталь. Он почти женат.”

Как будто за вчерашний день я могла об этом забыть.

Марк толкнул дверь магазина, и мы вошли внутрь, где продавец моментально оживился, увидев нас, а точнее, увидев Марка, потому что на меня он посмотрел лишь вскользь. Пока босс рассматривал витрины, я стояла чуть в стороне и наблюдала, как блестят камни под мягким светом ламп. И где-то внутри медленно начинало подниматься неприятное чувство.

Ревность. Маленькая, глупая, совершенно неуместная.

«Аврора, очнись, он не твой мужчина, не твой, никогда

не будет твоим, и тот факт, что ты пару дней живешь с ним в одном номере и что он видел тебя голой, ровным счетом ничего не значит, это просто случайность, стечение обстоятельств, и ты должна держать себя в руках»

Моё самопоедание прервал голос Марка:

— Аврора, подойдите, мне крайне нужна ваша помощь в одном важном деле, — произнес Марк, махая мне рукой из глубины зала.

Приехали, подумала я, теперь я буду помогать выбирать ему кольцо для Элеоноры, и ничего унижительнее сегодня уже не будет.

— Как вам это кольцо? — спросил он, задумчиво показывая на массивное украшение, которое вполне подошло бы Элеоноре, но совершенно не вязалось с моим представлением о прекрасном.

— Оно неплохое, если вы хотите, чтобы подарок было видно из космоса, но лично я бы предпочла что-то более утонченное и менее кричащее о банковском счете владельца, — ответила я.

— Да? Это любопытное замечание, — воодушевился Марк, отложив украшение в сторону и внимательно посмотрев на меня, — а что именно вы бы выбрали, будь у вас такая возможность?

Я опустила взгляд на витрину, где украшения, блеск алмазов и фианитов буквально ослеплял, как и цены, от которых я испытала настоящий культурный шок, хотя вряд ли Мар-

ка можно было напугать такими цифрами, поэтому, откинув мысли о том, сколько стоит моя месячная зарплата, я внимательно посмотрела и увидела... прекрасное утончённое колечко с небольшим камушком, оно не кричало о богатстве, но выглядело очень дорого и скромно одновременно, и я подумала, что именно такое кольцо я бы сама хотела когда-нибудь получить, хотя сразу же отогнала эту глупую мысль.

— Ну, вот такое я бы, пожалуй, надела, — сказала я, указывая на него пальцем, и не успела я опомниться, как Марк подал знак продавцу, и тот с извлек украшение из витрины.

— Возьмите, примерьте его, мне нужно увидеть, как оно смотрится в реальности, — скомандовал Марк, и прежде чем я успела выразить свое возмущение, он взял мою ладонь и уверенным движением надел кольцо на мой безымянный палец, и это прикосновение, его теплые пальцы, обхватившие мою ладонь, заставили мое сердце пропустить удар, а потом забиться с удвоенной силой.

— Вам очень идет, Аврора, — произнес он тихим, непривычно глубоким голосом, продолжая удерживать мою руку в своей и глядя на меня так, что у меня на мгновение перехватило дыхание, — оно подчеркивает изящество ваших пальцев гораздо лучше, чем я мог себе представить.

— Я рада, что мой вкус вас не подвел, и надеюсь, что Элеоноре оно понравится так же сильно, — ответила я, пытаюсь высвободиться и снять кольцо, которое словно уже жгло мне кожу.

Но Марк резко остановил мою руку, накрыв ее своей ладонью.

— Это кольцо не для Элеоноры, оно предназначено специально для вас, — отрезал Марк, и его взгляд стал настолько серьезным, что я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног, — Аврора, скажите, согласитесь ли вы стать моей невестой?

И я улетела, я была уже где-то далеко, в каком-то параллельном измерении, я уже представляла, как расскажу об этом маме, как Сиенна поможет найти платье, у нее есть пара знакомых дизайнеров, которые делают потрясающие вещи, ну а фотографом, конечно же, будет Левис, это даже не обсуждается, он лучший, и все будет идеально... пока мой босс не добил меня.

— Ну же, не смотрите на меня так, будто я прошу вас о чем-то невозможном, ведь это всего лишь роль на пару дней для господина Киоши, которая ни к чему вас не обязывает, а кольцо вы сможете оставить себе в качестве компенсации за моральный ущерб, — добавил он, и я почувствовала себя полной идиоткой.

— Ну так что, вы согласны? — спросил он.

Я стояла как рыба, открывая и закрывая рот, пока реальность безжалостно била меня по голове, и после затянувшейся паузы я просто растерянно кивнула, глядя на то, как Марк довольно хлопает в ладоши и расплывается с продавцом.

Выйдя из магазина, я все еще рассматривала кольцо, кото-

рое непривычно сидело на моем безымянном пальце, и пыталась осмыслить произошедшее, примирить свою глупую, разбитую надежду с суровой реальностью.

— Значит, если что, мы с вами пара? — решила уточнить я, потому что мало ли, иногда я слишком много надумываю лишнего, и лучше сразу расставить все точки над *i*, чтобы потом не было мучительно больно за несбывшиеся иллюзии.

— Угу, — Марк вдруг взял меня за талию, и от этого прикосновения у меня мурашки побежали по спине, мы пошли вдоль парка, усыпанного лепестками сакуры. — Видите ли, Аврора, кагамийцы, особенно уровня господина Киюши, очень ценят семейных партнеров, это располагает, создает атмосферу доверия, понимаете?

— Понимаю, — ответила я, и в моем голосе прозвучала такая глубокая, вселенская грусть, что мне самой стало себя жалко.

— Так что немного подыграйте мне, ладно? — спросил он, и в его голосе послышались просительные нотки, которые так не вязались с его обычным образом уверенного в себе генерального директора.

— Без проблем, мистер Хейман, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, но получилось, кажется, совсем не бодро.

Марк вдруг остановился и посмотрел на меня, потом взял мою руку с кольцом в свою ладонь, словно любясь украшением, и тихо сказал:

— И называйте меня на «ты». Это будет странно выглядеть, если невеста называет своего жениха на «вы», не находите?

Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня всегда подкашивались колени, и я выдохнула, пытаюсь унять дрожь в голосе.

— Хорошо... Марк.

Мы пошли в отель, и его рука все еще лежала на моей талии, и я чувствовала тепло его ладони через тонкую ткань платья. До ужина оставалось каких-то 3 часа. И это, наверное, самая безумная, самая нелепая ситуация в моей жизни.

Ну, тогда мне так казалось...

Глава 21.

Аврора.

Настал вечер ужина с господином Киюши, и я, как и просил Марк, взяла самое лучшее платье, которое только смогла найти у себя в шкафу — тонкое шёлковое изумрудного цвета, которое мягко струилось по телу, вызывая мурашки на коже при каждом движении.

Мы зашли в ресторан, и я вцепилась в руку босса. Простите, не босса, а своего «жениха», с такой силой, будто от этого зависела моя жизнь, нервно крутя головой по сторонам и пытаясь запомнить каждое правило этикета, которое я судорожно гуглила перед выходом, боясь сделать что-то не так, боясь опозорить и его и себя.

Ресторан встретил нас мягким светом, тихой музыкой и запахами, от которых у меня предательски заурчал желудок, хотя нервничала я так, что есть вообще не планировала, и если честно, я была готова просто просидеть весь вечер с бокалом воды и делать вид, что умею вести светские беседы.

— Аврора, не надо так переживать, это всего лишь ужин, — тихо сказал он, наклоняясь ко мне ближе, и его дыхание на мгновение коснулось моей щеки, от чего по коже пробежали мурашки.

— Ничего я не переживаю, — буркнула я в ответ, пытаюсь накинуть на себя хоть немного уверенности, хотя прекрасно знала, что выгляжу как испуганный котенок, которого впервые вынесли на улицу. — Просто не привыкла к таким встречам.

— Я вижу, по тому, как ты вжалась в мою руку. Ты совсем не переживаешь — усмехнулся он, слегка сжав мою руку. — Расслабься, ты выглядишь потрясающе, и это всё, что нам сейчас нужно

Я чуть сильнее сжала его руку, а потом поняла, что он прав, и медленно ослабила хватку, и в этот момент он провел большим пальцем по внутренней стороне моей ладони, совсем легко, почти невесомо, но этого оказалось достаточно, чтобы внутри что-то дрогнуло.

Подойдя к столу, мы увидели господина Киоши, и я с удивлением поняла, что мои внутренние стереотипы только что разбились вдребезги, потому что я представляла его совсем иначе — высоким, статным, с хищным взглядом и обязательно с какой-нибудь молодой красоткой под мышкой, но на деле оказалось, что господин Киоши был низеньким, коренастым старичком с добрым лицом, и это совершенно не вязалось у меня в голове с образом «одного из богатейших людей Кагами», который держит в страхе целые индустрии, но, судя по тому, как Марк спокойно протянул ему руку, он знал, чего ожидать.

— Господин Киоши, добрый вечер, это большая честь на-

конец познакомиться с вами лично, да еще и в такой приятной обстановке, — произнес уверенно Марк.

— Взаимно, Марк, рад, что вы приняли мое приглашение, — ответил Киюши, — Вы приехали со спутницей...

— Да, хочу представить вам мою невесту, Аврору, — Марк мягко отпустил мою руку.

— Рад знакомству, Аврора, надеюсь, наш город и этот вечер оставят у вас только самые теплые воспоминания, — произнес он, и я, собрав остатки воли, выдавила из себя самую очаровательную улыбку, на которую была способна.

— Взаимно, господин Киюши, я под большим впечатлением от Кагами и искренне рада быть здесь сегодня, — ответила я, ощущая, как Марк снова по-хозяйски приобнимает меня за талию, притягивая к себе.

— Я тоже не один, это моя жена Шиори, — сказал он, и к нему подошла женщина средних лет.

— Рада знакомству, добро пожаловать в Кагами, — сказала она, мягко улыбнувшись.

— Взаимно, — ответили мы с Марком в один голос, переглянулись и чуть улыбнулись.

— Я думаю, мы можем начать наш ужин, — сказал Киюши, и мы сели за стол.

На столе уже стояло множество блюд, и я с ужасом поняла, что никогда особо не увлекалась кагамийской кухней, предпочитая привычные пасту и салаты, а палочки держала в руках от силы пару раз в жизни, и оба раза это закан-

чивалось тем, что суши падали на пол. Зато Марк, этот человек-оркестр, который, кажется, умеет абсолютно все, уже вовсю ловко орудовал палочками, накладывая мне в тарелку разные виды суши, сашими и роллов, и делал это с таким видом, будто всю жизнь только этим и занимался, а я сидела, смотрела на эту гору еды и пыталась понять, как мне теперь с этим справиться. Я взяла палочки, крутила их в руках, перекладывала из одной руки в другую, пыталась вспомнить технику, которую показывали в видео на YouTube, но мои пальцы отказывались подчиняться этим двум деревянным палочкам, которые в моих руках казались неуклюжими дубинами.

— Аврора, что-то не так? Ты даже не прикоснулась к еде, — тихо спросил он, и в его голосе я услышала искреннее беспокойство.

— Марк, я не умею ими пользоваться, и если я сейчас попытаюсь что-то съесть, то, скорее всего, запущу этот ролл прямо в лоб господину Киоши, — прошептала я с мольбой в голосе.

— Ничего страшного, я вас... — он осёкся, словно вспомнил, что мы теперь «на ты», и поправился: — ...тебя сейчас научу.

Он аккуратно взял мои руки в свои, и в этот момент весь мир как будто немного сместился, потому что я вдруг перестала слышать музыку, разговоры вокруг, даже собственные мысли стали какими-то приглушенными, оставляя только ощущение его пальцев, которые уверенно направляли мои.

Я пыталась сосредоточиться на палочках, на еде, на чем угодно, только не на том, как близко он стоит, как его рука иногда касается моего запястья чуть дольше, чем нужно, как его дыхание едва касается моей кожи.

— Вот так, — сказал он, и я почувствовала, как он чуть сильнее сжал мои пальцы, помогая удержать кусочек

Господин Киюши и Шиори с интересом наблюдали за нами, и мне стало неловко.

Наверное, не стоило меня брать. Я больше опозорю Марка, чем помогу.

Но когда я наконец смогла удержать суши и отправить их в рот, Марк одобрительно кивнул.

— Аврора, а чем вы занимаетесь? — спросил Киюши, глядя на меня с искренним интересом. — Так же бизнесом, как и ваш жених?

Я почувствовала, как внутри меня все сжалось, потому что этот вопрос был не из тех, на которые можно ответить односложно, и я лихорадочно соображала, что сказать, как не провалить Марка, как не выдать себя.

— Я... э-э... я журналист, пишу статьи для независимых изданий, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, и украдкой взглянула на Марка, ища в его глазах одобрения.

— Ооо, это так интересно! — восхитилась Шиори. — Марк, а вы читаете статьи своей невесты? Поддерживаете её?

Я бросила быстрый взгляд на Марка, ожидая хоть какой-то реакции, и он, не моргнув, включился в игру.

— Конечно, я прочитал все ее статьи, и могу сказать, у нее большие перспективы, — начал уверенно, босс.

Я замерла, не веря своим ушам, а он продолжал, и в его голосе звучала такая убежденность, что я сама почти поверила.

— У нее очень интересный, продуманный слог и живая подача, люди любят такое живое, как будто на волне с читателем. У Авроры хорошо получается установить контакт с читателем, это очень важно в современной медиаиндустрии, особенно с учетом тех изменений, которые мы наблюдаем в потреблении контента, — продолжал Марк.

Я смотрела на него и пыталась понять, шутит он или нет, потому что либо он действительно читал, либо он просто гениальный актер, и оба варианта меня немного пугали.

— Какая красивая история! А как вы познакомились? Неужели это была судьбоносная встреча на каком-нибудь интервью? — продолжала расспросы Шиори, и я снова впала в ступор, не зная, какую версию событий нам стоит выдать за официальную.

— Нет, мы встретились непосредственно на работе, — мастерски подхватил Марк, сжимая мою руку под столом, — и хотя это не было интервью в привычном смысле слова, я сразу понял, что передо мной человек, который перевернет мою жизнь, так что это была любовь с первого взгляда.

Он взял мою руку, которую еще секунду назад гладил под

столом, и поднес к губам, и я почувствовала, как его губы мягко касаются моей ладони, и в этот момент по моему телу прошла такая волна жара, что я на мгновение поверила в каждое его слово, потому что это было так... так интимно, так неожиданно, так не похоже на него.

Дальше разговоры текли сами, Марк уверенно вел беседу, и я ловила себя на том, что иногда просто смотрю на него, на то, как он говорит, как слушает, как легко переключается между темами, и в какой-то момент поймала его взгляд на себе, и он не отвел его сразу, задержал на секунду дольше, чем это было нужно, и в этой секунде было что-то, от чего захотелось отвернуться и одновременно остаться.

В какой-то момент мужчины вышли поговорить тет-а-тет, и мы остались с Шиори наедине, и я почувствовала легкую тревогу, потому что оставаться с женой важного партнера наедине было даже страшнее, чем разговаривать при всех, ведь кто знает, какие вопросы она может задать, когда рядом нет Марка, который мог бы меня спасти.

— Вы такая прекрасная пара, — сказала Шиори. — Смотрю на вас и вспоминаю нас с Киюши в молодости, это было такое чудесное время.

Я засмушалась, опустив глаза, потому что врать этой приятной женщине, которая смотрела на меня с такой искренней симпатией, совсем не хотелось, но и подвергать план Марка провалу я тоже не могла.

— Спасибо, — тихо ответила я, не зная, куда деть взгляд.

— Он так смотрит на тебя, моя дорогая, — продолжила она тихо. — Как будто ты самое ценное, что у него есть.

У меня забилося сердце так сильно, что я едва могла дышать... жаль, что это всё фарс и Марк просто очень хороший актёр.

— Он очень любит тебя, это видно, — сказала Шиори, и мое сердце снова пропустило удар, и я открыла рот, чтобы что-то ответить, чтобы сказать, что да, мы любим друг друга, или, может быть, чтобы признаться, что это все неправда, но в этот момент мужчины вернулись к столу, и Марк, подойдя ко мне, бросил быстрый, изучающий взгляд на мое лицо, и в этом взгляде было что-то внимательное, почти жадное, как будто он проверял, на месте ли я, не исчезла ли.

— Все в порядке? — тихо спросил он, садясь рядом.

— Да, — ответила я, и на этот раз это было правдой.

Он на секунду задержал взгляд на моем лице, потом его пальцы снова нашли мою руку под столом, и он сжал ее чуть крепче, чем раньше, как будто напоминая, что я здесь, с ним, сейчас.

И я, кажется, впервые за весь вечер я сжала его ладонь в ответ.

Глава 22.

Марк.

Она была потрясающе красива в этом чёртовом изумрудном платье, и я весь вечер ловил себя на одной и той же мысли, от которой, по-хорошему, следовало бы избавиться, но она возвращалась с завидным упрямством, потому что ткань платья облегла её тело слишком точно, подчёркивая то, что я и без того знал, и, возможно, даже представлял чуть подробнее, чем стоило бы.

Вечер проходил на удивление приятно, гораздо приятнее, чем я мог себе представить, потому что Аврора, которая в начале казалась испуганным котенком, готовая в любой момент сорваться и убежать, постепенно раскрывалась, становилась живой, настоящей, и я видел, как господин Киюши и его жена буквально заморожены ею, как они ловят каждое ее слово, и чувствовал странную, непривычную гордость от того, что эта женщина моя, хотя бы на время этого вечера.

Результат был достигнут.

Киюши согласился на поддержку нашего проекта на тендере, что означало фактическую победу, а значит я всё сделал правильно и отец должен быть крайне доволен, и эти мысли настолько подняли мне настроение, что, услышав приятную

медленную музыку в зале, я не думая ни секунды протянул Авроре руку.

— Милая, ты не хотела бы потанцевать? — спросил я.

Аврора на секунду растерялась, и я увидел это, заметил этот короткий сбой, как будто она не ожидала, что я сделаю следующий шаг, но потом вложила свою ладонь в мою.

— Конечно, с радостью, — ответила она тихо.

Мы отошли чуть поодаль от стола, к большому панорамному открытому окну, откуда открывался вид на пруд с кувшинками и водяными лилиями. Я притянул Аврору к себе за талию, чувствуя под ладонью тепло её кожи через прохладный шёлк, мир вокруг перестал существовать, оставляя только ритм музыки и её сбивчивое дыхание у моего плеча, каждое движение её бёдер под моей ладонью только усиливали то тяжёлое напряжение, которое уже давно поселилось у меня ниже живота.

— Как тебе вечер? — спросил я, заметив, что она задумалась, смотрит куда-то в темноту за окном, и мне захотелось вернуть ее внимание, вернуть ее взгляд на себя.

— Мне все нравится, а... тебе? — спросила она, и в ее голосе прозвучала аккуратная, почти робкая интонация, которая говорила о том, что она все еще боится говорить со мной на «ты», боится переступить ту невидимую черту, которую мы сами же и установили, и это одновременно трогало меня и немного злило, потому что я хотел, чтобы она перестала бояться, хотел, чтобы она видела во мне не босса, не началь-

ника, а просто мужчину.

— Замечательный вечер, — ответил я, и мои пальцы на ее талии чуть сжались, притягивая ее ближе. — Господин Киоши заявил о решении оказать поддержку нашему проекту на тендере, а значит, главная цель поездки выполнена.

— Это замечательно, я уже боялась, что опозорила вас, — сказала она и улыбнулась, и в этой улыбке было столько искренности, что я невольно приблизился чуть ближе.

— Вы? Меня? Аврора... — я провёл взглядом по её лицу, задержался на губах, прежде чем снова встретиться с её глазами, — твоя непосредственность, вот что цепляет людей, это притягивает...

Я повернул ее так, чтобы она оказалась спиной к столу, и, мельком взглянув на Киоши и Шиори, заметил, что они увлечены разговором, не обращая на нас никакого внимания, и я решился на небольшую, почти детскую ложь:

— Аврора, они смотрят... Киоши с женой.

Аврора напряглась.

— Надо немного подыграть им, — сказал я тихо, почти касаясь губами её виска.

— Вы уверены, что это необходимо? — выдохнула она мне в губы.

Я на секунду задержался на её губах.

— Да, — прошептал я, и поцеловал ее.

Сначала нежно, почти невесомо, просто касаясь губами ее губ, пробуя их на вкус, чувствуя, как они дрожат под мои-

ми, мягкие, теплые, чуть приоткрытые от неожиданности, и этот сладкий вкус, с легкой ноткой вина, которое она пила за ужином. Я провел языком по ее нижней губе, прося, умоляя открыться, и она ответила, робко, неуверенно, но ответила. Коснулся рукой её талии, притягивая ещё ближе, и услышал тихий, едва сдержанный стон, который она, кажется, сама не ожидала, и это окончательно сорвало остатки контроля, я углубил поцелуй, чувствуя, как ее пальцы впиваются в мое плечо, как ее тело прижимается ко мне, ища опору, я сжал её талию ещё сильнее, прижимая её к себе.

Я не знаю, сколько это длилось секунду, минуту, вечность, но когда я наконец оторвался от ее губ, я увидел ее глаза, полные шока и растерянности, что на секунду я испугался, что переступил какую-то грань, что сделал что-то непоправимое. Я прижал ее ближе, чувствуя, как ее сердце колотится где-то у моей груди, и плавно, в танце, отвернул ее от стола, чтобы она оказалась спиной к гостям, а я передом, закрывая ее от их взглядов, давая ей время прийти в себя.

— Аврора, у тебя такое лицо... — прошептал ей на ухо, и мои губы почти касались ее мочки, и я чувствовал, как она вздрогнула от моего дыхания. — Я что, настолько плохо целуюсь?

— Нееет, что вы... вы... прекрасно целуетесь, я просто не ожидала, вот... — начала она сумбурно, и я улыбнулся.

Мы вернулись за стол, и я заметил, как она вся красная, избегает смотреть на меня, и мне стало немного стыдно, по-

тому что я заставил ее смущаться, заставил чувствовать себя неловко, и это было слишком эгоистично с моей стороны, возможно,я перешёл черту, которую она сама ещё не готова переступить, но я точно не жалел об этом.

— Так приятно любоваться на вашу пару, — сказала Шiori, и в ее голосе было столько тепла, что я почувствовал, как внутри меня что-то сжимается от стыда за нашу ложь. — Пусть бог оберегает вашу любовь от невзгод.

Я посмотрел на Аврору, но она лишь грустно отвела взгляд...

Аврора.

Ужин подошел к своему логическому завершению, и это, наверное, было к лучшему, потому что дальше находиться рядом с Марком становилось просто невыносимо, его прикосновения, его взгляд, его поцелуи во время танца всё ещё горели на коже, и я чувствовала, что еще немного, и я сделаю или скажу что-то такое, что разрушит всю эту хрупкую, выстроенную с таким трудом конструкцию наших профессиональных отношений.

Для него,наверное, всё это было игрой, я это прекрасно понимала, развлечение для скучающего миллиардера, с правильными словами, правильными жестами, и, судя по результату, он сыграл её идеально, но теперь, когда игра закончилась, он вернется к своей идеальной жизни с идеальной Элеонорой.

Контракт можно было считать подписанным, господин Киюши был настолько очарован нашей парой, что, кажется, готов был подписать все что угодно, лишь бы мы продолжали улыбаться и смотреть друг на друга, и это значило, что, выйдя из ресторана, больше не нужно будет притворяться, и от этой мысли было почему-то не облегчение, а острая, режущая боль, которая возникла где-то в груди и начала медленно расползаться по всему телу, отравляя каждую клеточку осознанием того, что все это было ненастоящим.

За пару часов этого ужина я умудрилась провалиться в свои сладкие, идиотские мечты, я поверила в то, что его взгляды, его прикосновения, его поцелуи были не игрой, а правдой, я представила себе другую жизнь, где я действительно его невеста, и теперь, когда мы выходили из ресторана, этот мыльный пузырь, который я так бережно выдувала все эти часы, начал лопаться, рассыпаясь на тысячи мельчайших капель.

Мы вышли на улицу. Я вдохнула ночной воздух поглубже, стараясь собрать себя обратно в привычную форму, словно стирая всё, что было пару часов назад, снимая это сладкое наваждение, и я снова стала просто его помощницей, а он просто моим боссом, и не более.

И это, конечно же, всё упрощало.

— Минуту, я вызову такси, — сказал Марк, и в его голосе снова появились те самые спокойные, деловые нотки, от которых почему-то стало ещё тише внутри.

Я кивнула, хотя уже знала, что не поеду.

Мне нужно было пройтись, нужно было отдышаться, нужно было побыть одной, чтобы дать голове время разобраться всё это на части, разложить по полочкам и желательно убрать куда-нибудь подальше, чтобы потом случайно не наткнуться. Я не очень хорошо знала, где мы находимся, и не запоминала дорогу, когда мы ехали сюда, но это уже не имело значения, потому что важно было только то, что я хочу уйти, хочу отстраниться, хочу перестать чувствовать его запах на

своей коже. Еще час назад я бы ни за что не хотела покидать этот ресторан, я бы кружилась с Марком в танце вечно, я бы позволила этой сказке длиться бесконечно, но сейчас, когда стало ясно, что спектакль окончен, что больше нет необходимости притворяться, я вдруг поняла, что мне нужно бежать, нужно спрятаться, нужно переварить все, что произошло.

— Не нужно, мистер Хейман, я хочу пройтись, — сказала я, не глядя на него, и, не дожидаясь ответа, пошла вдоль улицы, обнимая себя за плечи, потому что стало холодно, или потому что внутри было как-то пусто, я пока не определилась.

Как же это глупо, влюбляться в своего босса, в человека, который помолвлен, в человека, для которого ты всего лишь удобная деталь в его идеально выстроенной жизни, и как же больно осознавать, что все эти нежные взгляды, прикосновения, были просто частью его бизнес-стратегии, просто инструментом для достижения цели, и что когда цель достигнута, этот инструмент становится не нужен, его можно просто выбросить или спрятать подальше, до следующего раза.

Я шла и чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и проклинала себя за эту слабость, за эту глупую, девичью чувствительность, которая, казалось, должна была уже атрофироваться после истории с Максом. Наверное я слишком задумалась и совсем не заметила, что Марк догнал меня и

молча шёл рядом, и от его присутствия внутри всё снова напряглось, потому что я не знала, как теперь себя вести после всего, что произошло.

— Я тебя чем-то обидел? — спросил он тихо.

Я повернула голову и посмотрела на него, и на секунду в голове пронеслась совершенно нелепая мысль, что было бы проще, если бы он сейчас выглядел холодным, отстранённым, каким он обычно бывает, потому что тогда всё стало бы на свои места.

Но он так не выглядел. И это все усложняло.

— Нет, конечно нет, — ответила я, отворачиваясь обратно вперёд, потому что держать его взгляд сейчас было выше моих эмоциональных возможностей, — просто не люблю обманывать людей, госпожа Шиори показалась мне очень хорошим человеком, чтобы так нагло врать ей в глаза.

Я сказала это спокойно, почти отрешённо, но внутри это звучало иначе, потому что речь была совсем не о Шиори.

Спустя пару минут молчания он начал:

— Аврора, я хотел сказать... — начал он, и я уже приготовилась услышать что-то из серии «это была часть работы» или «не воспринимай всерьёз», или что-то ещё столь же логичное и абсолютно разрушительное для моего и без того шаткого внутреннего равновесия.

Но, к счастью или к несчастью, договорить он не успел.

Моя нога неожиданно ушла в сторону, каблук предательски застрял между плитками, и в следующий момент я уже

теряла равновесие...

И я снова оказалась в его руках, в прямом смысле этого слова, и это уже начинало выглядеть как какой-то странный повторяющийся сценарий, возможно, это можно было бы интерпретировать как глубокую метафору, если бы я не была сейчас слишком занята тем, чтобы не застонать от боли.

— Чертовы туфли, — выдохнула я, глядя ему в глаза, и в моем голосе смешались и злость на себя, и облегчение от того, что не упала, и какое-то странное, пугающее счастье от того, что я снова в его руках.

Он аккуратно, почти нежно поставил меня на землю, и я попыталась сделать шаг, но острая, режущая боль в лодыжке пронзила ногу от пятки до колена, заставив меня вскрикнуть и схватиться за его руку, чтобы снова не упасть.

— Ай, кажется, я потянула лодыжку, — сказала я, и в моем голосе прозвучало столько досады, что я сама себе стала противна, потому что ну как можно быть такой неуклюжей, такой неловкой, такой...неподходящей для него.

— Снимай туфли, — спокойно сказал он.

— Что? — удивилась я, не понимая, зачем снимать туфли, если боль уже есть, и что это изменит, но Марк не стал ждать, он просто ловко, одним движением подхватил меня на руки, прижимая к себе, и одновременно второй рукой снял с меня туфли, я почувствовала, как мое тело прижимается к его, как его руки сжимают меня.

— Что вы делаете? Я же тяжёлая, поставьте, я дойду бо-

сиком, — начала я протестовать, чувствуя, как щёки горят от смущения.

— Аврора, не ерзай, — сказал он, усмехаясь, и я почувствовала, как его голос вибрирует где-то у моей щеки, и от этой вибрации по всему телу побежали мурашки. — Да и что за бред? Ты не толстая, уж поверь мне, я же видел тебя... ну, ты поняла.

Он сказал это с таким намеком, таким очевидным напоминованием о том утре в ванной, когда он видел меня без одежды, что я замерла, не в силах вымолвить ни слова. Я открыла рот, чтобы что-то ответить, желательно остроумное, но в итоге просто закрыла, уткнувшись носом в его плечо, чувствуя, как горят мои щеки.

— Я видел в номере бутылочку вина, предлагаю отметить эту сделку, что скажешь? — спросил он, и это прозвучало так буднично, как будто мы уже вместе много лет.

Я на секунду задумалась, хотя ответ был очевиден.

Мне нужно было еще время.

И, судя по всему, не только мне.

— Почему бы и нет, — ответила я, и мой голос прозвучал тихо, почти неслышно, потому что самолет был только завтра вечером, и у нас еще был целый вечер и утро, и я понимала, что это, наверное, неправильно, что нужно держать дистанцию, что нужно возвращаться в реальность, но я не могла отказаться от этого шанса побыть с ним еще немного, еще чуть-чуть продлить эту сказку, прежде чем она закон-

чится навсегда...

Глава 23.

Аврора.

Вернувшись в номер, первым делом я швырнула эти дурацкие туфли в мусорку. Марк, войдя в номер следом за мной, снял свой помятый пиджак, и я невольно задержала взгляд на том, как он расстегивает верхние пуговицы рубашки, потому что даже в этом простом, бытовом жесте было что-то такое интимное, что заставляло мой пульс учащаться и кровь приливать к щекам.

Достав бутылку вина из мини-бара, он заботливо наполнил наши бокалы, и я наблюдала за тем, как темно-рубиновая жидкость льется в стекло, и думала о том, что, наверное, это неправильно пить с ним наедине, в номере, поздно вечером, после всех этих поцелуев и объятий, но я не могла отказать, не могла уйти в свою спальню и запереть дверь, потому что хотела продлить этот вечер, хотела запомнить каждую секунду, прежде чем завтра мы вернемся в Нордхейм, и все это закончится, и я снова стану просто его помощницей, а он моим боссом, и между нами снова вырастет стена.

Сначала мы просто обсуждали вкус вина, какие-то нейтральные темы, погоду, ресторан, впечатления от Кагами, и я старалась говорить ровно, спокойно, не выдавая того, что

происходит у меня внутри, но с каждым глотком вина я чувствовала, как напряжение уходит, и тело расслабляется. Вино оказалось крепче, чем я ожидала, или, возможно, дело было не в вине, а в том, что мне просто нужно было отпустить контроль, и спустя какое-то время границы начали размываться, слова стали легче, мысли перестали фильтроваться, и Марк, которого я знала, начал медленно уступать место кому-то другому.

Живому.

Настоящему.

Я сидела на тумбе, болтая ногой и держа бокал, и не могла не улыбаться, потому что этот Марк был совершенно другим.

— И вот, я выхожу, а одежды нет, ты представляешь? Они спрятали весь мой чемодан! — говорил Марк, и его смех был таким заразительным, — Я обыскал всю комнату, заглянул под кровать, в шкаф, в душ, думал, это шутка, но нет, эти ублюдки действительно вынесли все, абсолютно все, даже носки!

— И что ты сделал? Только не говори, что... — начала я, уже хихикая, сжимая бокал в пальцах.

— Аврора, у меня не было выхода! — он развёл руками, слегка покачнувшись. — Пришлось бежать голым через весь кампус! Представляешь? Через весь кампус, мимо библиотеки и фонтана, где всегда тусовались первокурсницы!

— Какой ужас! — сказала я, смеясь, и представила эту

картину: молодой, стройный Марк, несущийся через кампус, прикрываясь чем попало... и от этой картины у меня начала кружиться голова, причем не только от смеха, но и от того, что именно я представляла.

— Такое вот посвящение в Эшвуде, — сказал он.

— Хорошо, что я училась в Бриксфорде, у нас посвящение проходило куда спокойнее, просто посидели в кофейне, — сказала я, смеясь, и слезла с тумбы, чувствуя, как пол слегка качается под ногами.

Я протянула ему бокал, и он, не отводя взгляда, наполнил его снова, и в этот момент я поймала себя на том, что смотрю на него слишком долго.

— Даже представить не могла, что вы способны на такое, — сказала я, слегка запнувшись на «вы», потому что где-то между первым и третьим бокалом эта дистанция начала терять смысл.

— В студенческие годы я наворотил немало дел, которые сейчас заставили бы моих акционеров поседеть раньше времени, это уже потом жизнь заставила меня надеть костюм и повзрослеть, — сказал он.

— Всё равно не укладывается в голове, — я хихикнула, делая глоток.

— Намекаешь, что я скучный? — спросил он, прищурившись, и в его взгляде мелькнуло что-то хищное, игривое, почти мальчишеское.

Я улыбнулась и молча сделала глоток, глядя на него по-

верх бокала, потому что ответ был слишком очевиден и слишком опасен одновременно.

— Я сейчас тебе докажу, что во мне всё еще живет тот безумный студент из Эшвуда, — внезапно заявил Марк и одним резким движением сорвал с себя рубашку.

И кажется, он уже стал расстегивать брюки, но стоило ему сделать пару шагов в мою сторону, как его координация окончательно капитулировала перед алкоголем, и я едва успела подхватить его за руку, чтобы он не встретился лицом с ковром.

— Так, стоп, герой, кому-то хватит вина на сегодня, — сказала я, и мой голос прозвучал хрипло, потому что его обнаженное тело было так близко, что я чувствовала его запах, его тепло, его дыхание на своей щеке. — Ты вообще часто пьешь?

— Авро-о-ора, — протянул он, и его пьяная улыбка была такой беззащитной, такой детской, что у меня сжалось сердце. — Я скажу тебе сейчас секрет... я вообще не пью.

— Это многое объясняет, — фыркнула я, пытаюсь удержать нас обоих в вертикальном положении, что уже само по себе было достижением.

— Всё, начальнику пора спать, — объявила я, решительно разворачивая его в сторону спальни, потому что мой мозг, видимо, решил, что кровать это единственный логичный пункт назначения.

Дотащить его оказалось сложнее, чем я ожидала, потому

что, во-первых, он был высоким, во-вторых, тяжёлым, и, в-третьих, активно мешал своим существованием.

— Ты тяжёлый, между прочим, — пробормотала я, пытаюсь не уронить его по дороге.

— Я в отличной форме, — возмутился он, запинаясь на каждом втором шаге.

— Конечно, — кивнула я.

Кое-как дотащив это полуобнаженное сокровище до кровати, я планировала просто аккуратно его приземлить, но в самый ответственный момент он крепко вцепился в мою талию и потянул за собой, и в следующую секунду я уже лежала на нём, опираясь руками, чтобы не придавить его окончательно.

Я поднялась на руках, чтобы хоть немного отстраниться, но он не двинулся. Просто лежал, глядя на меня, и в его пьяном взгляде было что-то такое, что будоражило меня, от чего хотелось свести бёдра, потому что внутри уже начинало пульсировать так сильно, что я едва сдерживала стон.

Мы были пьяны, очень пьяны, настолько пьяны, что все запреты, все границы, все «*нельзя*» и «*не стоит*» казались такими далекими, такими неважными, и я смотрела на его губы, приоткрытые, влажные от вина, и хотела снова их попробовать, хотела почувствовать их вкус.

— Ты такая красивая, — сказал он, и его голос был тихим, хриплым, и он смотрел на мои губы, и я видела, как его зрачки расширены, как в них отражается свет лампы и

мое лицо, и я чувствовала, как его дыхание учащается, как грудь поднимается и опускается быстрее, как его руки, которые лежали вдоль тела, медленно поднимаются, чтобы коснуться меня.

И в этот момент он тихо, почти с надломом сказал:

— Прошу... не отталкивай меня, — и в его голосе было столько мольбы, что у меня внутри всё сжалось.

Я смотрела на его губы, и медленно, почти против воли, наши лица начали приближаться друг к другу, и я замерла в миллиметре от него, чувствуя, как время остановилось, как весь мир сузился до этой точки, до этого мгновения, до этого выбора, который я должна была сделать.

Глава 24.

Марк.

Я не помнил, как мы оказались в спальне, не помнил, кто сделал первый шаг, не помнил, когда её губы нашли мои, потому что всё смешалось в моей пьяной голове ресторан, отель, вино, её смех, глаза, руки, и я перестал понимать, где реальность, а где сон, который снился мне каждую ночь с того самого Нового года, когда она уснула на моём плече.

И если это сон, я не хочу просыпаться. Пусть он длится вечно. Пусть я останусь здесь, в этом пьяном, липком, сладком бреду.

А вина было много, слишком много. Я потерял счёт бокалам после того, как рассказал ей про Эшвуд, и теперь мой мозг плавал в каком-то тёплом, вязком тумане, где мысли появлялись и исчезали, не успевая оформиться до конца. Я не знал, как я ещё стою на ногах, как я ещё могу говорить, как я ещё не рухнул на пол, но когда она смотрела на меня, когда её руки касались моего лица, я чувствовал, что сделаю всё, что она захочет. Отдам ей всё, что у меня есть, просто за то, чтобы она не исчезла, не растаяла, как утренний туман.

Она была в миллиметре от меня, её дыхание касалось моих губ, и этот воздух, смешанный с вином и её запахом, пья-

нил меня сильнее любого алкоголя. Я чувствовал, как мир качается, как комната плывёт, как пол уходит из-под ног, и я сжимал её в своих руках, боясь упасть, боясь отпустить, боясь, что если разомкну объятия, то проснусь в своей кровати, один, с пониманием, что это был всего лишь сон.

— Прошу, не отталкивай меня, — услышал я свой голос, и он был чужим, хриплым, пьяным, я не узнавал себя, не узнавал этого человека, который умоляет, который боится отказа, который готов стоять на коленях, лишь бы она осталась.

Она не ответила словами. Она просто наклонилась, и её губы коснулись моих, сначала робко, неуверенно, как будто она боялась сделать первый шаг, как будто она всё ещё не верила, что это происходит на самом деле. Я ответил медленно, осторожно, не углубляя, не настаивая, давая ей время привыкнуть, давая ей возможность остановиться, если она передумает. Но она не остановилась. Я почувствовал, как её язык касается моих губ, как она открывается мне навстречу, как её руки скользят с моих плеч на шею, пальцами переплетаясь в волосах.

Мир качался, и в голове шумело, я не понимал, где верх, где низ, где я, где она. Я чувствовал только её. Только её губы, её язык, её руки, которые обвили мою шею, притягивая ближе, и я застонал, прижимая её к себе, чувствуя, как её бедра раскрываются, обхватывая меня, и я уже не мог контролировать себя. Не хотел. Не видел смысла.

Потому что в этом сне, в этом пьяном бреду, всё было

позволено. Всё было возможно.

Мои руки уже жили своей собственной жизнью. Они скользили по её спине, по позвоночнику, который я чувствовал через тонкий шёлк платья, по лопаткам, по талии, спускаясь всё ниже, к бёдрам. Я нащупал молнию, дёрнул вниз, и шёлк зашуршал, соскальзывая с её плеч. Платье упало на пол. Мы целовались жадно, отчаянно, как будто боялись, что в любую секунду этот сон закончится. Я чувствовал, как её пальцы вцепились в мои волосы, как она прижимается ко мне всем телом, как её грудь давит на мою грудь, и мне хотелось снять с неё эту проклятую ткань, которая мешала мне чувствовать её кожу. Дрожащими пальцами я расстегнул лифчик и бросил куда-то в сторону. Я смотрел на её грудь, живот, бёдра, и у меня кружилась голова.

Она лежала на спине, её волосы разметались по подушке, и в её глазах я видел желание, страх, доверие. Она попыталась прикрыться руками, закрыть грудь, отвести взгляд, и в её глазах мелькнул стыд — тот самый, который я уже видел в ванной.

— Не закрывайся... блядь, Аврора, не прячься от меня, пожалуйста... — прошептал я хрипло, почти рыча, отводя её руки в стороны и целуя каждый сантиметр кожи, который она пыталась спрятать. — Ты же просто нереальная. Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо касался... ты не представляешь, как сильно я тебя хочу... ты сводишь меня с ума.

Я наклонился и поцеловал её, глубоко, страстно, и одновременно моя рука скользнула к её груди. Я сжал её, чувствуя, как Аврора выгибается, как из её груди вырывается тихий, сдавленный стон, и этот звук отдался прямо в моём паху. Я хотел большего. Хотел чувствовать её вкус. Хотел видеть, как она теряет контроль. Я начал спускаться вниз, целуя её шею, её ключицы, добравшись до её груди. Она застонала громче, её пальцы вцепились в мои волосы, прижимая меня к себе. Я чувствовал, как она извивается подо мной, как её бёдра начинают двигаться, как её дыхание становится всё более хриплым.

Я начал спускаться ниже, целуя её живот, обводя языком пупок, спускаясь к бёдрам. Я чувствовал, как она дрожит и неосознанно раздвигает ноги, как её пальцы сжимают простыни. Я чувствовал запах её возбуждения, такой сладкий, такой пьянящий, что у меня кружилась голова. Мне хотелось большего. Хотелось почувствовать её вкус. Хотелось услышать, как она кричит от удовольствия. Хотелось сделать ей так хорошо, чтобы она забыла обо всём. Чтобы она запомнила только меня.

Я потянул её трусики вниз. Она приподняла бёдра, помогая мне. И когда она осталась полностью обнажённой передо мной, я смотрел на её бёдра, на тёмный треугольник волос, чувствуя, что готов потерять голову прямо сейчас, просто от вида её.

— Блядь, Аврора, — выдохнул я. — Ты такая красивая.

Я не могу... я сейчас сойду с ума просто глядя на тебя.

Раздвинув её бёдра, я наклонился, медленно целуя внутреннюю сторону бедра. Я чувствовал, как она дрожит, приближаясь к центру. Я целовал её там, чувствуя, как она тает. Она шептала моё имя, просила не останавливаться. И я не останавливался. Я чувствовал, как её тело напрягается, как её дыхание сбивается, как её пальцы впиваются в мои волосы. И когда она закричала, я понял, что это самый прекрасный звук, который я когда-либо слышал.

Я отстранился. Она открыла глаза, растерянные, непонимающие. Быстро стянув с себя брюки, я навис над ней, глядя в её глаза. И спросил, хотя знал ответ. Но должен был спросить. Должен был убедиться, что она этого хочет так же сильно, как и я.

— Ты хочешь этого? — спросил я, и мой голос был чужим.

— Да, — выдохнула она.

— Я хочу слышать тебя. Хочу чувствовать, как ты дрожишь... но если тебе будет больно или страшно, скажи, я остановлюсь... я сейчас просто сойду с ума, если не войду в тебя прямо сейчас, — шептал я, поднимаясь обратно и снова целуя её губы.

Я вошёл в неё медленно, чувствуя, как она принимает меня, как она обхватывает меня внутри. У меня вырвался низкий, почти звериный стон, который я не смог сдержать.

Это было лучше, чем я мог себе представить.

Лучше, чем любой сон, любая фантазия.

Я замер, давая ей привыкнуть. Чувствуя, как её дыхание выравнивается, как её руки обвивают мою шею, как её губы ищут мои.

Двигаясь медленно, глубоко, я чувствовал каждый её миллиметр, каждый её вздох, каждую дрожь её бёдер. Я смотрел в её глаза. Хотел видеть, как она чувствует. Хотел видеть, как она тает. И то, что я видел, заставляло меня терять голову.

Она вдруг отвела взгляд, попыталась повернуться. Её бёдра дёрнулись, пытаясь изменить положение. И я замер, чувствуя, как выскальзываю, и чуть не зарычал от разочарования.

— Может, мне повернуться? — спросила она тихо, и в её голосе я услышал неуверенность, старый страх быть некрасивой, неудобной, неправильной.

— Нет... ни в коем случае. Я хочу видеть тебя. Хочу видеть, как ты смотришь на меня, когда я внутри тебя... Аврора, ты самая красивая женщина, которую я когда-либо держал в руках... — сказал я, мои пальцы сжали её бёдра сильнее, удерживая на месте.

Я снова вошёл в неё. Резко, глубоко. Она застонала, и этот стон был громче, откровеннее. Я начал двигаться быстрее, чувствуя, как её тело расслабляется, как она снова отдаётся ритму, как её пальцы впиваются в мои плечи, оставляя следы. Я чувствовал, как напряжение внутри меня достигает предела, как я пульсирую внутри неё, как каждое движение приближает меня к грани.

— Ты чувствуешь меня? Ты такая горячая... не сдерживайся, милая... иди ко мне... я хочу видеть, как ты кричишь моё имя... — прошептал я.

Она закричала. И этот крик был самым прекрасным звуком, который я когда-либо слышал. Красиво, изогнувшись подо мной, она сжала меня внутри себя так туго, что я не выдержал, и потерял контроль. Я последовал за ней. Чувствуя, как она пульсирует вокруг меня, как её стоны переходят в тихие всхлипы. И от этого ощущения у меня в голове всё взорвалось.

Я рычал ей в шею, повторяя её имя снова и снова, чувствуя, как мир начинает кружиться с утроенной силой, как потолок плывёт перед глазами, как тело становится тяжёлым, как свинцовым. Я попытался что-то сказать, попытался удержаться, но слова не приходили.

Я не мог думать.

Ни о чём.

Ни о том, что будет дальше.

Ни о том, что мы не остановились.

Это было слишком далеко. Слишком неважно.

И последнее, что я помнил, это её рука, глядящая моё лицо. И я провалился в темноту, в глубокий, беспамятный сон. И я уже не знал, это сон или явь. И мне было всё равно. Потому что если это сон, я не хочу просыпаться. Если это явь, я не хочу, чтобы она заканчивалась, и последней мыслью было:

Я не жалею.

Важно было только то, что она здесь. Со мной.

И это было, пожалуй, самой большой проблемой из всех возможных.

Глава 25.

Аврора.

Утренний солнечный свет настойчиво бил мне в глаза, и я, даже не открывая их, почувствовала, что что-то не так. Я застонала и попыталась перевернуться на бок, но в этот момент поняла две вещи.

Первая - я голая.

Вторая - рядом со мной лежит кто-то ещё.

Медленно.

Очень медленно.

Я открыла глаза, и сначала не поняла, где нахожусь, потому что все вокруг крутилось как на детской карусели, потолок плыл, стены двигались, а солнечные зайчики плясали по комнате в каком-то безумном, хаотичном танце, и я срочно закрыла глаза, чтобы этот круговорот не добил меня окончательно. Закрыв глаза, я попыталась вспомнить кто я, где я и, самое главное, как я здесь оказалась, потому что последнее, что я более-менее помнила, это как мы с Марком мило сидели на кухне, пили вино, смеялись, он рассказывал какие-то дурацкие истории из своей студенческой жизни, и я смотрела и думала, что если бы он не был моим боссом и если бы он не был почти женат, я бы, наверное, влюбилась в него окон-

чательно и бесповоротно, хотя кто я обманываю, я уже давно влюблена, просто отказывалась себе в этом признаваться.

Я резко замерла.

Повернув голову, я чуть не застонала от досады, потому что реальность оказалась гораздо хуже любых моих страхов - я лежала абсолютно голая, простыни сбились в комок где-то в ногах, и рука моего босса аккуратно, почти нежно лежала на моей груди. Черт! Марк лежал на животе, сверкая голой задницей на утреннем солнце, мама дорогая.

Я зажмурилась.

Надо уходить.

Срочно.

Пока он спит.

Куда уходить, идиотка? Вы живете в одном номере.

Потом воспоминания начали возвращаться, но не сразу.

Рванными кусками.

Обрывки воспоминаний всплывали и тонули в алкогольном тумане, его руки на моей талии, горячие, сильные, вот его губы, а вот дальше началось такое, что я с ужасом распахнула глаза, и голова тут же закружилась с новой силой. Нет, нет, нет, нет это был сладкий сон, это же было не по-настоящему, да? Не могли же мы с ним... я же не могла... он же мой босс, он почти женат, я же обещала себе после истории с Максом, что больше никогда не попаду в эту ловушку, что больше никогда не позволю мужчине заставить меня потерять голову, и вот, пожалуйста, я не то что потеряла голо-

ву, я потеряла все остатки разума, чувство самосохранения и, кажется, свою работу.

И господи...

Я закрыла лицо руками.

Это было слишком хорошо.

Не просто хорошо.

Это было... невероятно.

Это был лучший секс в моей жизни.

И теперь от этих воспоминаний мне хотелось одновременно провалиться сквозь землю от стыда и снова оказаться под ним.

«Ну как можно быть такой идиоткой, Аврора?!» мысленно орала я на себя, потому что знала, что пить вино с ним это плохая идея, знала, что его поцелуи в ресторане уже были опасной гранью, знала, что если позволишь себе ещё хоть немного, то сорвёшься. И всё равно сорвалась. Теперь что? Теперь ты переспала со своим боссом, который почти женат, и даже не использовали презерватив.

Гениально. Просто блестяще.

Я осторожно повернулась и посмотрела на Марка ещё раз.

Он спал хмуро, слегка морщась, будто даже во сне страдал от похмелья, и почему-то это выглядело ужасно... мило.

Нет. Нет, Аврора. Не надо.

Тебе нельзя считать милым голого босса после совместной ночи.

Это путь в психушку.

А вдруг это было просто вино, просто гормоны, просто удобный случай, и для него это ничего не значит, просто еще одна ночь с очередной секретаршей, которых у него, наверное, были сотни, и он уже забыл о ней, даже не проснувшись?

Аккуратно, стараясь не разбудить его, я убрала его руку со своей груди и села на кровати. Всё кружилось и комната, и голова, и мысли. Завернувшись в простыню, я тихонько вышла из спальни и прислонилась спиной к стене, закрыв глаза.

Подойдя к холодильнику, я достала холодную бутылку воды и прислонила её ко лбу, пытаюсь хоть немного остудить разгорячённые щёки и мысли. Надо что-то делать. Надо думать. Он будет задавать вопросы. Много вопросов. На которые у меня нет нормальных ответов.

Точнее есть, но ни один из них не подходит для нормального человеческого разговора.

«Простите, мистер Хейман, я просто хотела проверить, удобно ли вам спать, и случайно заснула, а одежда сама снялась»

Хуже всего будет, если он меня уволит. Лучше всего, если он вообще ничего не помнит.

В голове лихорадочно созрел план по спасению остатков репутации, и я решила, что лучшим выходом будет тотальное отрицание всего случившегося, ведь если Марк действительно ничего не помнит из-за своего признания о непе-

реносимости алкоголя, то я вполне могу убедить его в том, что его эротические фантазии, это лишь плод его же воображения.

Да.

Сделаю вид, что ничего не было.

Идеальный план.

Абсолютно безупречный.

Более-менее приведя себя в порядок, я натянула джинсы и свитер, зачесала волосы в хвост, пытаюсь скрыть тот бардак, который творился у меня на голове после ночи, и смыла остатки туши, которая размазалась по щекам. Я пошла делать нам кофе, потому что это было единственное, что я умела делать, может быть, если я напью его хорошим кофе, он будет думать не о том, почему я голая лежала в его кровати, а о том, как ему повезло с помощницей.

Услышав шум в спальне, я застыла с ложкой в руке. Он проснулся.

Потом тихое:

— Блять...

Я невольно фыркнула. Хотя бы страдаем одинаково.

Послышались шаги. Я слышала, как он прошёл в ванную, молча, и от этого молчания внутри меня всё сжалось ещё сильнее.

Шум воды в ванной.

Я нервно размешивала сахар в чашке, прокручивая в голове варианты разговора.

«Доброе утро, мы вчера переспали».

Нет.

«Давайте сделаем вид, что ничего не было».

Ещё хуже.

«Увольте меня сразу, чтобы не мучиться».

Очень заманчиво.

Я нервно размешивала сахар, повторяя себе, что всё хорошо.

Всё. Хорошо. Тебя не уволят за секс с боссом. Наверное.

Да и вообще, это он начал.

Все эти поцелуи. Этот его *“не отталкивай меня”*.

Ну кто бы устоял.

— Идиотка, — зло пробормотала я, бросая ложку в раковину.

— Доброе утро, Аврора, — слышалось за спиной.

Я вздрогнула так резко, что чуть не уронила чашку.

Медленно повернувшись, я тут же пожалела об этом. Марк наконец вышел в гостиную, прикрытый лишь парой полотенец и выглядящий настолько возмутительно сексуально даже с похмелья, что мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

Ненавижу богатых мужчин.

Это несправедливо.

В голове снова вспыхнули обрывки: его влажное от пота тело, руки...

Я резко отвернулась.

— Мистер Хейман, вам стоит одеться. Кофе уже готов,
— сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как будто между нами не было ничего.

— Мы снова на «вы»... — произнёс он, и в его голосе скользнуло не раздражение, а... разочарование.

— Угу, — выдавила я, не глядя на него.

Он сел за стол, взял чашку, и несколько секунд просто молчал, держась за голову, и я почти почувствовала к нему сочувствием почти, потому что моя собственная голова в этот момент чувствовала примерно тем же самым.

— Голова раскалывается, — сообщил он наконец. — Аврора, может быть, вы знаете, почему я проснулся в вашей кровати голым?

Вот оно.

Вот и началось, держись, Аврора, ты репетировала, ты готова, лицо спокойное, голос ровный, ты провела ночь на диване и тебе не о чем беспокоиться.

— Ну... вы вчера выпили лишнего и решили повторить студенческий дебют, — сказала я, стараясь держать лицо.

Он приподнял бровь.

— И?

— Я героически спасла вас от позора до того, как вы успели выбежать в коридор сверкая своими... — я неопределённо махнула рукой в сторону полотенца.

Он медленно кивнул.

— И всё? — спросил он, внимательно глядя на меня.

Я чувствовала этот взгляд буквально кожей.

Он либо догадывался. Либо всё помнил. Либо играл вместе со мной.

И последний вариант почему-то пугал сильнее всего.

— И всё, — сказала я, пытаюсь придать своему голосу как можно больше уверенности, хотя внутри меня все дрожало, и я чувствовала, что еще немного, и я сорвусь, и расскажу ему все, и расплачусь, и сделаю что-нибудь такое, о чем потом буду жалеть еще больше, чем о вчерашней ночи, и я сжала кулаки под столом так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя следы.

— Как благородно с твоей стороны, — с усмешкой сказал босс.

— Да, я вообще человек высокой морали.

Он тихо рассмеялся.

— Хорошо... Спасибо за помощь, Аврора, — сказал он задумчиво, и его взгляд скользнул по мне, такой пристальный, такой изучающий, такой тяжелый, что мне показалось, он видит меня насквозь.

— Я отлично выспался этой ночью, кстати. Лучше, чем за всю жизнь. Наверное, ваша кровать удобнее, чем моя. — сказал Марк, медленно потягиваясь, словно ленивый кот.

Отлично выспался? Ты шутишь?

Моё лицо вспыхнуло моментально.

Он помнил. Хотя бы частично. Но точно помнил.

И судя по его взгляду, он помнил гораздо больше, чем го-

ворил.

Я быстро отвернулась к кофемашине, делая вид, что страшно занята сахаром, и ответила как можно беспечнее:

— Наверное, всё дело в кроватях. — скептически сказала я.

— Скорее всего... а может, дело в том, кто на них спит... — сказал он, и смотрел на меня, так пристально, так долго, так пронзительно, что я чуть не сдалась, чуть не сказала: *«Слушай, я все помню, и это было ахуенно, и я не знаю, что теперь делать, и мне страшно, и мне стыдно, и я не хочу, чтобы ты уходил, и я не хочу, чтобы ты оставался, и я вообще не знаю, чего я хочу».*

Он взял чашку кофе, сделал глоток и, не сказав больше ни слова, ушёл в спальню одеваться, оставив меня одну с бешено колотящимся сердцем. Я взяла свою чашку и сделала глоток кофе, обжигаясь, и этот обжигающий вкус вернул меня в реальность, через несколько часов мы сядем в самолет и улетим в Нордхавен, и он пойдет к своей невесте, а я пойду в свою пустую квартиру, и мы будем делать вид, что ничего не было...

Глава 26.

Аврора.

После того странного утреннего разговора, я полностью ушла в себя, закрылась в своем внутреннем мире, как улитка в раковину, пытаюсь разобраться с тем, что между нами произошло, и чем это теперь для нас обернется, но чем больше я думала, тем меньше понимала, а в голове крутилась одна и та же карусель из стыда, страха, смутного удовольствия и полного непонимания того, что делать дальше.

Казалось, Марка это вообще не волновало, потому что он сидел рядом и выглядел до невозможности спокойно. Он привычно натянул свой идеальный костюм, застегнул часы, проверил телефон и снова стал тем самым генеральным директором Марком Хейманом, которого я знала последние месяцы. Словно никакой ночи не было. Словно я не проснулась сегодня голой в его объятиях, и я смотрела на него и чувствовала себя такой маленькой, такой никчемной, такой забытой, что хотелось плакать.

Сидит. Печатает что-то в телефоне. Хмурится.

Наверное отвечает на рабочие письма.

Ну конечно.

Кто-то после секса с собственным боссом переживает

нервный срыв, а кто-то составляет квартальный отчет.

Но один момент все еще не давал мне покоя. Беременность. Боже мой, я же могла забеременеть. Я не помнила, был ли презерватив, я не помнила ничего, и теперь мое воображение рисовало самые страшные картины: положительный тест, растущий живот, Марк, который смотрит на меня с ужасом и говорит, что это не его, или, что еще хуже, что это его, но он женится на Элеоноре, а я останусь одна с ребенком, которого никогда не планировала, которого не хотела, который появился на свет из-за одной глупой, пьяной ночи с человеком, для которого я, скорее всего, всего лишь удобная и доступная секретарша.

И вот тут началось самое страшное.

Никогда не ищите симптомы чего-либо в интернете.

Никогда.

Потому что через пять минут поиска у меня уже были признаки беременности, нервного расстройства, обезвоживания, раннего климакса и, кажется, чумы.

Я нервно листала страницы одну за другой.

"Что делать после незащищенного полового контакта?"

"Через сколько появляются симптомы беременности?"

Внезапно, после череды пугающих статей и форумов, гугл выдал мне то, что я искала: оказывается, существует препарат экстренной контрацепции, спасительная таблетка, которую нужно принять в течение семидесяти двух часов после... ну, вы поняли после чего, и чем раньше, тем лучше.

Нет, я не против детей как таковых... когда-нибудь, в теории, при правильных обстоятельствах, с правильным человеком, когда у меня будет нормальная работа, и нормальные отношения, построенные не на пьяной ночи, а на глубоком чувстве любви, но то, что было прошлой ночью, вряд ли можно было назвать актом глубокой любви.

Пьяный, страстный, безумный перепихон? Да.

Но любовь... по крайней мере для Марка это точно было чем-то обыденным, раз он так легко, так спокойно принял на веру мои слова, что ничего не было, и даже не пытался копать глубже, не задавал вопросов, не сомневался, просто поверил.

Или не поверил, а сделал вид, что поверил? Я уже ничего не понимала, но сейчас это было не важно, важно было только одно, успеть, выпить эту таблетку, пока не поздно.

Я стиснула телефон в руке и посмотрела в окно, и увидела вывеску аптеки, совершенно обычная аптека на обычной улице, и я приняла решение за долю секунды:

— Мистер Хейман, мне надо в аптеку, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и убедительно, хотя на самом деле он предательски дрожал, и я боялась, что он это заметит.

Он отложил телефон и посмотрел на меня с таким выражением, от которого у меня внутри все перевернулось, в его взгляде мелькнуло что-то вроде беспокойства, но я не была уверена, потому что с этим человеком никогда нельзя было

понять, что у него на уме, его лицо было как непроницаемая маска, за которой могло скрываться что угодно, от искренней заботы до простого любопытства.

— В аптеку? Что-то случилось? Тебе плохо? — переспросил он, и в его голосе появилась легкая, едва уловимая тревога.

Он снова перешёл на «ты»... Чёрт.

— Эм... ну, немного, — соврала я, стараясь выглядеть как можно более убедительно. — Хотела купить средство от похмелья. Впереди ещё долгий перелёт, не хотелось бы неприятностей. Понимаете, о чём я?

Марк молча кивнул, его взгляд скользнул по моему лицу, изучающий, тяжёлый, и я почувствовала, как краска заливает щеки, потому что мне показалось, что он видит меня насквозь.

Такси затормозило у аптеки, я схватила сумочку и выскочила наружу, надеясь, что он останется в машине, но босс, как всегда, вставил свои пять копеек и вышел следом за мной.

— А вам... тоже в аптеку? — спросила я растерянным голосом, потому что в моём идеальном плане я забегала в аптеку одна, быстро покупала таблетку, выпивала её и возвращалась, как ни в чём не бывало. Но Марк Хейман, как всегда, не был осведомлён о моих планах и не считал нужным им следовать.

— Да, ночь и правда была тяжёлой, — сказал он, и в его

голосе прозвучала лёгкая усмешка. — Пожалуй, мне тоже надо взять что-то для комфортного полёта.

Приехали.

Я секунду смотрела на него, потом обречённо толкнула дверь аптеки, и подошла к прилавку, чувствуя, как Марк останавливается чуть позади.

— Добрый день, чем могу помочь? — спросила аптекарь.

— Эээ, — начала я, — мне нужен... «Эскапел», пожалуйста, — выдала я наконец, вспомнив, — И стакан воды, если можно, — добавила я, и мельком взглянув на Марка, который почему-то подозрительно смотрел на меня.

— Сейчас, минуту, — сказала аптекарь и пошла за таблетками.

Я от смущения покраснела, наверное, до кончиков пальцев на ногах и стыдливо опустила голову, рассматривая пол, потому что чувствовала на себе его взгляд, и это было невыносимо. В голове крутились самые страшные мысли: *А вдруг он в курсе, для чего эти таблетки? Вдруг он сейчас скажет что-то?*

— Пожалуйста, ваша таблетка и вода, — сказала женщина, протягивая мне блистер и одноразовый стаканчик.

Я быстро, не глядя на Марка, выдавила таблетку, запила водой и почувствовала, как напряжение последних двух часов медленно отпускает меня.

Аптекарь обратилась к Марку:

— Чем могу помочь вам?

— А мне, пожалуйста, тоже самое, что и девушке, — сказал он спокойно.

Я чуть не поперхнулась только что выпитой таблеткой.
Что?

Я медленно перевела взгляд на Марка.

Он стоял рядом с кассой совершенно невозмутимый, и в этот момент я впервые за утро искренне усомнилась в его интеллектуальных способностях.

Нет, серьезно.

Я всегда считала Марка человеком умным, расчетливым и опасно наблюдательным. Тем самым мужчиной, который замечает ошибку в договоре на сто страниц быстрее, чем я нахожу кнопку выключения на новом телефоне.

Может быть, алкоголь все-таки убил часть его мозга?

Марк был спокоен как никогда, его лицо выражало полное, абсолютное безразличие, и в этом спокойствии было два варианта: либо он играл в какую-то свою странную, многоходовую игру, где я пешка, которую можно подтолкнуть к нужной реакции, либо... он действительно понятия не имел, для чего эта таблетка.

Тишину прервала аптекарь.

— Вы уверены? — осторожно уточнила она.

Марк, не моргнув, ответил с лёгкой усмешкой:

— Ну да. Не только же девушке мучиться от похмелья, — указал на меня, как будто мы оба только что перебрали вина и теперь дружно лечимся от последствий.

Аптекарь и я переглянулись, она с сомнением, я с растущим ужасом. Потому что в этот момент я поняла: *он не знает*. Он правда думает, что это средство от похмелья.

— Не думаю, что средство экстренной контрацепции поможет вам от похмелья, — с сомнением в голосе сказала аптекарь.

Время остановилось.

Марк резко остановился, глаза, которые только что были спокойными и безразличными, наполнились таким искренним, таким неподдельным удивлением.

— Экстренной чего? — спросил он, и в его голосе не было ни наигранности, ни актерства, только чистое, детское недоумение.

— Контрацепции, — спокойно повторила аптекарь, переводя взгляд с меня на него и обратно, кажется, даже ей стало интересно дальнейшее развитие событий.

— Пьются, когда у женщины был незащищённый половой акт, для предотвращения беременности... — любезно пояснила аптекарь.

Спасибо. Огромное спасибо.

Я прикрыла лицо рукой, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда и паники, потому что теперь всё стало предельно ясно, и мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть или хотя бы стать невидимой. Марк медленно повернулся ко мне, и в его глазах было такое недоумение, смешанное с чем-то ещё, что я почти рассмеялась от нервов.

— Аврора? — Марк повернулся ко мне, и в его голосе было столько недоумения.

— Нам пора. — Не дав ему сказать больше, я резко схватила его за руку, и буквально потащила его к выходу. Босс не сопротивлялся, просто шёл за мной, как загипнотизированный.

Мы молча сели в автомобиль, и я, не глядя на него, надела наушники, засунула их в уши так глубоко, как только могла, включила музыку на полную громкость, хотя на самом деле не слышала ни одной ноты, потому что в голове шумела паника, и отвернулась к окну, наблюдая, как мимо проплывают улицы Комореби, и чувствовала, как слезы подступают к глазам, но я не плакала, я не могла позволить себе плакать, потому что если бы я начала, то уже не смогла бы остановиться.

Марк же всю поездку смотрел на меня не отрываясь, я чувствовала его взгляд на своем затылке, на своей шее, на своем плече, этот тяжелый, изучающий взгляд, который требовал ответа, но он ничего не сказал, ни одного слова не произнес за всю дорогу до аэропорта, и это молчание было хуже любых вопросов, потому что в этом молчании было столько всего, но он не спрашивал, он ждал, и я не знала, что хуже, если бы он начал допрос прямо сейчас в такси или если бы он продолжал смотреть на меня так всю оставшуюся дорогу, не говоря ни слова, наверное, это самый длинный путь в моей жизни, и когда мы приземлимся в Нордхавене, мне при-

дется смотреть ему в глаза и что-то объяснять, а у меня не было объяснений, у меня была только одна глупая, пьяная, прекрасная ночь, о которой я теперь, наверное, буду жалеть всю оставшуюся жизнь, потому что эта ночь разрушила все, и мою работу, и наши отношения, и мое душевное спокойствие, оставив после себя только этот липкий, всепоглощающий стыд, который, казалось, никогда не пройдет.

Глава 27.

Марк.

Сидя в кресле самолета и наблюдая через иллюминатор, как под крылом медленно плывут бесконечные белые облака, я впервые за очень долгое время не мог заставить себя думать о работе. Обычно я мог готовить сделки в аэропортах, подписывать документы в машине, проводить переговоры во время перелетов и просчитывать риски даже после бессонной ночи.

Но сейчас, я совершенно не мог сосредоточиться на работе, хотя именно работа должна была занимать сейчас все мои мысли, потому что поездка закончилась даже лучше, чем я рассчитывал, Киоши дал согласие поддержать наш проект на тендере, а это означало практически гарантированную победу, означало новые возможности для компании, означало довольного отца и несколько месяцев спокойной жизни без бесконечных разборов полетов на совете директоров, только почему-то вместо цифр, контрактов и будущих встреч в голове снова и снова возникало лицо Авроры.

Наверное, если бы неделю назад кто-нибудь сказал мне, что результат важнейшей командировки за последние месяцы отойдет на второй план из-за одной женщины, я бы толь-

ко усмехнулся, я и представить не мог, чем закончится эта командировка.

Нет, конечно, определенные ожидания у меня были, я не святой, я понимал, что еду в Комореби с женщиной, которая сводит меня с ума уже несколько месяцев, что мы будем в одном номере, что рано или поздно что-то может случиться, но такого исхода я не мог предположить.

Я закрыл глаза и потер переносицу, пытаюсь собрать мысли воедино.

Прошлая ночь вспоминалась обрывками. Алкоголь стер многие детали, оставив лишь ощущения, но я помнил достаточно. И черт возьми, если быть до конца честным с самим собой, это действительно была лучшая ночь в моей жизни. Не потому что секс оказался каким-то особенным. Не потому что я никогда раньше не был с женщинами. Причина заключалась в другом, впервые за очень долгое время рядом со мной находился человек, которого я действительно хотел видеть рядом утром. Я хотел проснуться и увидеть именно Аврору.

И проснулся.

Вот только реакция Авроры оказалась совсем не такой, какую я ожидал. Утром она выглядела так, словно готовилась сбежать через окно двадцатого этажа.

Я не был дураком.

Я никогда не был дураком, и именно поэтому, когда утром она посмотрела на меня своими слишком спокойны-

ми, слишком ровными глазами и сказала про диван и про то, что уложила меня спать, я понял, что она не готова, что она боится, что ей нужно время, и я согласился принять правила ее игры, потому что если ей было так нужно, если это помогало ей справиться с тем, что произошло, я мог подождать, я мог сделать вид, что поверил, я мог дать ей эту иллюзию контроля над ситуацией, но ни одна ложь не сотрет этого из моей памяти, не сделает это менее реальным.

И если Авроре нужно время, чтобы прийти в себя, чтобы осмыслить все, что произошло, чтобы решить, что она хочет от этой жизни и от меня, я дам ей это время, недолго, но дам, потому что я не хочу ее потерять, не хочу, чтобы она сбежала, закрылась, уволилась и исчезла из моей жизни.

Потом была аптека...

Я медленно выдохнул.

Аптека никак не выходила у меня из головы.

Я действительно не знал ничего о такой таблетке, я никогда не интересовался женской контрацепцией, потому что до Авроры у меня не было ситуаций, когда нужно было об этом думать, и когда аптекарь сказала, что это за лекарство, я почувствовал, как внутри меня что-то оборвалось.

Сначала ситуация показалась просто странной. Потом я начал анализировать, и чем больше анализировал, тем меньше мне нравились выводы, потому что я действительно не помнил, использовал ли защиту. В памяти оставалась куча других деталей, а вот этот момент почему-то отсутствовал

полностью, и чем больше я пытался вспомнить, тем сильнее убеждался в том, что вспоминать просто нечего.

Кажется, никакой защиты действительно не было.

Я снова посмотрел на Аврору, она сидела неподвижно и смотрела в окно, и тогда в голову полезли вопросы, на которые у меня не было ответов.

Она испугалась беременности? Логично. Любая девушка на ее месте испугалась бы.

Она не готова к детям? Тоже логично.

Я и сам не планировал становиться отцом в ближайшие месяцы, только проблема заключалась в том, что ее реакция выглядела намного сильнее обычного испуга. Она бросилась искать решение раньше, чем попыталась поговорить со мной, она приняла решение сама.

Мгновенно. Без единой попытки узнать мое мнение.

И именно это почему-то задевало меня сильнее всего, хотя я прекрасно понимал, что ее тело принадлежит только ей и окончательное решение всегда остается за ней, только внутри все равно сидело неприятное ощущение, от которого никак не получалось избавиться, потому что выглядело все так, словно она даже не рассматривала возможность поговорить со мной.

Словно я был случайным мужчиной из бара, имя которого она не запомнила.

Я нахмурился и отвернулся к окну.

А потом появилась еще одна мысль, намного хуже преды-

дущей.

Что если дело не в беременности?

Что если проблема во мне?

Что если она не хочет ребенка именно от меня?

Я невольно усмехнулся собственным рассуждениям.

Тридцатитрехлетний генеральный директор крупной компании сидел сейчас в бизнес-классе и занимался тем же самым, чем обычно занимаются влюбленные подростки.

Искал скрытый смысл там, где его могло вовсе не быть.

Только избавиться от этой мысли не получалось, потому что для меня произошедшее не было ошибкой, для меня эта ночь ничего не испортила.

Наоборот.

Я чувствовал себя счастливее, чем за последние несколько лет. Именно поэтому реакция Авроры оставляла после себя неприятный осадок, словно мы проснулись после одной и той же ночи в совершенно разных реальностях.

В самолете, когда мы наконец устроились в креслах бизнес-класса, и стюардесса разнесла шампанское, к которому я даже не притронулся, потому что мой организм после вчерашнего требовал перерыва, я сидел и смотрел на Аврору, на ее профиль, на ее ресницы, которые дрожали, когда она закрывала глаза, на ее губы, которые она покусывала в нервном напряжении, и я понял, что больше не могу молчать, что мне нужно что-то сказать, хотя бы попытаться пробить эту

стену, которую она возвела между нами. Я осторожно, стараясь не напугать ее, положил свою руку на ее ладонь.

— Аврора... — начал я, осторожно кладя ладонь на её руку.

Она вздрогнула, резко выдернула руку и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, полными паники.

Я почувствовал, как внутри все неприятно сжалось.

Она даже не попыталась скрыть, что боится этого разговора.

— Марк, не нужно... Все, что произошло... — начала она, и я услышал, как ее голос дрожит, как она пытается подобрать слова, но я не дал ей закончить, потому что боялся, боялся услышать, что эта ночь была ошибкой, что она не хотела этого, что она жалеет, что она вообще собирается уволиться и исчезнуть из моей жизни, и я не мог этого допустить, не мог позволить ей уйти, не мог отпустить ее, потому что понимал, как сильно она мне нужна, как сильно я хочу, чтобы она осталась.

— Аврора... дай мне время, хорошо? — сказал я, глядя ей прямо в глаза, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мне нужно закончить все дела по этой поездке, разобраться с работой и привести мысли в порядок, но обещаю, мы вернёмся к этому вопросу и всё обсудим, как взрослые люди. Хорошо?

Она кивнула, не говоря ни слова, и попыталась отвернуться к окну.

Но я не отступил.

— И еще... — добавил я тише. — То, что произошло в аптеке... я не собираюсь спрашивать, почему ты приняла такое решение, потому что это твое право и я уважаю его, только если когда-нибудь возникнет ситуация, которая касается нас обоих, просто поговори со мной сначала, хорошо?

Она снова кивнула, шмыгнула носом, быстро надела наушники и закрыла глаза, будто пытаясь спрятаться от меня, от себя, от всего, что между нами случилось. Через несколько минут ее дыхание стало ровнее, и кажется, она действительно уснула.

А я еще долго сидел рядом и смотрел на облака, понимая, что впервые за много лет совершенно не представляю, как правильно поступить дальше, потому что любые переговоры, сделки и кризисы выглядели до смешного простыми по сравнению с одной маленькой девушкой, которая сейчас спала в соседнем кресле и умудрялась занимать все мои мысли без остатка.

Глава 28.

Марк.

После разговора в самолете мы больше не возвращались к теме того, что произошло между нами в Комореби, словно оба негласно согласились временно оставить эту историю в покое, спрятать ее в дальний ящик и сделать вид, будто существуют вещи важнее, хотя лично я думал об этом почти всю дорогу до Нордхавена.

Когда самолет приземлился, я помог Авроре забрать чемодан, вызвал ей такси до дома, пожелал хорошего вечера и проводил взглядом машину, которая медленно скрылась за поворотом, после чего еще несколько секунд стоял возле терминала, глядя ей вслед и понимая, что впервые за долгое время совершенно не хочу возвращаться к своей прежней жизни. Пока такси скользило по вечерним улицам Нордхавена, я смотрел на огни города и думал о том, как же глупо, как же по-идиотски я все устроил — никаких обсуждений, никаких выяснений отношений, никаких планов на то, что будет дальше, только полная и тотальная неизвестность.

По дороге домой я понял, что больше не могу откладывать то, что давно назревало, и вопрос, который я так долго отодвигал в самый дальний угол сознания, теперь требовал

немедленного решения, потому что я знал: пока я не разберусь с прошлым, у меня нет права строить будущее. *И это прошлое имело определенное имя.*

Зайдя домой, я положил вещи, принял душ и снова вызвал такси.

Сев в машину, я назвал водителю адрес, который уже несколько месяцев откладывал в своей голове.

Адрес Элеоноры.

Я не виделся с ней с того самого момента, когда она застала Аврору в моем доме в новогоднее утро, и с тех пор прошло больше трех месяцев, и все это время она писала мне, звонила, оставляла сообщения, полные то нежности, то упреков, то требований, но я не отвечал, потому что не знал, что сказать, не был готов, не понимал до конца, что происходит в моей голове, и я чувствовал себя последним мудаком, когда смотрел на ее пропущенные вызовы и не нажимал на кнопку ответа.

Но теперь... Теперь отступить я уже не собирался. Теперь я точно знал, чего хочу, и Нора в этой картине не появлялась ни в каком варианте, и тянуть дальше было бессмысленно и нечестно по отношению к ней, при всём том, что я о ней думал.

Всю дорогу я смотрел в окно и думал о том, что этот разговор должен был состояться гораздо раньше, потому что наши отношения уже давно превратились в красивую декорацию, которую мы оба продолжали поддерживать исключительно

по привычке, ради статуса, удобства и общественного мнения.

Когда-то мне казалось, что этого достаточно.

Когда-то мне казалось, что любовь вообще переоценена.

Когда-то мне казалось, что взрослые люди могут построить крепкий союз на взаимной выгоде.

Потом в моей жизни появилась Аврора.

И вся эта стройная теория начала трещать по швам.

Я невольно усмехнулся.

Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что причиной моего расставания с невестой станет рыжая девчонка, которая постоянно спорит со мной, опаздывает на работу, забывает документы в принтере и способна довести меня до головной боли за десять минут, я бы рассмеялся этому человеку в лицо.

Теперь было уже не смешно.

Когда дверь квартиры открылась, я сразу понял, что Эленора восприняла мой звонок совершенно не так, как следовало.

Она стояла на пороге в откровенном красном белье, с распущенными волосами, с помадой, которую явно только что подправила.

— Милый, я уже начала думать, что ты сбежал в монастырь. — протянула она, обвивая руками мою шею, ее тело прижалось к моему, и я почувствовал запах ее духов, тяжелых, сладких, таких знакомых и таких чужих одновременно,

и во мне не шевельнулось ничего, ни желания, ни тепла, ни даже простой человеческой благодарности за то, что она так старается, так ждет меня, так хочет быть со мной.

Я молча убрал ее руки с шеи, она замерла, но не сказала ничего, я прошел в гостиную, где на столе стояло вино, горели свечи, были расставлены тарелки с деликатесами, и эта картина уютного, романтического вечера вызвала во мне только острое, почти физическое чувство вины и одновременно облегчения от того, что все это скоро закончится, что я больше не должен буду притворяться, что я счастлив рядом с этой женщиной, что я хочу ее, и что мы созданы друг для друга.

— Нам надо поговорить, — сказал я, смотря на расставленные на столе бокалы вина

Элеонора внимательно наблюдала за мной, пока я осматривал комнату.

— Как официально звучит, ну давай поговорим, — усмехнулась она. — Как прошла твоя командировка? — спросила она язвительно, скрестив руки на груди.

— Отлично, — сказал я, взял бокал, покрутил его в руках, поставил обратно, потому что вино было сейчас последним, что мне было нужно, и решил, что тянуть нет смысла, что каждая лишняя минута только делает это тяжелее для нас обоих.

Я вздохнул.

— Я приехал не просто так, Нора, не буду тянуть, нам надо

расстаться, помолвка отменяется. — я серьезно посмотрел на уже бывшую невесту..

Ее улыбка медленно исчезла, а в комнате резко стало тихо. Несколько секунд Элеонора просто смотрела на меня.

— Хорошая шутка, Хейман, — сказала она недоверчиво. Я молчал.

Улыбка исчезла окончательно, она несколько секунд моргала, словно пыталась осознать услышанное.

— Не переживай, я дам щедрые отступные, ты покроешь все расходы на подготовку к свадьбе, и еще останется. Ты не останешься в убытке. — сказал я, стараясь сохранять спокойствие

— Да какие к черту расходы?! — она схватила со стола салфетку и скомкала ее в руке. — Ты там что, саке перепил в своем Комореби? С ума сошел? Мы с тобой помолвлены, Марк, наши отцы дружат, наши семьи связаны, ты не можешь просто так взять и...

Потом резко выпрямилась.

— Или... подожди... всё дело в ней?! Да?! — она произнесла это тихо, почти шепотом.

Я промолчал.

Этого оказалось достаточно.

Нора начала ходить по комнате.

— Теперь многое становится на свои места, телефонные звонки без ответа. Твои исчезновения. Вечные командировки... — прошептала она, медленно подходя ко мне вплотную.

— Ты спал с ней? — Нора вдруг резко остановилась, и посмотрела прямо мне в глаза, — Между вами было что-то, да? Не ври мне, Марк, я вижу по твоим глазам. — начала допытывать меня Элеонора.

— Это не имеет значения, — сказал я, и почувствовал, как внутри что-то напрягается, потому что я не хотел втягивать Аврору сюда.

Она смотрела на меня несколько секунд, потом ее лицо изменилось.

— Значит спал. — она медленно кивнула сама себе, и рас- смеялась.

— Ты трахался со своей секретаршей, Хейман! Ты слы- шишь вообще себя? С какой-то секретаршей, которая при- носит тебе кофе и раскладывает бумажки! — кричала она, и от этих слов во мне вспыхнула настоящая злость, потому что она не имела права так говорить.

Я резко поднял голову.

— Следи за языком. — сказал я, и голос мой был жёстче, чем я планировал.

— А что такое? — Нора подошла ближе, — Тебе непри- ятно это слышать? — спросила Нора, и в её голосе прозвучало презрение.

— Мне неприятно слышать, как ты говоришь о ней. — ответил я спокойно.

— О ней?! Ты сейчас серьезно защищаешь любовницу?! — она буквально задохнулась от возмущения.

Это слово ударило сильнее, чем я ожидал.

Любовница.

Словно речь шла о какой-то интрижке, о каком-то случайном развлечении, о чем-то грязном.

Я медленно выдохнул.

— Какая разница, с кем я спал, Нора? — сказал я, и в моём голосе впервые прозвучала усталость, — Наши отношения уже давно себя изжили, ты это знаешь не хуже меня. Я думаю, ты легко найдешь себе новую жертву, нового богатенького мальчика, который будет водить тебя по ресторанам и покупать бриллианты, — сказал я и направился к выходу.

— Ты ещё пожалеешь об этом, Марк! — крикнула она мне вслед.

Я устало усмехнулся. И вышел.

Уже сидя в машине, я впервые за весь вечер почувствовал облегчение, и несколько минут просто сидел, глядя прямо перед собой.

Одна проблема решена, грубее, чем хотелось бы, но решена, и теперь между мной и тем, чего я хотел, стояло только время, которое я сам себе пообещал дать, и я собирался его держать, потому что Аврора заслуживала этого времени, заслуживала прийти в себя и разобраться в том, что она чувствует, без давления с моей стороны.

Я даже не подозревал, что в этот самый момент Элеонора, оставшись одна в квартире, дрожащими от злости руками уже тянется к телефону.

И что имя, которое она собирается набрать первым, принадлежит человеку, которого я ненавижу почти так же сильно, как он ненавидит меня.

Максу.

Глава 29.

Марк.

Все выходные я думал, и это были самые долгие, самые мучительные выходные в моей жизни, потому что мои мысли бесконечно возвращались к одному и тому же - к Авроре, к тому, что я скажу ей, когда мы встретимся, как объясню ей, что я разорвал помолвку, что между нами больше ничего не стоит, что я хочу быть с ней и готов ждать столько, сколько она скажет, и что эта ночь в Комореби была для меня не просто ошибкой, не просто случайностью, а началом чего-то нового, настоящего, такого, чего я никогда не чувствовал ни с одной женщиной, и от этих мыслей у меня внутри все переворачивалось, и я не мог ни есть, ни спать, ни работать, я просто ждал понедельника, ждал того момента, когда смогу войти в офис, увидеть ее, взять ее за руку и наконец-то сказать все, что накопилось в моей душе за эти месяцы.

Утром я приехал в офис намного раньше обычного.

Знакомое стеклянное здание встречало меня привычной суетой сотрудников, запахом свежего кофе и тихими разговорами, доносившимися из коридоров, и впервые за долгое время мне хотелось улыбаться каждому встречному, потому что внутри поселилось ощущение, будто впереди начинается

совершенно новая глава моей жизни.

Я быстрым шагом поднялся на свой этаж и открыл дверь приемной.

Аврора стояла возле стойки ресепшена, раскладывая какие-то документы по папкам, и выглядела настолько сосредоточенной, что даже не заметила, как я вошел.

Подойдя к ней вплотную, я обнял за талию и прижался губами к её уху, вдыхая знакомый запах её волос.

— Доброе утро, Аврора, — прошептал я, чувствуя, как она замерла в моих руках.

Она слегка напряглась, пытаясь освободиться, и прошептала растерянно:

— Мистер Хейман... нас... вас... могут увидеть и... — говорила Аврора, но я только сильнее сжал ее ягодицы, притягивая еще ближе, чувствуя, как мои пальцы утопают в мягкой ткани ее юбки, как ее тело прижимается ко мне, и между нами не остается ни миллиметра пространства.

Я улыбнулся.

— Плевать, — сказал я, и это было правдой, абсолютной и неожиданной для меня самого правдой.

— Что? — она подняла на меня испуганный взгляд.

— Плевать. Пусть смотрят, — повторил я уже спокойнее, чувствуя, как внутри становится удивительно легко. Мне впервые совершенно все равно, кто что подумает.

— Аврора, я долго думал и... — сказал я, сильнее сжимая её за талию и слегка касаясь губами мочки уха.

Телефон приемной резко зазвонил.

Я прикрыл глаза.

Конечно. Именно сейчас, — подумал я, чувствуя как внутри нарастает раздражение на этот чертов телефон, на эту работу, на весь мир, который постоянно вмешивается в наши отношения, не давая нам ни минуты покоя.

— Простите... — Аврора виновато улыбнулась.

Она осторожно высвободилась из моих рук и практически убежала к телефону, а я только усмехнулся, наблюдая, как она пытается привести себя в порядок, прежде чем поднять трубку.

— Доброе утро... да... конечно... — несколько секунд она внимательно слушала собеседника.

— Я поняла... хорошо, Шейла... обязательно передам... спасибо, — сказала Аврора и положила трубку, всё ещё краснея. — Вас уже ждут в переговорной.

— Что-то рановато, — пробормотал я, взглянув на часы. — До встречи с акционерами ещё полчаса. Ладно... Может, отец хочет обсудить что-то наедине.

Я снова подошел к ней.

— Мистер Хейман... — прошептала Аврора, будто заранее знала, что я собираюсь сделать.

— Марк. — поправил я.

Она опустила глаза.

Я снова притянул её к себе, коснулся пальцами её щеки и заставил посмотреть на меня.

— Когда я вернусь, мы наконец закончим тот разговор, который начали еще в самолете. — сказал я, проводя пальцами по её скуле, чувствуя, как дрожит её кожа под моими кончиками.

Она молчала.

Я видел, как быстро бьется жилка на ее шее.

— У меня для тебя есть новость. И закажи столик на шесть вечера в ресторане, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Какой повод? — спросила она смущенно, поднимая на меня глаза.

— Скоро узнаешь, — ответил я и прежде чем она успела что-либо ответить, я коснулся своими губами ее губ, задержав поцелуй всего на короткое мгновение, и с огромным трудом заставил себя сделать шаг назад. — Я скоро.

— Буду ждать, — почти шепотом ответила она.

Эти два слова сопровождали меня всю дорогу по длинному коридору.

Я уже внутренне представлял, как все будет происходить, как я быстро, не теряя времени, расскажу отцу и акционерам об успехах контракта, о том, что Киоши готов подписать все документы, что тендер будет наш, что мы сделали невозможное и заслужили эту победу, и я уже видел одобрительные кивки отца, я уже мысленно прокручивал, как после совещания закрою дверь своего кабинета, останусь наедине с Авророй, и расскажу ей, что я чувствую, как сильно она мне

нужна, как я хочу быть с ней, как я готов на все, лишь бы она дала мне шанс, как мы идем на ужин, и как я приглашаю ее к себе, и как мы проводим ночь вместе, и как просыпаемся утром, и все становится правильно, наконец-то правильно, как должно быть.

Я толкнул дверь переговорной. Улыбка исчезла с моего лица в ту же секунду.

За длинным столом сидел только один человек. И это был не отец.

Макс.

Он лениво крутил что-то между пальцами, медленно поднимал на меня взгляд и широко улыбнулся.

— Ну привет, братец... — протянул он, откидываясь на спинку кресла. — Скучал?

Я несколько секунд молча смотрел на него, пытаюсь понять, что вообще происходит.

— Если это очередная попытка испортить мне настроение, — спокойно сказал я, снимая пиджак и кладя его на спинку ближайшего кресла, — то выбрал крайне неудачный день, потому что сегодня у меня слишком хорошее настроение, чтобы обращать внимание на твои выходки.

Макс усмехнулся и покачал головой.

— Наоборот... именно сегодня самый подходящий день, — усмехнулся он.

Он взял флешку и легко подтолкнул ее по столу.

Она остановилась прямо передо мной.

— Знаешь что это? — спросил он, указывая на флешку.
Я посмотрел на неё, потом на него.

— Просвети меня, — сухо бросил я.

Макс перестал улыбаться.

В комнате стало неожиданно тихо.

Настолько тихо, что я отчетливо слышал, как за окном кто-то сигналил на парковке.

— На этой флешке лежит весь проект "Резонанс", — произнес он совершенно будничным голосом. — Полностью.

Я непонимающе посмотрел на него.

— Все материалы из Комореби. Финансовые расчеты. Архитектура проекта. Стратегия переговоров с господином Киоши. Все финансовые модели. Предварительные договоренности. План внедрения. Одним словом... все, что вы так старательно собирали последние полгода.

Я почувствовал, как где-то глубоко внутри медленно зарождается неприятное чувство.

— Откуда? — резко спросил я.

Макс усмехнулся.

— Нора. У неё, оказывается, до сих пор был доступ к твоему облачному хранилищу.

Имя прозвучало настолько неожиданно, что я даже переспросил:

— Что?

Он откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы на животе и с нескрываемым удовольствием наблюдал за моей реакци-

ей.

— Ты ведь здорово ее обидел, Марк. А знаешь, что самое страшное? Обиженная женщина способна разрушить жизнь куда быстрее любого конкурента.

Я почувствовал, как внутри медленно начинает подниматься злость.

— Ты использовал ее.

— Конечно, — Макс тихо рассмеялся. — Только не начинай читать мне лекции о морали, братец. Ты прекрасно знаешь, что в бизнесе мораль заканчивается ровно в тот момент, когда начинается борьба за власть.

Я не ответил.

Потому что сейчас меня волновало совсем другое.

— Допустим, все это действительно находится у тебя, — медленно произнес я, стараясь держать голос ровным, хотя внутри уже начал просчитывать все возможные последствия. — Чего ты хочешь?

— Люблю деловых людей. — Макс улыбнулся.

Он медленно открыл кожаную папку, лежавшую рядом с ним, достал несколько документов и очень аккуратно разложил их на столе, словно банкир, который собирается предложить клиенту выгодный контракт.

— Сегодня на собрании акционеров ты сам предлагаешь назначить меня вторым генеральным директором компании. — начал Макс, видя как я изучаю документ.

Я медленно поднял взгляд.

— С равными полномочиями, с правом подписи, с доступом ко всем стратегическим решениям, с участием в переговорах по крупным контрактам. Фактически мы становимся равными руководителями компании, и самое главное, братец, идея должна исходить именно от тебя, потому что отец никогда не поверит, будто это предложил я. — продолжил Макс.

Он слегка улыбнулся.

— Ты ведь всегда был его идеальным сыном. Пусть именно идеальный сын сегодня убедит совет директоров, что младшему брату пора доверить половину компании, чтобы отец наконец увидел, что я не хуже тебя. — он посмотрел прямо мне в глаза.

Я перевел взгляд на него.

— С ума сошел? Я никогда этого не сделаю. — сказал я и отбросил бумагу обратно.

— Не торопи события, — Макс двумя пальцами подвинул второй документ ближе ко мне. — Вот второе условие.

Я медленно опустил взгляд.

Белый фирменный бланк компании.

Я узнал его мгновенно, это заявление на увольнение, уже заполненное, с именем и датой, и с пустой строкой для подписи внизу.

Имя сотрудника заставило сердце на секунду остановиться.

Там было имя Авроры.

Я чувствовал, как внутри начинает закипать ярость.

— Даже не думай... — произнес я медленно, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

— Ты увольняешь ее. — сказал он спокойно.

— Нет, — сказал я снова, и я чувствовал, что готов вскочить, и ударить его, разбить это самодовольное лицо, но я знал, что это ничего не изменит, что это только подтвердит его правоту, и я заставил себя сидеть на месте, хотя внутри меня все кипело.

— Увольняешь. Сегодня. — сказал он, и его голос стал тише, почти шепотом. — И не просто увольняешь. Ты расстаешься с ней. Ты смотришь ей в глаза и говоришь, что между вами ничего нет. Что ты не хочешь ее видеть, и что она тебе не нужна. Именно расстаешься, Марк, ты меня слышишь?

Я резко ударил ладонью по столу.

— Не смей впутывать ее! — крикнул я, чувствуя, как внутри меня начинает закипать ярость

Макс даже не вздрогнул.

— Это, кстати, пожелание Норы. Она очень просила. — Макс чуть улыбнулся.

Я медленно подошел вплотную.

— Если ты хоть пальцем ее тронешь, если она пострадает, если с ней что-то случится, я тебя уничтожу, Макс. Ты меня слышишь? Уничтожу. Я найду способ, и ты пожалеешь, что родился на свет, — прорычал я.

— Уже поздно угрожать, вот здесь лежит все. — он снова

коснулся флешки.

В комнате повисла тяжелая тишина.

— Допустим... я откажусь, что тогда? — я поднял глаза на Макса.

Он медленно поднялся со своего кресла, неторопливо подошел к панорамному окну и несколько секунд смотрел на город, который просыпался за стеклом, после чего спокойно обернулся ко мне.

— Тогда все очень просто, Марк, — спокойно ответил он.

Он покрутил флешку между пальцами.

— Через полчаса эти материалы окажутся у наших прямых конкурентов. Не сегодня, так завтра они выйдут на Киоши с абсолютно идентичным предложением и более выгодными условиями, — продолжил он.

Макс усмехнулся.

— Контракт сорвется. Полгода работы нескольких отделов отправятся в мусорную корзину. Компания потеряет миллионы. Совет директоров будет в бешенстве. Отец...

Он сделал небольшую паузу.

— Отец будет в ярости. Думаешь, отец простит тебе потерю контракта стоимостью в несколько сотен миллионов? — произнес он.

Я молчал.

— А теперь представь эту картину. Контракт срывается, совет директоров устраивает разнос. Отец будет в бешенстве. Ты уже успел отменить помолвку с дочерью его делово-

го партнера. Он и без того считает, что ты в последнее время принимаешь крайне странные решения, — продолжил Макс.

— И как ты думаешь, Марк... кого он сделает виноватым? — спросил он.

— Меня. — ответил я глухо.

— Нет. — Макс покачал головой с легкой улыбкой.

Он говорил тихо, почти ласково.

— Ты ведь не идиот, Марк. Ты не стал бы сам сливать контракт, который лично выбивал в Комореби. Это нелогично, — тихо произнес он.

Он сделал еще один шаг ко мне.

— Значит, остается только один человек, который, кроме тебя, имел доступ ко всей документации, — добавил он.

Я почувствовал, как внутри все сжалось.

— Не смей... — начал я, держась из последних сил, чтобы не дать ему в рожу.

— Аврора. — он произнес ее имя совершенно спокойно.

— Молодая помощница. Новенькая, никому неизвестная девочка.

Я резко поднялся.

— Замолчи. — сказал я.

Макс даже бровью не повел.

— Ты не сможешь доказать ее вину. — сказал я, и это вышло тихо, почти без интонации, потому что ярость к этому моменту прошла через точку кипения.

Макс пожал плечами.

— Мне даже ничего делать не придется. Отец сам сделает нужные выводы, — пожал плечами Макс.

Я чувствовал, как внутри все медленно рушится.

— А если я стану ее защищать... — начал я.

Макс довольно улыбнулся.

— Тогда отец решит, что ты покрываешь любовницу, и скорее всего, odstranit тебя, и Аврора при этом всё равно пострадает, только ты уже не сможешь ей помочь, потому что у тебя не будет никаких рычагов, вообще никаких, ты будешь таким же беспомощным как она, только ещё и без кресла.

Он снова начал медленно ходить по переговорной.

— А дальше все просто. Её обвинят в промышленном шпионаже, уволят, внесут в чёрные списки, возможно, подадут в суд, и никто больше не возьмёт её на работу, её жизнь будет уничтожена не мной, а нашим собственным отцом, который сделает это с чистой совестью, считая, что спасает компанию.

Я сидел и слушал его, и я понимал, что он прав, что отец действительно сделает так, как он говорит, потому что отец всегда искал простые решения, всегда верил в очевидные ответы, всегда не доверял мне до конца, всегда считал, что я делаю ошибки, что я, впрочем как и Макс, не оправдываю его надежд, и теперь, когда я отменил помолвку, когда я поставил под удар его бизнес-интересы, он будет искать кого-то, кто станет причиной всех его проблем, и это будет Аврора, потому что она удобная мишень, потому что она не из наше-

го круга, потому что она та, кто, по его мнению, увела меня с правильного пути.

Если бы я сидел на месте председателя совета акционеров, если бы потерял многомиллионный контракт, если бы узнал, что доступ к секретной информации имели всего два человека, одним из которых являлся генеральный директор компании, а вторым молодая помощница.

Я бы тоже первым делом посмотрел именно на помощницу.

Потому что это рационально.

Потому что генеральный директор не станет разрушать собственную сделку.

Потому что всегда проще искать самое слабое звено.

Я медленно перевел взгляд со флешки на заявление, которое все еще лежало передо мной, и впервые за очень долгое время почувствовал не злость, не раздражение, а какое-то тяжелое, вязкое ощущение безысходности, потому что оба предмета на этом столе были одинаково опасны.

— Так что выбор очень простой, братец.— Макс говорил почти шепотом, придвинув заявление ближе ко мне.

— Первый вариант. Ты отказываешься, — он коснулся флешки. — теряешь контракт, компанию, и свое кресло, а Аврору ждет суд и разрушенная репутация на всю жизнь.

— Второй вариант. Ты соглашаешься, — он перевел палец на приказ об увольнении. — сохраняешь контракт, компанию, а главное, ее свободу. Она просто уходит. У нее оста-

нется шанс начать все сначала, но не с тобой.

Я смотрел на белый лист.

Всего одна подпись.

Всего несколько букв.

И цена этой подписи была страшнее всего.

Макс сделал шаг к двери.

— Через пятнадцать минут начинается собрание акционеров, — бросил он, делая шаг к двери.

Он взялся за ручку.

— Надеюсь, сегодня ты наконец поступишь как настоящий генеральный директор, а не как влюбленный идиот, — усмехнулся он и вышел.

Дверь тихо закрылась.

Я остался один.

Еще полчаса назад я думал, что сегодня вечером скажу Авроре, что хочу быть с ней.

Теперь я смотрел на заявление, на эту белую бумагу, которая лежала передо мной, и чувствовал, как время уходит, как песок сыпется сквозь пальцы, как мир вокруг меня сжимается до этого стола, до этого выбора, который я должен был сделать, и я чувствовал, как внутри меня что-то ломается, как рушатся все мои планы, все мои надежды, все мои мечты о том, что мы с Авророй будем вместе, что мы сможем быть счастливы, что я наконец-то смогу быть тем, кого она заслуживает.

Я должен либо спасти Аврору ценой ее ненависти, либо

потерять ее навсегда, позволив отцу уничтожить ее и ее карьеру.

Наверное именно так и выглядит настоящий ад.

Когда у тебя есть выбор.

И каждый из вариантов убивает человека, которого ты пытаешься спасти.

Глава 30.

Марк.

Я никогда не любил заседания совета директоров. Слишком много дорогих костюмов, слишком много людей, которые привыкли улыбаться друг другу ровно до того момента, пока не почувствуют запах чужой крови, слишком много слов про развитие, стратегию и семейные ценности, за которыми всегда скрывались исключительно цифры, влияние и власть, хотя раньше подобная атмосфера меня скорее успокаивала, потому что именно здесь я чувствовал себя на своем месте, здесь я умел выигрывать, убеждать, просчитывать каждый следующий ход, сегодня же...

Я уже проиграл.

Собрание акционеров началось ровно в назначенное время, как всегда, я привычно окинул взглядом длинный стол, вокруг которого уже собирались акционеры, затем мои глаза остановились на отце, который разговаривал с одним из инвесторов, после чего медленно переместились немного правее.

Макс.

Он сидел расслабленно, закинув ногу на ногу, лениво перебирая какие-то документы, словно сегодняшний день был

самым обычным рабочим понеделньником, хотя я прекрасно понимал, что именно сейчас этот ублюдок наслаждается каждой секундой происходящего.

Он почувствовал мой взгляд, поднял голову и едва заметно постучал пальцами по лежащей рядом флешке.

Я медленно занял свое место возле большого экрана, подключил ноутбук, открыл презентацию, хотя сейчас совершенно не видел ни единой цифры, ни единой схемы, перед глазами продолжало стоять совсем другое лицо.

«Когда вернусь, мы поговорим...» — всплыло в памяти моё обещание.

Господи...

Какой же я идиот.

— Думаю, можно начинать, — произнес отец, занимая центральное место за столом и привычным жестом поправляя галстук. — Господа.

Переговорная постепенно затихла.

Все взгляды устремились ко мне.

Последние несколько лет именно я проводил большинство ключевых презентаций компании, поэтому подобное внимание давно перестало вызывать какое-либо волнение, сегодня же мне казалось, что каждый человек в этой комнате каким-то невероятным образом уже знает, что через несколько минут я собственными руками уничтожу единственное хорошее, что случилось со мной за последние годы.

— Марк, я уже успел поговорить с господином Киоши по

телефону, — произнес отец с нескрываемой гордостью, слегка наклоняясь вперед. — Насколько я понял, командировка превзошла все ожидания, контракт практически у нас в кармане, а значит победа в тендере становится лишь вопросом времени, и если все пройдет так, как запланировано, то компания “Хейман Медиа Групп” впервые выйдет на международный рынок такого уровня.

По залу прошел довольный гул, кто-то начал негромко переговариваться, а кто-то уже делал финансовые прогнозы.

Отец продолжал говорить.

— Признаться честно, сын, я рассчитывал на хороший результат, хотя даже мои ожидания оказались слишком скромными, потому что эта сделка способна изменить будущее всей нашей компании, и в первую очередь это твоя заслуга.

Отец похлопал в ладоши, на мгновение воцарилась тишина, а затем за ним последовали остальные: мистер Роквелл — отец Элеоноры, вице-председатель совета директоров... все они смотрели на меня с одобрением, с уважением, с надеждой, и где-то где-то справа послышался едва различимый смешок.

Макс.

Он словно наслаждался каждым словом отца.

Потому что прекрасно понимал, что через несколько секунд именно я добровольно положу эту победу к его ногам.

Я вдохнул, настолько медленно, что самому стало страшно от собственного спокойствия. Наверное именно так чув-

ствуют себя люди за секунду до прыжка с моста, когда решение уже принято, и остается только сделать шаг.

— Спасибо, отец, — спокойно произнес я, чувствуя, как собственный голос звучит непривычно ровно. — Для начала я действительно хотел бы подтвердить, что переговоры завершились успешно, господин Киюши выразил готовность подписать контракт сразу после объявления результатов тендера, поэтому можно считать, что главная цель нашей поездки выполнена.

Я перевел взгляд на Макса, он продолжал смотреть прямо на меня.

Без единой эмоции.

Он уже ждал.

Ждал момента, когда я окончательно переступлю через самого себя.

— Однако, — продолжил я, медленно сцепляя руки за спиной, чтобы никто не заметил, насколько сильно дрожат пальцы, — прежде чем перейти к отчету о командировке, я хотел бы вынести на обсуждение один кадровый вопрос, который, на мой взгляд, имеет стратегическое значение для дальнейшего развития компании.

Отец заинтересованно поднял брови:

— Слушаем.

Я медленно перевел взгляд на брата.

Он сидел совершенно неподвижно, даже не улыбался, да ему уже и не нужно было улыбаться.

Он победил еще в ту секунду, когда вошел в переговорную.

Я сделал вдох. Последний.

После которого дороги назад уже не существовало.

— Последние несколько лет компания значительно выросла, объем проектов увеличился практически вдвое, международные переговоры занимают все больше времени, поэтому я пришел к выводу, что действующая система управления перестала соответствовать масштабам бизнеса, и именно поэтому считаю необходимым создать должность второго генерального директора с расширенными полномочиями, включая право подписи крупных контрактов, участие в стратегических переговорах и управление частью ключевых проектов. — я старался говорить уверенно.

Сделав паузу, чувствуя, как внутри меня все сжимается, как время замедляется, как каждая секунда длится вечность, и я понимал, что сейчас я должен сделать то, что изменит все, что я должен произнести слова, которые разрушат мою карьеру, мои отношения, мою жизнь.

По комнате прокатилась удивленная волна шепота.

Даже финансовый директор удивленно поднял голову.

Отец смотрел на меня так, словно впервые услышал эту мысль.

— И... кого ты предлагаешь? — спокойно спросил он.

Я уже не слышал собственного сердца. Я вообще ничего не слышал.

Только лицо Авроры снова всплыло перед глазами.

Ее смех. Ее голос.

Прости...

— Я предлагаю назначить на эту должность Макса Оффермана, моего брата, — глухо произнес я.

Я сказал это, и в зале повисла тишина, такая тяжелая, что я чувствовал, как она давит на меня, как я задыхаюсь в ней, и я видел, как акционеры переглядываются, как они шепчутся, как они удивлены и недоумевают, потому что они знали, что мы с Максом не ладим, что между нами всегда была вражда, и это предложение, исходящее от меня, казалось им нелогичным, странным, почти абсурдным, и я видел, как отец медленно, очень медленно, переводит взгляд с меня на Макса, как его лицо становится непроницаемым, как он пытается понять, что здесь происходит, а я чувствовал, как внутри меня что-то умирает, как я теряю последние остатки себя, я стоял и смотрел на них всех, и понимал, что только что сделал шаг, от которого уже нельзя отказаться, и что теперь мне придется идти до конца.

Отец откинулся на спинку кресла, и я увидел, как его лицо медленно расплывается в улыбке, как он смотрит на меня с новым, почти восхищенным выражением, как он кивает, как он одобряет мое решение, и я понял, что он думает, что это мой жест примирения, что я наконец-то признал способности Макса, что я готов делить с ним власть, но это было так далеко от правды, так чудовищно далеко.

— Марк, я впечатлен. Я знал, что ты умный бизнесмен, но я не ожидал, что ты готов пойти на такой шаг. Макс, ты согласен? — произнёс отец с заметным удовлетворением.

Макс кивнул, и его улыбка стала еще шире, в его голосе было столько притворной скромности, что меня чуть не вырвало:

— Конечно, отец. Я рад, что брат доверяет мне, постараюсь сделать все, чтобы оправдать его доверие.

Я чувствовал, как внутри меня нарастает пустота, как я становлюсь пустым, как будто кто-то вынул из меня все живое, и я знал, что через несколько минут, когда собрание закончится, я должен буду подойти к Авроре и сказать ей, что она уволена, что между нами ничего нет, и я не знал, как я это сделаю, не знал, как я смогу смотреть в ее глаза, когда она спросит меня, почему, когда она попытается найти ответ в моем лице, и я знал, что когда она заплачет, я умру, я умру тысячу раз, и ничего не смогу с этим поделать.

— Что ж, — сказал отец, — если ты сам это предлагаешь это многое значит, думаю акционеры поддержат, мы проголосуем по завершении отчёта.

Собрание продолжалось, акционеры обсуждали детали, задавали вопросы, выражали свое мнение, но я почти не слышал их, я был где-то далеко, в своем внутреннем аду, я думал о том, что я *только что сделал, о том, что я предал себя, что я предал Аврору, что я продал свою душу дьяволу, чтобы спасти ее, и я не знал, смогу ли я когда-нибудь простить*

себя за это, не знал, смогу ли я когда-нибудь посмотреть в зеркало и не увидеть там предателя.

Когда собрание наконец закончилось, еще несколько секунд я продолжал стоять возле экрана, глядя на пустые кресла, на которых всего минуту назад сидели люди, только что собственными руками окончательно изменившие всю структуру компании, искренне считая, что стали свидетелями исторического события, способного укрепить нашу семью, наш бизнес и наше будущее, хотя настоящую цену этого решения сейчас знал только я и человек, который неспешно поднялся со своего места, поправил пиджак и направился ко мне, и хлопнул меня ладонью по плечу.

— Поздравляю, братец, — усмехнулся он.

— С чем именно? — не оборачиваясь, спросил я.

Он усмехнулся.

— С тем, что ты наконец-то научился принимать правильные решения, — ответил Макс.

Он прекрасно понимал, что сейчас мне нечего ему ответить.

— Закончил? — тихо спросил я.

— Почти, — Макс наклонился немного ближе.

— Осталась вторая половина сделки. — Макс похлопал по внутреннему карману пиджака. — Флешка пока еще у меня.

Он сделал небольшую паузу, наслаждаясь каждой секундой.

— Мне очень хочется увидеть выражение ее лица, — тихо добавил он.

В груди словно что-то оборвалось.

Я резко шагнул вперед.

— Еще одно слово о ней... — я сжал кулаки.

— И что? — он даже не шелохнулся. — Ударишь меня? В первый же день после того, как сам сделал меня вторым генеральным директором?

Я чувствовал, как мышцы сводит от напряжения, каждый инстинкт требовал схватить его за воротник, впечатать в ближайшую стену, но я не мог себе этого позволить, не сейчас.

— Видишь, можешь быть разумным человеком, когда действительно есть что терять, — Макс снова улыбнулся.

Я глубоко вдохнул.

— Ты обещал, что после этого она будет в безопасности, — выдавил я.

— Конечно, — кивнул Макс.

Макс посмотрел на часы.

— Не стоит заставлять девушку ждать, — он достал из кармана черную флешку, несколько секунд покрутил ее между пальцами, а потом снова убрал обратно.

— После разговора. — он сделал небольшую паузу.

Я коротко кивнул.

Ни сил, ни желания продолжать этот разговор уже не осталось.

Я молча прошел мимо него к двери.

— Марк, — окликнул он.

Я остановился.

— Что? — я замер.

За спиной снова раздался его спокойный голос.

— Это ведь смешно, — за спиной снова раздался его спокойный голос.

Я медленно обернулся.

Он смотрел на меня почти сочувственно.

— Всю жизнь ты считал себя человеком, который контролирует ситуацию, а оказалось, что достаточно одной рыжей девчонки, чтобы ты добровольно отдал половину компании, — он смотрел на меня почти сочувственно.

Я ничего не ответил, и вышел из переговорной.

Толкнув дверь приёмной, я старался выглядеть отрешенным и спокойным, хотя внутри меня все кипело, но увидев улыбку Авроры, я чуть не сломался, чуть не бросил всё и не сказал: *«Забудь, что я собирался сказать, пойдём отсюда, пока не поздно»* — но я не мог.

Смотря на неё я думал о том, что запомню её именно такой, с этой улыбкой, с этим голосом, и что это воспоминание будет жить во мне рядом с тем что я сейчас сделаю, и они будут существовать вместе, и одно не отменит другого, и это, наверное, и есть то что называется расплатой.

Я заставил себя улыбнуться в ответ, и моя улыбка была натянутой, фальшивой, и я знал, что она видит это, что она

чувствует, что что-то не так.

— Как всё прошло? — спросила она с тревогой.

— Нормально. Жду вас в моём кабинете через 10 минут,

— ответил я, заставив свой голос звучать холодно, отстраненно, почти грубо.

И, не дожидаясь ответа, не позволяя себе взглянуть на неё ещё раз, я повернулся и пошёл в свой кабинет.

Глава 31.

Марк.

Закрыв за собой дверь кабинета, я подошел к окну, повернувшись спиной к двери, потому я не смогу смотреть ей в глаза, не смогу держать лицо, не смогу даже дышать ровно, потому что в глубине души хотелось заорать, разгромить этот кабинет в щепки, вырвать провода из стен, разбить стекло и броситься вниз, лишь бы найти выход из этой ловушки. Мне казалось, что если я повернусь и увижу ее, то я сломаюсь, рухну на колени, умоляя о прощении за то, что собираюсь сделать, за то предательство, за ту боль, которую я должен был причинить ей своими руками.

Заявление, подписанное, лежало на столе.

А я просто идиот, который стоит у окна и придумывает себе красивые объяснения собственной беспомощности, называет поражение защитой, называет капитуляцию жертвой, и внутри от этих мыслей становилось ещё хуже, потому что я не знал какая из этих версий правда, та где я защищаю её или та где я просто не нашёл другого выхода и теперь прячусь за красивыми словами.

Сопливый мальчишка, который позволил чувствам взять верх над разумом, который забыл, что в этом мире нет места

для любви, когда на кону стоят деньги, власть и репутация. Надо быть жестче, повторял я себе, пусть ничего не знает, пусть ненавидит меня, пусть будет от меня так далеко, чтобы у меня не было соблазна приехать и вымаливать у нее прощения, пусть забудет меня, пусть найдет другого мужчину, который сможет дать ей то, чего я не могу, пусть нарожает ему кучу детей и будет счастлива, даже если это счастье будет без меня, и от этих мыслей я разозлился настолько, что хотелось кричать, потому что я не мог себе представить ее с другим, не мог представить, что она будет смеяться, целоваться, любить кого-то другого, и это убивало меня.

Я уже сделал выбор.

И не имел права сейчас его отменять.

Пусть Макс заберет себе часть компании, пусть получит кресло, подпись, сделки, влияние, пусть отец думает обо мне что угодно, я переживу это, я переживу даже необходимость ежедневно видеть рядом с собой человека, которого ненавижу, если это позволит Авроре спокойно уйти отсюда и начать новую жизнь, в которой никто не будет обвинять ее в том, чего она не совершала.

Я только не знал, как пережить ее ненависть.

Именно ее я боялся больше всего.

Дверь тихо открылась, и я напрягся всем телом, сжимая кулаки до побелевших костяшек.

— Марк, ты... вы хотели, чтобы я зашла? — тихо и неуверенно спросила она, переступая порог.

Господи.

Даже сейчас она загнулась на этом чертовом «ты» и «вы», будто еще не знала, какое место между нами ей теперь разрешено занимать.

Я продолжал смотреть в окно.

— Да, — ответил я холодно, всё ещё стоя к ней спиной.

Собственный голос показался мне чужим, холодным и сухим, почти таким же, каким я разговаривал с подчиненными во время неприятных совещаний.

Я услышал, как она подошла ближе, потом остановилась.

— Что-то случилось? — осторожно спросила она.

Я сглотнул.

— На столе лежит документ, прочтите его, пожалуйста,
— глухо произнес я.

Она ничего не ответила, и я услышал только тихий стук ее каблуков по полу.

Один шаг.

Еще один.

Я представлял, как она берет заявление, как смотрит на него, как начинает читать, и мне пришлось заставить себя не обернуться.

Соберись, Марк.

Так будет лучше для нее.

Так будет безопаснее.

Ты делаешь это ради нее.

Я повторял это про себя снова и снова, словно молитву,

хотя сам прекрасно понимал, насколько чудовищно звучит эта логика, когда речь идет о женщине, которую ты любишь.

Да, я ее любил.

Наверное, именно сейчас я впервые позволил себе произнести это слово полностью, без попыток спрятать его за сексом, симпатией, влечением или каким-нибудь другим удобным объяснением.

Я любил ее.

И именно поэтому сейчас должен был уничтожить все, что между нами было.

— Марк... — голос Авроры дрогнул, и я услышал, как она снова перечитала документ, словно надеялась, что неправильно поняла написанное.

— Что это значит? — растерянно спросила она, и я уже хотел повернуться и сказать, что дело не в ней.

Хотел развернуться, подойти к ней, забрать это заявление, разорвать его на куски и сказать, что Макс может забрать себе компанию, кресло, акции, подписи, сделки, все что угодно, лишь бы она вышла из этого здания целой и невредимой.

Но я уже знал, что если расскажу ей правду, она попытается остаться.

Она будет спорить.

Она будет искать решение.

Она может пойти против Элеоноры, против отца, против Макса, но они все равно доберутся до нее, и тогда весь тот план, который я построил за последние часы, рассып-

летя, а вместе с ним рассыплется и ее жизнь.

Поэтому я должен был сделать то, чего мне хотелось меньше всего на свете.

Я должен был стать для нее тем самым человеком, которого она сможет возненавидеть настолько сильно, чтобы больше никогда не захотеть ко мне вернуться.

— Там же ясно все написано, Аврора. Вы уволены. С сегодняшнего дня. И я бы хотел, чтобы вы покинули здание в ближайшее время, — сказал я, чувствуя, как каждое слово режет мне горло.

Она несколько секунд молчала, и я слышал, как она тяжело дышит.

— Но... за что? — спросила она, и в ее голосе было столько растерянности, столько боли, столько непонимания, что у меня перехватило дыхание, и она сделала шаг вперед, и я слышал, как она приближается, как она пытается понять, пытается найти в моей спине ответ, и я хотел повернуться и сказать ей, что она ни в чем не виновата, что это не ее вина, что это я не смог защитить ее, что это я оказался слабым, что это я предал ее, но я не мог, я не имел права.

Я не ответил сразу.

— Решение принято, — твердо ответил я.

— Кем? — переспросила она.

Я промолчал.

— Тобой? — в ее голосе мелькнула слабая надежда.

Я стиснул зубы.

— Да, — прошептал я.

— Почему? — выдохнула она.

Я почувствовал ее взгляд на своей спине и вдруг понял, что физически не могу больше стоять к ней спиной, потому что это было еще хуже, чем посмотреть ей в лицо.

Я медленно повернулся.

Аврора стояла возле стола, держа заявление обеими руками, и смотрела на меня так, словно надеялась, что я сейчас рассмеюсь, скажу, что это какая-то идиотская ошибка, что документ оказался на столе случайно и вообще кто-нибудь срочно должен объяснить мне, какого черта происходит.

Ее глаза встретились с моими, и я едва не сломался, но тут дверь снова открылась.

— Да не мучай ты девочку, Марк. Скажи ей все прямо, — сказал Макс, заходя в кабинет.

Я почувствовал, как внутри меня мгновенно поднялась ярость.

Макс вошел в кабинет совершенно спокойно, словно находился у себя дома, и без приглашения прошел к дивану, усаживаясь так расслабленно, будто пришел посмотреть спектакль.

— Макс, выйди, — рыкнул я.

— Зачем? — невинно удивился он.

Он посмотрел на Аврору, потом на меня и усмехнулся.

— Самое интересное только начинается, — лениво протянул он.

Я сжал челюсти.

— Я сказал, выйди, — тихо произнес я.

— А я думаю, что Авроре будет полезно услышать правду,
— усмехнулся он в ответ.

— Ты не имеешь права...

— Имею, — перебил он меня, лениво откидываясь на спинку дивана. — Ты ей ничего не объяснил, поэтому объясню я, раз уж ты так стесняешься.

Аврора перевела взгляд на него.

— Что он должен мне объяснить? — растерянно спросила она.

Макс улыбнулся.

— Ты же не думала, что такая история закончится свадьбой, правда, лисичка? — насмешливо спросил он.

— Макс, заткнись, — прорычал я.

— Мой дорогой братец сейчас пытается сохранить остатки своего достоинства, а ты мешаешь ему своей искренностью, — продолжил Макс. — Он бы никогда не выбрал тебя, Аврора, ему бы никто не позволил... Ты же не глупая девочка и прекрасно понимаешь, что такой, как ты, с ним не место.

Хотелось убить его. Хотелось схватить за горло и держать, пока он не задохнётся.

— Это неправда. — я произнес это слишком быстро, что даже не сразу понял, что сделал.

Макс вопросительно посмотрел на меня.

Черт.

— Тогда скажи ей сам. — сказал Макс, хлопая себя по карману пиджака.

Я почувствовал, как сердце ударилось о ребра.

Аврора смотрела прямо на меня.

Она повернулась к нему, потом снова ко мне, и слёзы уже катились по щекам. Я видел, как в ее глазах постепенно появляется страх.

— Марк... — попросила она совсем тихо.

— Аврора... — начал я, и слова не шли, потому что не было правильных слов, совсем, ни одного, и то что выходило было не складным и не честным и не похожим на то что я хотел сказать.

А я хотел.

Господи, как же я хотел.

Я хотел сказать ей, что Макс лжет, что я люблю ее, что все происходящее сейчас какая-то чудовищная ошибка, что я найду способ все исправить, что мне плевать на компанию и отца, что я заберу ее отсюда и больше никому не позволю решать за нас.

— Прости... Так нужно. — сказал я, мысленно чувствуя, как буду гореть за это в аду, и сжал кулаки сильнее, надеясь успокоиться и привести себя в прежнее состояние, хотя руки уже слегка тряслись.

Она замерла. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Я видел, как по ее щекам снова покатались слезы, и в этот

момент мне захотелось умереть.

— Тебе выплатят все положенные деньги, включая премию за командировку, — механически произнес я.

Я предложил ей деньги.

Идиот.

Как будто ее чувства можно было закрыть премией.

Как будто можно было компенсировать всё, что между нами было, несколькими цифрами в расчетном листе.

Она резко подняла голову, и я увидел, как ее взгляд меняется, как в нем проступает что-то такое, что я никогда не видел в ней... **ненависть**, чистая, холодная, всепоглощающая ненависть ко мне, и она смотрела на меня так, *как будто я был самым отвратительным существом на земле*, как будто я был тем, кто заслуживает смерти.

— Мне не нужны твои деньги, — бросила она.

— Это часть твоего контракта, — упрямо ответил я.

Она подошла ко мне, остановилась совсем близко, и закрыла глаза.

А потом ударила меня.

С такой силой, что у меня зазвенело в ушах, а на щеке вспыхнула острая, обжигающая боль, но я не отстранился, я стоял и смотрел на нее, и я чувствовал, что заслужил эту пощечину, что она имела право ударить меня, что я заслуживал гораздо большего, я заслуживал, чтобы она убила меня, я стоял и смотрел на нее, и в моей голове была только одна мысль: пусть наказывает меня, пусть бьет и кричит, пусть

Макс видит, что я выполнил условия нашей сделки.

— Ты просто жалкий трус, — сказала она, и ее голос был тихим, но в нем было столько ненависти, столько горечи, что у меня перехватило дыхание.

— Ты сделал мне больно, и теперь ты просто выбрасываешь меня. Ненавижу тебя. Ненавижу. Я думала, что ты другом, но ты такой же, как и он, — ее голос срывался на крик.

— Вы с ним одинаковые, — сказала она, бросая заявление мне в грудь.

Бумага упала на пол.

Я смотрел, как она разворачивается, как она выходит из моего кабинета, как дверь закрывается за ней, и я стоял и смотрел на эту закрытую дверь, и я чувствовал, как внутри меня все рушится, как мир вокруг меня исчезает, и я остаюсь один в этой пустоте, и я хотел броситься за ней, схватить ее за руку, прижать к себе так крепко, как только мог, целовать каждую ее слезинку, но я не мог.

— Ну что ж, — протянул Макс, поднимая заявление с пола. — Наша лисичка отрастила когти. Смачно она тебе залепила, мне в свое время такого приза не досталось. Но знаешь, это было красиво.

— Элеонора будет довольна. Каково это, Марк? Потерять всё? Девушку, часть компании? Ах да, я этого не узнаю, ведь я не такой слабак, как ты. Наверное, отец сделал неверный выбор, когда поставил всё на тебя. Таким слабакам, как ты, нет места в бизнесе, Марк, — ехидно усмехнулся он.

— Заткнись. Я сделал, как ты просил. Отдавай флешку и пошёл отсюда, пока я тебе не врезал, — сказал я, глядя на него так, что он на секунду даже перестал улыбаться.

Макс поднял руки.

— Спокойно, сделка есть сделка, — примирительно протянул он.

Сказав это, он положил флешку на стол, взял заявление и направился к двери.

— Пожалуй, я сам отнесу это в отдел кадров. Так будет надёжнее, — бросил он напоследок и вышел.

Когда дверь закрылась, несколько секунд я просто стоял, глядя на флешку.

Потом перевел взгляд на дверь.

Она ушла. Действительно ушла.

Я больше не выдержал.

Стул полетел в сторону и с грохотом ударился о стену, папки одна за другой слетели со стола, бумаги разлетелись по полу, бился кулаками в стену, пока на костяшках не пошла кровь, кричал так, что голос сорвался.

— Ты сам потерял её. Ты сам её прогнал! — кричал я в пустоту.

Я кричал снова и снова, уже не пытаюсь сдерживаться.

Глава 32.

Аврора.

Я вышла из кабинета Марка и только у самых дверей поняла, что перестала нормально дышать, потому что воздух будто застрял где-то в груди и никак не хотел проходить дальше, а перед глазами все плыло так сильно, что я несколько раз моргнула, пытаясь заставить себя увидеть коридор, знакомый ресепшен, свой стол.

Открыв ящик, я начала складывать вещи в сумку, причем делала это настолько торопливо, что дважды уронила телефон, потом едва не забыла кошелек, а зарядку вообще пришлось вытаскивать из розетки дрожащими пальцами, какие-то бумаги, которые вообще не имели никакого отношения к моей жизни в этот момент, но руки почему-то продолжали механически собирать вещи, словно я просто закончила обычный рабочий день.

— Прекрасно, Аврора, ты же знала, что так и будет, — пробормотала я себе под нос, пытаясь не разрыдаться прямо над ящиком.

Я нервно усмехнулась, но вместо смеха из горла вырвался какой-то жалкий всхлип, и я тут же отвернулась, почувствовав, как слеза снова скользнула по щеке, и резко вытерла ее

ладонью.

— Соберись, — сказала я себе почти шепотом.

— Просто соберись и выйди отсюда, — повторила я, стискивая зубы.

Я держалась.

Это было моей единственной задачей пока я шла по коридору к лифту, держаться, просто держаться. Я дошла до лифта, нажала кнопку, и смотрела на свои руки, которые дрожали, и я чувствовала, как внутри меня нарастает эта невыносимая, раздирающая боль, которая начинается где-то в груди и растекается по всему телу.

И когда двери лифта открылись, я вошла внутрь и оказалась одна.

Только тогда я разрыдалась, тихо, сдавленно, прикрывая рот ладонью, чтобы никто не услышал, чтобы никто не увидел, как я разваливаюсь на части, как я превращаюсь в ничто, в пустоту, в жалкое, никому не нужное существо, которое поверило в красивую сказку и получило пощечину, самую жестокую, самую болезненную, самую унижительную пощечину, которую только можно было получить.

Я закрыла лицо руками и попыталась подавить всхлипы, но слезы текли между пальцами, дыхание сбилось, плечи задрожали, и мне стало настолько стыдно перед самой собой, что хотелось ударить себя за эту слабость.

— Ну давай, — прошептала я, глядя на свое отражение в зеркальной стене лифта. — Еще немного, Аврора, ты же

всегда справляешься.

Отражение смотрело на меня красными глазами и размазанной тушью.

Я отвернулась. Лифт открылся, и я пулей вылетела из здания, стараясь, чтобы никто ничего не заметил и не начал задавать вопросы.

И пошла.

Просто пошла, без цели, без направления, просто вперёд по тротуару, потому что стоять на месте было невозможно, потому что если остановиться то придётся что-то решать, куда идти, что делать дальше, как жить с тем что только что произошло, а я не была готова ничего решать, я была готова только идти и смотреть под ноги и ни о чем не думать. Я шла куда глаза глядят, почти не замечая дороги, машин, светофоров, прохожих, и только иногда слышала собственные мысли, которые кружились в голове совершенно бессвязными обрывками.

Через несколько минут начался дождь.

Сначала мелкий, почти невесомый, потом все сильнее, и очень скоро волосы промокли насквозь, холодные капли потекли по лицу, смешиваясь со слезами, а пальцы начали мерзнуть.

Я даже не открыла зонтик.

Мне было все равно.

Я остановилась посреди тротуара и нервно рассмеялась сквозь слезы.

— Да, конечно, — прошептала я. — Спасибо, мистер Хейман, премию не забудьте.

Мне стало настолько больно, что я согнулась, прижав ладонь к груди.

Я ненавидела его.

Наверное.

Хотя если я действительно его ненавидела, почему тогда мне хотелось развернуться и вернуться обратно?

Почему мне хотелось услышать его голос?

Почему мне хотелось, чтобы он догнал меня?

Почему я до сих пор ждала, что дверь офиса сейчас откроется, он выбежит следом и скажет, что все это было ошибкой, что он не имел этого в виду, что он любит меня?

Я сама прекрасно понимала ответ.

Потому что я его любила.

И именно поэтому мне было так больно.

Я не знала, как я дошла до моста, я просто оказалась там, остановилась возле ограждения и посмотрела на воду. Серое небо отражалось в темной воде, дождь разбивал поверхность мелкими кругами, ветер трепал волосы и на несколько секунд в голове стало совершенно тихо. Я устало опустила взгляд на реку внизу, на мутную, серую воду, которая текла куда-то, и думала о том, как же это легко, просто перестать бороться, просто позволить себе упасть, позволить воде унести меня, унести эту боль, эту пустоту, это чувство, что я никому не нужна, что я просто ошибка, случайность, которую

можно выбросить, как ненужную вещь, как использованную бумагу, как мусор, который никто не заметит.

— Какая же ты жалкая, Аврора, — думала я, сжимая мокрую сумку до боли в пальцах.

— Снова позволила себя использовать, снова поверила, снова отдала всё, что у тебя было, и снова осталась ни с чем. Сначала Макс, теперь Марк. Ты что, коллекционируешь мужчин, которые трахают тебя и выкидывают? — продолжала я, обращаясь к собственному отражению в тёмной воде.

Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться, но пальцы дрожали. Мне хотелось перестать чувствовать, вот чего мне хотелось больше всего.

Не исчезнуть.

Не умереть.

Просто перестать чувствовать эту чудовищную боль хотя бы на несколько минут, чтобы внутри наконец стало тихо.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула, воздух пах дождем и водой, я слышала шум машин, шаги прохожих, гудки где-то вдали. Все было слишком обычным, а моя жизнь в этот момент казалась разрушенной. Опустив взгляд на свои руки, я увидела кольцо, которое я потом почему-то не сняла, не сняла ни в тот вечер, ни потом, ни в самолёте, носила и почти не замечала.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

Я тогда вообще не представляла, насколько сильно мож-

но привязаться к одному человеку.

Я провела большим пальцем по металлу.

— Какая же я дура... — произнесла я, и голос дрогнул.

Я попыталась снять кольцо, но пальцы настолько замёрзли, что оно никак не хотело поддаваться.

— Давай... — прохрипела я, сжимая пальцы. И дёрнула сильнее.

Кольцо наконец соскользнуло, я сжала кольцо настолько сильно, что оно впилося в кожу.

— Прощай, Марк... Мне ничего от тебя не нужно, — прошептала я и с силой швырнула его в воду.

Слёзы снова потекли по щекам.

Кольцо мелькнуло в воздухе маленькой серебряной точкой и исчезло среди тёмных волн.

Я несколько секунд смотрела туда, где оно упало.

Отойдя от ограждения, я медленно сползла вниз вдоль перил и села прямо на мокрый асфальт, совершенно не заботясь о мокрой одежде. Боль была такой сильной, что сил уже почти не оставалось, и я думала только об одном, как унять эту боль, как заставить её хотя бы на минуту утихнуть, потому что она жгла изнутри так сильно, что хотелось выть, кричать, биться головой о перила, лишь бы перестать чувствовать эту пустоту, которая разрасталась в груди с каждой секундой.

Всю жизнь я умудряюсь находить именно тех людей, которые используют меня и уходят, что, видимо, в этом есть

какая-то закономерность, какой-то мой личный талант выбирать неправильных, верить неправильным, открываться неправильным людям в самый неподходящий момент, и вот опять, снова, ещё раз, как будто урок не выучен и жизнь терпеливо преподаёт его заново.

Я сидела под дождём и плакала, пока ноги не перестали чувствовать холод, пока пальцы не начали неметь, пока внутри не осталось сил даже на злость. Где-то внизу река несла моё кольцо в темноту, и дождь всё лил, а я всё сидела и плакала, и думала о том, что когда-нибудь встану, когда-нибудь пойду домой, когда-нибудь это обязательно закончится...

Обязательно.

Глава 33.

Аврора.

Прошло несколько недель.

Четырнадцать дней, если считать точно, хотя мне казалось, что прошло несколько лет, потому что время после того дня вообще перестало существовать в привычном смысле. Я перестала смотреть на календарь, перестала ставить будильник, перестала делать большую часть того, что раньше составляло что-то похожее на распорядок, потому что распорядок предполагает, что ты куда-то идёшь и что-то делаешь, а я никуда не шла и ничего не делала. Я просто существовала в своей квартире в каком-то странном, ватном состоянии, когда всё вокруг есть, и ты есть, и день сменяет ночь как положено, но между тобой и всем этим как будто стекло, как будто ты смотришь на собственную жизнь из-за стекла и не можешь до неё дотянуться, и, честно говоря, особо не пытаешься.

Время просто тянулось бесцветной липкой массой, в которой утро ничем не отличалось от вечера, понедельник от субботы, а вчера от сегодняшнего дня, и я могла часами лежать на кровати, глядя в потолок, не испытывая ни желания встать, ни желания спать, ни даже нормального желания по-

есть, потому что внутри меня словно выключили какой-то важный механизм, отвечавший за жизнь, и оставили только самое необходимое, чтобы тело продолжало дышать.

Это была не депрессия, убеждала я себя, это просто усталость, просто мне надо немного времени, просто пройдёт, и я встану, умоюсь и найду новую работу, и забуду про весь этот кошмар как про страшный сон. Просто надо подождать чуть-чуть, просто ещё один день.

Каждый день я говорила себе: *«Ещё один день»*, и дни накапливались.

Холодильник был почти пустым, я заказывала еду иногда, когда голод становился достаточно настойчивым, чтобы перебить общее равнодушие ко всему, и ела не потому, что хотела, а потому, что организм, в отличие от меня, продолжал функционировать и предъявлять свои требования. Я выполняла эти требования на автопилоте, и снова ложилась на диван, смотрела в потолок и думала, но ни о чём-то конкретном, а просто так, фоновый шум мыслей, который ни к чему не приводил и никуда не девался.

Телефон я почти не брала в руки, потому что каждый новый звонок раздражал меня одним своим существованием, а каждое сообщение казалось ещё одной вещью, на которую нужно было реагировать, для которой нужно было придумать слова, сделать вид, что со мной всё нормально.

Я не хотела никого видеть.

Не хотела никого слышать.

Телефон снова завибрировал на прикроватной тумбочке, и я даже не открыла глаза, потому что уже прекрасно знала, кто звонит, ведь мама была человеком невероятной настойчивости, которая могла спокойно позвонить десять раз подряд, если первые девять раз ей никто не ответил, и в глубине души я понимала, что именно поэтому они с папой до сих пор не оставили попыток до меня достучаться.

Телефон замолчал.

Через несколько секунд снова зазвонил.

Я натянула одеяло выше, закрывая им голову.

— Мам, ну пожалуйста, — простонала я в пустоту комнаты.

Звонок закончился, и я почти облегчённо выдохнула, но тут экран снова загорелся, и я увидела уже пятый пропущенный вызов от мамы.

Пять.

Пять звонков.

Для обычного человека это просто пять звонков, для моей мамы это практически официальное объявление чрезвычайного положения.

Я несколько секунд смотрела на экран, чувствуя, как внутри медленно поднимается раздражение, за которым почти сразу пришло чувство вины, потому что я прекрасно понимала, что они волнуются, и они имели на это право, ведь я действительно исчезла, перестала отвечать, практически не разговаривала с ними, а когда мама спрашивала, как у меня

дела, я отделялась чем-нибудь вроде «работы много», хотя работы у меня уже не было.

Я всё-таки провела пальцем по экрану и приложила телефон к уху.

— Привет, мам, — хрипло произнесла я.

На другом конце повисла такая тишина, что я почти услышала, как она пытается подобрать слова.

— Господи, ты наконец взяла трубку, я уже не знала, звонить тебе или ехать к тебе, а папа вообще сказал, что если ты сегодня опять не ответишь, он сам сядет в машину и приедет, и не спрашивай меня, откуда у него столько свободного времени, — выдохнула она.

Я закрыла глаза и впервые за несколько дней почувствовала, что-то похожее на улыбку.

— Всё хорошо, мам, — сказала я, и голос мой прозвучал хрипло: я мало говорила последние две недели, и, оказывается, голос отвык, — просто была занята, прости, что не брала.

— Занята? — В голосе папы, который, видимо, взял трубку, прозвучала смесь сомнения и беспокойства. — Аврора, какая занятость может заставить тебя пропасть на две недели? Ты больна?

Я закрыла глаза и чувствовала, как слёзы подступают, как они обжигают веки, но я не могла заплакать, не сейчас, не при ней, потому что если я заплачу, она услышит, она поймёт, она начнёт задавать вопросы, на которые у меня не было ответов, и я сглотнула комок, который застрял в горле.

— Нет, пап, не больна, — ответила я, уткнувшись лицом в подушку, чтобы он не услышал, как я всхлипнула. — Просто... меня уволили.

— С работы? — переспросила мама.

Я даже усмехнулась.

— Нет, мама, из клуба анонимных алкоголиков, конечно, с работы. — горько усмехнулась я.

— Аврора, я серьёзно. — строго произнесла мама.

— Я тоже.

Я слышала, как она что-то тихо сказала отцу, а потом снова вернулась ко мне.

— Почему, что произошло? — слышался её встревоженный голос.

И вот здесь я замолчала.

Потому что настоящая причина сидела где-то глубоко внутри меня, жгла грудь, заставляла просыпаться среди ночи, заставляла вспоминать его голос, его руки...

— Ничего особенного, — сказала я, и это была ложь такого качества, что мне самой было за неё стыдно, — реструктуризация, сократили позицию, всё стандартно, ничего личного.

— Аврора, ты две недели не берёшь трубку из-за реструктуризации? — не поверила мама.

— Я просто очень расстроилась из-за работы, — наконец сказала я, стараясь сделать голос максимально спокойным. — Я столько сил туда вложила, привыкла ко всему, а теперь

снова придётся начинать сначала.

— Ну и начнёшь, — уверенно сказал папа в трубку, и в его голосе было столько спокойствия. — У тебя теперь опыт работы с руководителем крупной компании, опыт командировок, переговоров, ты знаешь их внутреннюю кухню, ты вообще понимаешь, сколько компаний мечтают найти человека с таким резюме? У тебя всё получится, вот увидишь, найдёшь место ещё лучше прежнего.

— Лучше прежнего? — усмехнулась я, и в этой усмешке было столько горечи. — Пап, я работала помощницей генерального директора, какие места могут быть лучше?

— Папа прав, дочка, — мягко произнесла мама. — Ничего страшного, найдётся и другая работа. Обзвони похожие компании, отправь резюме, поговори со знакомыми, в конце концов.

— Ты у нас умница, ты справишься, не переживай, — продолжала она. — Мы с папой всегда рядом, мы поможем, мы поддержим, главное, чтобы ты была здорова, чтобы ты не унывала. Ты ведь не голодаешь там, у тебя есть деньги? Может, нам приехать? Может, тебе нужна помощь? — не унималась мама.

Я почувствовала, как слёзы начинают течь по моим щекам, как я не могу сдержать их, как они льются, как я плачу, но я старалась, чтобы мама не услышала, я прикрывала рот рукой, я кусала губы, чтобы не всхлипывать, и я сказала, а мой голос был сдавленным, почти неразборчивым:

— Нет, мама, не надо приезжать, всё хорошо, я справлюсь, просто... просто мне нужно время, чтобы пережить это, чтобы прийти в себя, и я позвоню, когда будет лучше, хорошо? Я люблю вас, я очень люблю, просто дайте мне немного времени, пожалуйста. Потом созвонимся.

Я попрощалась с ними, положила трубку, пока не разрыдалась окончательно, откинула телефон в сторону и сидела, смотрела в стену, чувствуя, как слёзы текут по моим щекам, как я задыхаюсь от этой боли, которая разрывает меня на части.

Контакты.

Точно.

Я села на пол рядом с сумкой, которая валялась там ещё с того самого дня, когда я в слезах и под дождём добрела домой. Руки дрожали, когда я начала рыться внутри, вытаскивая старые чеки, скомканные салфетки и какую-то мелочь, пока наконец пальцы не нащупали плотный прямоугольник картона. Я вытащила визитку Андреса и долго смотрела на неё, сомневаясь, стоит ли звонить, потому что просить помощи у человека, которого едва знала, было стыдно и страшно, но сидеть дальше в этой пустоте было ещё страшнее. Я понимала, что если не сделаю этот шаг и останусь здесь, в этой пустоте, в этой боли, то я никогда не смогу выбраться, никогда не смогу забыть его, никогда не смогу жить дальше.

Я покрутила визитку в пальцах.

— Ну давай, Аврора, — тихо сказала я самой себе, — ху-

же уже всё равно некуда.

Телефон оказался в руке раньше, чем я успела предупредить.

Я набрала номер.

Гудок. Второй. Третий.

Я уже собиралась сбросить, когда на другом конце наконец раздался знакомый мужской голос:

— Алло? Андрес Торни слушает.

Я заговорила, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно, хотя на самом деле он дрожал:

— Здравствуйте, это Аврора, мы познакомились в офисе Марка Хеймана, я была его помощницей, вы дали мне свою визитку, и я...

На несколько секунд повисла тишина, а потом в его голосе появилась знакомая усмешка.

— Аврора, ну конечно, я помню. Рад, что вы позвонили. Что-то случилось?

Я почувствовала, как слёзы подступают к глазам, как не могу их сдержать, но заставила себя говорить.

— Мне нужна помощь, меня уволили, и я подумала, что, может быть, вы сможете помочь, если у вас есть вакансия или вы знаете кого-то, кто ищет сотрудника с моим опытом. — тихо произнесла я.

И замолчала.

— Хорошо, запишите адрес, — сказал он после короткой паузы. — Приезжайте завтра вечером.

— К вам? — уточнила я.

— Ко мне, — подтвердил он.

— И что будет? — осторожно спросила я.

Я услышала его тихий смешок.

— Завтра узнаете. Я не обещаю ничего конкретного, но я обещаю, что выслушаю и сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вам. — спокойно ответил он.

— Спасибо, — выдохнула я. — До завтра.

— До завтра, — сказал Андрес.

Я быстро записала адрес, который он продиктовал, и повесила трубку, оставаясь сидеть на полу с визиткой в руках и ощущением, что впервые за эти две недели у меня появился хоть какой-то шанс не утонуть окончательно.

И впервые за несколько недель я встала с дивана и пошла в ванную, чтобы умыться и посмотреть на своё отражение в зеркале.

Глава 34.

Аврора.

На следующий день я проснулась с очень странным ощущением, будто у меня впервые за несколько недель появилась какая-то конкретная задача, которую необходимо выполнить, и, как ни странно, именно это немного привело меня в чувство, потому что до этого мои дни состояли преимущественно из лежания на кровати, бессмысленного листания телефона и попыток не думать о человеке, о котором я думала практически каждую секунду.

К вечеру я уже минут двадцать стояла перед шкафом и пыталась решить, что надеть на встречу с Андресом, причем сама не понимала, почему так переживаю, ведь я шла не на собеседование и даже не на свидание. Я выбрала что-то достаточно простое, привела себя в более-менее приличный вид, нанесла немного косметики, собрала волосы и несколько раз попыталась улыбнуться своему отражению, пока окончательно не решила, что выглядеть счастливой я сегодня не обязана, достаточно хотя бы не выглядеть так, словно меня недавно переехал грузовик.

Адрес, который прислал Андрес, я открыла в телефоне еще раз, пока ехала в такси, и с каждой минутой мое недо-

умение становилось все сильнее, потому что никакого офиса там не было, никакого бизнес-центра, стеклянных дверей, ресепшена или таблички с названием компании, только обычный спальный район и довольно типичная многоэтажка, и от этого мне стало не по себе, потому что я не была готова к чему-то интимному. Почему он не предложил встретиться в более официальном месте? Но я понимала, что у меня нет выбора, что если я хочу выбраться из этой ямы, я должна довериться ему, я должна пойти на этот риск, даже если он казался мне странным и необъяснимым.

Я вышла из машины, подняла глаза на дом и несколько секунд просто стояла возле подъезда.

— Отлично, — пробормотала я, — значит, либо у Андреаса очень своеобразное представление о деловой встрече, либо я скоро окажусь в криминальной хронике.

Не то чтобы Андреас мне не нравился... Он привлекательный, уверенный, забавный...

Просто он был не Марк.

Наверное, это глупо, всех подряд сравнивать с ним, но мне казалось, что я больше никогда не встречу никого, кто хотя бы капельку мог бы быть похожим на него, и от этой мысли внутри снова поднималась знакомая, горькая смесь злости и любви, которую я так и не смогла вырвать из себя за эти две недели, как бы ни старалась.

Я злилась на него... злилась и продолжала любить его с той же разрушительной силой.

Иногда мне казалось, что я ненавижу его настолько сильно, что еще немного и смогу забыть, и это было так глупо, так наивно, но эти чувства невозможно просто вырвать из груди, стереть из памяти или заменить кем-то другим, оставляя мне лишь единственную задачу, просто продолжать жить, дышать и терпеливо ждать того момента, когда эта всепоглощающая боль перестанет быть центром моей вселенной.

Я остановилась перед дверью и несколько секунд собиралась с духом, после чего постучала.

Раз. Два. Тишина.

Я уже собиралась постучать еще раз, когда за дверью слышались шаги, как кто-то подходит к двери, и я затаила дыхание, не зная, что меня ждет за этой дверью, и когда она открылась, я увидела... Лилиан. Я удивилась так сильно, что на секунду потеряла дар речи, но она, кажется, вообще не была удивлена моему визиту.

— Лилиан? А ты... — начала я растерянно.

— Не спрашивай, — сказала она, махнув рукой, и мягко улыбнулась. — Проходи, мы ждали тебя.

Я медленно вошла внутрь, и первое, что услышала, был тихий, едва различимый детский звук, сделала несколько шагов в гостиную и остановилась.

Андрес стоял возле дивана, держа на руках маленький сверток, который сонно сопел у него на груди, и выглядел настолько непривычно спокойным и нежным, что я несколько секунд просто смотрела на него, забыв о том, зачем вооб-

ще сюда пришла. Он покачивал ребенка на руках, осторожно поглаживая маленькую спинку, и когда поднял голову и увидел меня, его лицо тут же изменилось, а на губах появилась знакомая улыбка.

— Тсс, — тихо предупредил он.

Я автоматически понизила голос.

— Она спит? — шепотом спросила я.

— Только что уснула, — тихо ответила Лилиан, глядя на него с каким-то очень теплым выражением. — Алессия сегодня решила устроить нам полноценную ночную смену.

Я посмотрела на ребенка.

— Она прекрасная, — восхищенно прошептала я.

— Еще бы, — с гордостью сказал Андрес, и в его голосе было столько нежности, что я невольно улыбнулась.

Он осторожно направился в соседнюю комнату, а Лилиан указала мне на диван.

Я села, и смотрела, как Андрес осторожно, почти бесшумно, встает и уносит ребенка в спальню, и повернулась к Лилиан:

— А вы... — осторожно начала я.

— Нет, — резко сказала Лилиан, но потом продолжила уже неувереннее, глядя в ту сторону, куда ушёл Андрес. — Андрес... он... помогает мне с ребёнком. И всё.

Я посмотрела в сторону комнаты, куда ушел Андрес, и почему-то подумала, что у каждого человека, кажется, есть какой-то кусок жизни, который он тщательно прячет за дверью.

У меня таким куском был Марк.

— Понятно... — тихо ответила я, хотя ничего понятного в этой ситуации не было. — А меня... вот уволили...

В этот момент Андрес вернулся в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь, и сразу улыбнулся мне своей обычной, слегка насмешливой улыбкой.

— Аврора, какая приятная встреча, кто бы мог подумать, что мы так замечательно соберемся тут в тесном кругу, — радостно произнес он, усаживаясь рядом. — Только Марка не хватает для полного комплекта.

— Не надо Марка... — тихо, почти беззвучно попросила я, чувствуя, как к горлу подступает предательский ком, и Лилиан мгновенно уловила изменение моего настроения, строго и предупредительно посмотрела на Андреса.

— Всё, молчу-молчу, — поднял он руки и сел на диван напротив меня, пока Лилиан ушла на кухню.

Андрес грустно глянул ей вслед, а потом перевёл взгляд на меня, и в его глазах вдруг появилось что-то серьёзное.

— Я не знаю, что между вами произошло, — сказал Андрес, и голос его был серьёзным, без прежней лёгкости, — но я могу сказать одно: в свое время Марк помог мне с Лилиан, когда у нас все было... очень сложно, поэтому сейчас я хочу помочь тебе.

В этот момент Лилиан вернулась из кухни с подносом и поставила на столик три чашки чая.

— Спасибо, — сказала я, беря свою чашку обеими рука-

ми.

Андрес немного откинулся на диван.

— Как ты знаешь, моя компания занимается инвестициями... разных компаний, больших и маленьких, на Тартозе и в других городах, — начал он, переходя к делу. — Так вот, недавно мы выкупили большую часть акций в одном небольшом издательстве в Сан-Секвойе...

Я внимательно слушала.

— Конечно, должность главного помощника не обещаю, — продолжил он. — Это издательство не такого масштаба, как твоё предыдущее место работы, а вот должность редактора вполне могу устроить. Что скажешь?

— Это было бы то, что нужно, — тихо ответила я. — Кажется, личный помощник из меня вышел не очень... тем более я всегда больше любила писать, чем заниматься бумажками.

— Ну и замечательно, — хлопнул он в ладоши так громко, что Лилиан уже начала злиться.

— Простите, — тут же прошептал он, виновато глядя в сторону спальни. — К сожалению, не могу уладить это так быстро, как хотелось бы. Надо ещё найти корпоративную квартиру, билеты и прочие взрослые заморочки, поэтому выйти ты сможешь не раньше конца следующего месяца... Тебе есть на что жить? Ну, в том плане, если что, я могу..., — предложил он.

— Не нужно... — быстро остановила я его, потому что

принимать ещё и деньги было уже слишком. — Конец следующего месяца мне подходит. Тем более Марк обещал, что придут деньги... так что всё нормально.

Я сказала это и почувствовала, как внутри меня разливается горечь, потому что даже сейчас, даже после всего, что он сделал, я все еще зависела от него, и уезжать отсюда означало окончательно признать, что всё, что было между мной и Марком, действительно закончилось, и от этой мысли внутри снова становилось пусто и холодно.

Андрес посмотрел на меня внимательнее, словно хотел что-то спросить, но передумал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда поздравляю, Аврора, скоро ты сменишь этот унылый Нордхавен на зелёную Сан-Секвойю.

Я посмотрела на него и попыталась улыбнуться.

Сан-Секвойя.

Новое место. Новая работа. Новая жизнь.

Звучало красиво.

Я посмотрела на свою чашку, на тонкую струйку пара над чаем и вдруг поймала себя на мысли, что мне страшно. Страшно начинать всё заново. Страшно уезжать. Страшно оставить город, в котором остался человек, которого я пыталась забыть каждую минуту последних нескольких недель.

И еще страшнее было признать себе, что где-то глубоко внутри я всё равно надеялась, что однажды Марк позвонит. Скажет, что всё это было ошибкой. Скажет, что он любит

меня, что ему плевать на компанию, отца, Макса, Нору и весь этот безумный мир, если рядом со мной ему придется начать всё сначала. Но я знала, что это никогда не случится, что это просто глупая, наивная надежда, которая умирает в моей душе, но не может исчезнуть полностью.

Глава 35.

Марк.

Почти два месяца.

Почти два месяца прошло с того утра, когда я собственными руками подписал заявление об увольнении Авроры. Последние два месяца я функционировал скорее как механизм: отчёты пишутся, а совещания проходят по расписанию, и снаружи всё выглядело хорошо, судя по реакции окружающих, как трудоголизм высшей пробы, как человек, который настолько предан делу, что забывает уехать домой, и я не разубеждал никого в этом, потому что объяснять правду было значительно сложнее.

Правда была в том, что дома было хуже.

Дома была кухня, где мы готовили новогодний ужин, и теперь эта кухня была просто кухней, где я иногда варил кофе. Диван в гостиной был тем диваном, на котором она уснула в новогоднюю ночь, теперь же это был просто диван, предмет мебели.

Поэтому я не ехал домой.

Я оставался в кабинете, спал на диване, иногда прямо за столом, положив голову на руки, спал по несколько часов, просыпался и снова смотрел в отчёты.

Мой отец был рад такому рвению.

Он ходил по офису и улыбался, как малое дитя, когда видел меня и Макса вместе на совещаниях, он думал, что мы наконец-то помирились, что мы стали командой, что его мечта о том, чтобы его сыновья работали вместе, наконец-то сбылась, и я смотрел на его счастливое лицо и чувствовал, как внутри меня поднимается волна злости, потому что я ненавидел Макса с каждой секундой всё сильнее, я терпел его присутствие, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ему в горло за то, что он разрушил всё, что у меня было.

Мы редко общались с Максом, только при отце, и я старался не смотреть на его самодовольное лицо, не слушать его рассуждения о бизнесе, которые шли вразрез с моими мыслями о том, как надо вести дела. Он воспользовался полученной властью с удовольствием, начал вмешиваться в крупные проекты, требовать доступа к документам, присутствовать на переговорах, спорить с руководителями отделов и раздавать советы там, где их никто не просил, и я с каждым днём всё чаще ловил себя на мысли, что ещё одна его фраза о том, как нужно вести бизнес, и я просто выйду из переговорной, сяду в машину и уеду куда-нибудь.

Почти два месяца, всего два гребанных месяца, а я чувствовал, как будто прожил целую вечность, как будто я состарился на десять лет, как будто из меня выкачали все силы. Я чувствовал, что хочу сдохнуть, что я хочу просто перестать существовать, но я не мог. Просто лежал в своей пу-

стой квартире и смотрел в потолок, и думал о ней, о том, что она, возможно, плачет, ненавидит меня, или она уже нашла кого-то другого, и от этой мысли я чувствовал, как внутри меня поднимается такая волна боли и ревности, что я готов был кричать, но я просто лежал и смотрел в потолок, и чувствовал, как время тянется бесконечно долго, и каждая секунда длится вечность.

За эти два месяца я так и не вернулся к Элеоноре, хотя отец несколько раз довольно прозрачно намекал, что ситуацию ещё можно исправить, что помолвку можно восстановить, что отношения с семьёй партнёра иногда требуют определённой гибкости, что Нора по-прежнему заинтересована в браке и что для компании это будет выгодно.

Я выслушивал всё это молча, а потом говорил одно и то же: что я не женюсь на ней.

Отец злился.

Наверное, после всего, что я уже отдал, мне хотелось сохранить хотя бы одну вещь, которую я мог выбрать сам.

Смешно, правда.

Я сохранил себе право не жениться на женщине, которую не любил, и отдал единственную женщину, которую действительно любил.

Великолепный бизнесмен.

С алкоголем всё получилось ещё проще.

Я никогда особенно его не любил, всегда относился к нему спокойно, мог выпить бокал вина на ужине или пару бокалов

виски после тяжёлого дня, следил за питанием, тренировки, режимом сна и вообще довольно неплохо умел контролировать себя, пока однажды не понял, что контроль больше ни на что не влияет.

Первый стакан оказался просто способом уснуть. Второй помогал не думать.

А потом я перестал считать.

Иногда я пил дома, иногда в кабинете, иногда перед совещанием, когда понимал, что мне предстоит несколько часов слушать Макса, и в какой-то момент сотрудники начали замечать, что их начальник стал раздражительным, резким и слишком часто смотрит на часы, словно сам ждёт окончания собственного рабочего дня.

Пятница была такой же, как все остальные дни, то есть никакой, серой, без начала и конца, просто очередной блок времени, который надо было пережить. Я сидел над отчётом, который перечитывал уже, кажется, в четвёртый раз, хотя за все четыре раза не смог запомнить ни одной цифры. Я смотрел и думал ни о чём, точнее, об одном и том же, о том же, о чём думал последние два месяца.

Я потерял виски и откинулся в кресле, медленно провел ладонью по лицу и посмотрел на часы.

Двадцать три минуты десятого, но домой ехать не хотелось.

Цифры расплывались.

Я взял ручку, сделал какую-то пометку, перечитал её и

понял, что написал одно и то же число дважды.

— Господи, Марк, соберись, — пробормотал я себе под нос, раздраженно бросая ручку на стол.

В этот момент дверь кабинета открылась, без стука или со стуком, я не услышал. Я поднял голову, готовый увидеть кого угодно из сотрудников, которые иногда задерживались, но увидел Андреса.

Он закрыл за собой дверь и несколько секунд просто смотрел на меня, переводя взгляд со стакана на мою помятую рубашку, потом на раскрытые папки, а затем снова на моё лицо.

— Хреново выглядишь, товарищ, — сказал Андрес, плюхаясь на диван напротив моего стола и сразу же наливая себе бокал виски из почти опустевшей бутылки, которая уже несколько дней стояла у меня под рукой.

— Я в курсе, — ответил я грубо, не поднимая глаз от бессмысленного отчёта, в котором цифры давно уже плыли перед глазами, но Андрес, как всегда, не обратил на мою резкость никакого внимания, лишь прищурился, глядя на бутылку.

— Мне кажется, или в прошлый раз тут было больше? — сказал он с лёгкой усмешкой, явно намекая на то, как быстро я опустошаю запасы.

— Это новая, — ответил я спокойно, поднимая свой полупустой бокал, чтобы он мог убедиться, и сделал ещё один глоток, чувствуя, как алкоголь на мгновение притупляет ту

постоянную, ноющую боль.

— Я, конечно, слышал об изменениях в вашей конторе, но чтобы так... — продолжил он весело, делая глоток и наблюдая за мной поверх бокала.

Я снова уткнулся в бумаги, надеясь, что этот разговор закончится сам собой, однако Андрес явно не собирался уходить.

— Зачем ты пришёл? — спросил я холодно, потому что настроения шутить с другом, пусть даже самым близким, у меня сегодня особо не было.

— Хотел немного похвастаться, — совершенно серьёзно ответил он, откинувшись на спинку дивана, и в его голосе впервые за весь вечер появилась неподдельная гордость. — У меня родилась дочь.

Я поднял глаза и несколько секунд просто смотрел на него, чувствуя, как внутри что-то слабо дрогнуло, не зависть, нет, скорее странное, далёкое эхо того, чего у меня самого никогда не будет.

— Поздравляю, — сказал я, заставляя себя поднять на него взгляд. — Извини, подарка не подготовил.

Андрес только махнул рукой.

— О да, ничего страшного, можешь не дарить мне яхту до следующего месяца, я потерплю, — отмахнулся он.

Я впервые за весь вечер усмехнулся, и это оказалось настолько непривычным ощущением, что я сам почти удивился собственной реакции.

— Как назвали? — спросил я.

— Алессия, — тихо произнес он.

Он произнёс это имя с таким выражением лица, будто только что сообщил мне о рождении новой звезды, и я невольно задержал на нём взгляд, потому что никогда не видел Андреса таким спокойным и одновременно счастливым.

— Красивое имя, — кивнул я.

— Лилиан выбирала, кстати, она передавала тебе привет, — сказал он, улыбнувшись.

— Добился своего всё-таки, — сказал я, и в голосе впервые за долгое время появились почти дружелюбные нотки.

Андрес посмотрел на меня поверх стакана и театрально вздохнул.

— Если не считать того, что я ночую в гостиной на диване, а не под боком любимой женщины, то да, но ты знаешь, есть к чему стремиться, — ответил он весело, пожимая плечами.

— Ты заслужил, — усмехнулся я. — Я бы вообще тебя на порог не пустил, — заметил я уже без прежней грубости, скорее в шутку.

— Марк, я был на родах, — возмутился он, поставив стакан на подлокотник. — Мне кажется, за это мне должны были простить все мои прошлые грехи.

Я тихо рассмеялся.

— Это зависит от того, сколько их было, — хмыкнул я.

— Не будем портить прекрасный вечер статистикой, — легко отпарировал он.

Я снова улыбнулся, и несколько секунд в кабинете было почти спокойно, настолько спокойно, насколько вообще могло быть в моей жизни сейчас.

Потом Андрес замолчал.

Он поставил стакан на столик, посмотрел на меня внимательнее и несколько секунд молчал, словно подбирал правильные слова.

— А ещё, — наконец произнес он, — у меня недавно был один очень интересный разговор.

Я медленно поднял взгляд.

— И? — переспросил я.

— С одной очень прекрасной дамой, — сказал он медленно, явно проверяя мою реакцию, и он не ошибся.

Внутри меня словно что-то оборвалось.

Я перестал двигать пальцами, которыми до этого машинально перелистывал страницы отчета, и почувствовал, как тело мгновенно напряглось, хотя внешне постарался сохранить прежнее спокойствие. По коже пробежала предательская дрожь, потому что мы оба прекрасно знали, о ком именно идёт речь.

— Она звонила тебе? — спросил я, стараясь говорить ровно, хотя голос предательски стал ниже.

Андрес несколько секунд смотрел на меня, словно решал, насколько сильно хочет сейчас издеваться над моим самообладанием.

— Да, — коротко кивнул он.

Я опустил глаза на свой стакан.

Виски уже почти не оставалось, лёд давно растаял, напиток стал тёплым и каким-то безвкусным, и я вдруг поймал себя на том, что сжимаю стакан настолько сильно, что побелели пальцы.

— И? — не выдержал я.

— Мы виделись, — ответил он.

Глава 36.

Марк.

Я провел ладонью по лицу и тихо спросил:

— Она что-нибудь говорила обо мне?

Андрес откинулся на спинку дивана, покрутил стакан в пальцах и посмотрел на меня с улыбкой. Он явно знал гораздо больше, чем собирался сказать.

— Немного... — сказал он и замолчал.

— И что именно? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

— Поэтому я и пришел, — сказал Андрес уже серьезнее, поставив стакан на столик. — Что случилось, Марк?

Я промолчал.

Он несколько секунд изучал мое лицо, а потом добавил:

— И если ты сейчас начнешь втирать мне какую-нибудь дичь про сокращение штата, оптимизацию расходов и внезапное изменение корпоративной стратегии, я сейчас же уйду.

Мне хотелось сказать ему, что он лезет не в свое дело, что все уже закончилось, что Аврора уволена, что решение принято и что обсуждать здесь больше нечего. Только Андрес был моим другом, и, наверное, впервые за два месяца мне

действительно захотелось перестать держать все внутри.

Я поднял на него глаза.

— Что ты хочешь от меня услышать, друг? — спросил я тихо.

Андрес резко поднялся с дивана.

— Что? Ты меня спрашиваешь? — удивился он.

Я лишь промычал что-то невнятное, глядя в свой бокал.

Он начал ходить по кабинету, явно пытаясь не сорваться. Я видел, как менялось его лицо, потому что он постепенно складывал в голове те куски информации, которые до этого казались ему совершенно несвязанными между собой.

— Я пытаюсь понять, почему малознакомая девушка почти в слезах звонит мне и спрашивает, не найдется ли у меня работа, — сказал он, остановившись возле окна.

Я опустил глаза.

— Я подумал, что, может, у вас какая-то реорганизация, поэтому помог ей, чем смог, — продолжил Андрес, снова повернувшись ко мне. — А потом я немного покопался в новостях и узнал, что ваша контора, как она там называется...

— «ИнсайтМедиаГрупп», — сказал я автоматически.

— Да вот это вот, — махнул он рукой, — выиграла огромный тендер, подписала контракт с Киоши, и даже, о чудо, поставила у руля нового второго генерального директора, которым, насколько я понимаю, стал твой брат, которого ты терпеть не можешь, так? — уточнил он.

Я кивнул.

— Так вот, — Андрес снова сел и теперь смотрел на меня без улыбки. — Я последний раз спрошу, Марк, какого чёрта у вас тут случилось?

Я посмотрел на него и понял, что больше не хочу придумывать объяснения.

— Ты действительно хочешь знать? — спросил я.

— Я уже приехал сюда вечером в пятницу и выпил твой виски, — сухо ответил он. — Теперь ты обязан рассказать.

Я невольно усмехнулся.

— Хорошо, — выдохнул я.

Я откинулся в кресле и на несколько секунд закрыл глаза.

И я рассказал ему всё. Абсолютно всё. Про Комореби, про ту чертову флешку, про то, как Нора украла данные из моего облака, про Макса и его ультиматум.

Андрес молчал до самого конца, не перебивал меня, не задавал вопросов, только время от времени делал глоток виски и смотрел куда-то перед собой. И от этого молчания мне становилось еще тяжелее, потому что я прекрасно понимал: он сейчас собирает в голове всю историю целиком. И мне почему-то очень хотелось услышать от него хоть что-нибудь, любую фразу, которая позволила бы мне почувствовать себя человеком, совершившим сложный, вынужденный поступок, а не последним идиотом на этой планете.

Когда я закончил, в кабинете повисла тяжелая тишина. Андрес долго смотрел на меня, поставил бокал на столик и медленно провел ладонью по подбородку.

— Очень занимательный рассказ, — сказал задумчиво Андрес, глядя на меня поверх бокала.

— Ну давай, скажи что-нибудь приободряющее, давай, — усмехнулся я, ожидая хоть какого-то слова поддержки.

— Я скажу, что ты полный идиот, Марк. Таких сказочных... долбое... кхм-кхм... идиотов ещё поискать надо, — произнёс он, слегка смягчая последнее слово, но смысл остался прежним.

— О, спасибо, друг, ты всегда найдешь нужные слова, не знаю, что бы я без тебя делал, — раздраженно произнес я, сделав глоток.

— Да пожалуйста, обращайся, — ответил он совершенно серьезно, после чего снова взял свой бокал.

Я несколько секунд смотрел на него, чувствуя, как внутри поднимается раздражение, хотя злиться на Андреса было бессмысленно, потому что он говорил то, что я и сам повторял себе каждую ночь.

— Сам-то... — произнес я, отставляя бокал. — Напомнить тебе, как ты просил меня за Лилиан?

Андрес замер.

Я почувствовал, как накопившееся за последние месяцы напряжение начинает вырываться наружу, и остановиться уже не получалось.

— Девушка пришла ко мне еле живая. Ты попросил меня помочь ей, я помог, дал работу, а потом выясняется, что она беременна, — резко произнес я и поставил бокал на стол.

Андрес отвел взгляд.

— Беременна, Андрес! — повторил я уже громче, чувствуя, как голос начинает дрожать от злости. — И весь офис, включая мою тогдашнюю невесту, считал, что этот ребенок от меня. Знаешь, сколько я тогда выслушал? Сколько я получил дерьма от Норы, от отца и от сотрудников, которые уже успели придумать обо мне половину биографии? — продолжил я, повышая голос.

— Я не знал, — начал он, — это было вынужденно, ситуация была...

— Вынужденно?! — я почти засмеялся. — А ты думаешь, у меня был большой выбор, когда я сидел в переговорной и Макс объяснял, что произойдёт с Авророй, если я скажу нет? Ты думаешь, мне хотелось видеть, как она плачет? Думаешь, я каждый вечер после этого спал спокойно, потому что сделал правильный выбор?

Мы оба выдохлись почти одновременно, и в кабинете снова повисло тяжёлое молчание, нарушаемое только тихим тиканьем часов. Я откинулся в кресле, закрыв глаза, и почувствовал, как злость медленно сменяется привычной, ноющей пустотой.

— Не тебе меня судить, друг, — сказал я уже тише.

Я снова взял бокал, но пить уже не хотелось, поэтому просто держал его в руке, ощущая холод стекла ладонью.

Несколько секунд мы молчали, пока Андрес наконец не заговорил.

— Она уезжает, Марк, — сказал он тихо.

Я поднял глаза.

— Что? — переспросил я.

— Аврора, — спокойно пояснил он, — я устраиваю её в издательство в Сан-Секвойе, она уедет в конце месяца.

Я медленно кивнул, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Да, пожалуй, так будет лучше... для нее, — глухо произнес я.

Последние два слова дались мне тяжелее всего, потому что я уже несколько недель повторял их себе практически каждый день, и на секунду мне самому захотелось в них поверить, потому что если она уедет, если между нами будут сотни километров, если она начнет новую работу, познакомится с новыми людьми, привыкнет к новой жизни, тогда, возможно, когда-нибудь она перестанет вспоминать меня.

Андрес внимательно посмотрел на меня.

— А для тебя? Что будет лучше для тебя, Марк? — прямо спросил он.

Я отвернулся к окну, смотрел на огни города внизу и думал, что на этот вопрос у меня не было ответа, последние два месяца вообще не думал о том, что будет лучше для меня. Я думал о виски, и об отчётах, и о том, как пережить следующее совещание с Максом, но не о том, что будет лучше для меня, потому что это казалось вопросом из другой жизни, из той, которая была до того разговора в переговорной.

— Она меня ненавидит, думает, что я ее бросил, потому что она мне надоела, — сказал я хрипло.

Андрес помолчал несколько секунд и потом спросил тихо:

— А ты? — тихо спросил он.

Я посмотрел на него.

Он уже знал ответ.

Наверное, я тоже знал его с той самой минуты, когда впервые понял, что мне хочется видеть ее рядом не как сотрудницу, и даже не как женщину, которая случайно оказалась в моей постели после слишком большого количества алкоголя, а как человека, с которым я хочу просыпаться, спорить из-за какой-нибудь ерунды на кухне, ехать куда-нибудь на выходные, возвращаться домой после тяжелого дня и слышать ее голос, потому что рядом с ней даже самый обычный вечер приобретал смысл.

— Я люблю её, — сказал я.

Слова повисли между нами, простые, но при этом совершенно бесполезные, когда я сам сделал все возможное, чтобы женщина, которую я люблю, больше никогда не захотела меня видеть.

Андрес опустил глаза и тихо выдохнул.

— Тогда тебе придется выбирать, Марк, — серьезно произнес он.

Я усмехнулся.

— Опять выбирать, — горько усмехнулся я.

— Да, опять, — сказал он, и в его голосе появилась легкая

улыбка. — Выбор, ответственность, последствия, контроль, стратегия, планы на пять лет вперед, отчеты, совещания, инвестиции, сделки... Ты всю жизнь строил вокруг себя систему, в которой каждое действие должно иметь понятный результат, и куда тебя это в итоге привело?

Я усмехнулся.

— Ты можешь оставить все как есть и больше никогда к ней не лезть, дать ей спокойно уехать, позволить ей построить новую жизнь и самому продолжить жить здесь, в этом кабинете, среди отчетов, попивая виски, пока однажды ты не поймешь, что прошло десять лет, — сказал он уже серьезнее.

Андрес поставил бокал на стол и на несколько секунд задумался.

— Подумай, у меня есть пара идей, как можно попробовать все устроить, и да, они будут неприятными и потребуют времени, потому что сейчас ты связан по рукам и ногам, — добавил он.

Он подошел к столу, взял свою куртку и некоторое время молча смотрел на нее, словно собирался уходить, затем снова повернулся ко мне.

— Я прекрасно понимаю тебя, Марк, — продолжил он мягче.

— Мне тоже пришлось выбирать, — тихо произнес он, — и я долго считал, что деньги, карьера, положение, репутация, все эти вещи имеют огромную цену.

Я молчал.

— Я оставил Лилиан на полгода, — повторил он тихо, — и она никогда меня за это не простит полностью, сколько бы времени ни прошло, сколько бы я ни пытался исправить последствия, сколько бы раз ни говорил ей, что тогда не понимал, что делаю. И она будет права. Я сам выбрал сначала то, что казалось важным, потом понял, что выбрал неправильно, и пришлось выбирать снова. И вот я теперь сплю на диване в гостиной и считаю это лучшим местом на земле.

Он на секунду улыбнулся.

— А потом появилась Алессия, — сказал он, и его лицо смягчилось.

Я посмотрел на него.

Андрес улыбался, и в этой улыбке было столько спокойствия, которого я давно не чувствовал внутри себя, что мне стало почти завидно.

— Знаешь, когда я беру ее на руки, я понимаю одну простую вещь: деньги, власть, должности, акции и все эти наши красивые цифры в отчетах, это такая херня, Марк, — сказал он совершенно спокойно, — маленькая, смешная, бесполезная херня, если тебе вечером некому сказать, что ты пришел домой.

— Ты решил стать моим психологом? — хмыкнул я.

— Боже упаси, — фыркнул он, — мне хватает Лилиан, чтобы каждый день получать бесплатный курс повышения квалификации по женской психологии.

Я впервые за долгое время рассмеялся, пусть всего на

несколько секунд, и Андрес, заметив это, тоже улыбнулся.

— Если что, я на связи, у тебя есть неделя, — сказал он, уже выходя из кабинета, — и Марк...

Он задержал взгляд на мне.

— Не позволяй страху принимать решения за тебя, — бросил он напоследок и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Дверь закрылась.

Я остался один посреди огромного кабинета, где на столе лежали документы, рядом стоял недопитый бокал виски, за окном мерцали огни Нордхавена, а в голове впервые за два месяца появилась мысль: *если я действительно люблю ее настолько, насколько сам себе в этом только что признался, у меня оставалась ровно неделя, чтобы решить, способен ли я наконец перестать быть человеком, который всю жизнь выбирает то, что от него требуют, и впервые сделать выбор самостоятельно.*

Глава 37.

Марк.

Прошла ровно неделя с того вечера, когда Андрес ушёл из моего кабинета, оставив после себя недопитый стакан виски, несколько фраз, которые я прокручивал в голове все эти дни, и одну единственную неделю на решение.

Чего **Я** хочу?

Не чего от меня ждут, не что будет выгоднее компании, не что скажет отец, не что принесёт больше денег, власти или уважения, а что хочу я сам?

Хотя, если быть честным с самим собой, решение я принял гораздо раньше, просто мне требовалось несколько дней, чтобы окончательно перестать искать причины остаться там, где я уже давно не хотел находиться, и признать простую вещь, которую раньше считал невозможной: иногда для того, чтобы начать новую жизнь, приходится сначала закрыть дверь в старую, даже если за этой дверью остаётся практически всё, что ты строил годами.

Готов ли я рискнуть всем, что у меня есть, ради шанса, который может даже не обернуться успехом?

Я сидел в переговорной на очередном совещании и чувствовал, как внутри меня нарастает странное, почти болез-

ненное спокойствие человека, который уже принял решение и теперь просто ждет момента, чтобы привести его в исполнение.

После того как Макс официально занял кресло второго руководителя, бремя проведения всех этих утомительных собраний перешло на его плечи, чему я был искренне рад, поскольку у меня полностью иссяк запас внутренних сил стоять перед советом директоров, натягивать на лицо дежурную улыбку и с пафосом рассказывать о высоких показателях, поэтому я предпочитал молча приходить, отсиживать положенное время и так же тихо уходить, пока кто-нибудь из акционеров не начинал задавать неудобные вопросы относительно моего болезненно странного состояния.

В этот раз все происходило по привычному сценарию, я занял свое место в дальнем углу массивного стола и полностью погрузился в собственные мысли, пока Макс увлеченно вещал о каких-то очередных показателях, предлагал сомнительные способы оптимизации расходов и выдавал прочую корпоративную ересь, которая звучала невероятно красиво, раньше я бы обязательно нашёл десять ошибок в презентации, двадцать причин для спора и ещё несколько способов вывести его из себя одной фразой.

Сегодня мне было всё равно.

Я слушал первые несколько минут, а потом перестал. Не потому, что не понимал, о чём он говорит, я как раз слишком хорошо понимал, о чём он говорит, чтобы не заметить,

насколько красиво звучащие формулировки на самом деле скрывали решения, которые через полгода могли обернуться для компании весьма неприятными последствиями.

Пусть делает.

Если Макс действительно хочет играть в большого руководителя, пусть сам потом разбирается с результатами своего гениального управления, я же умываю руки. Впервые за много лет я почувствовал, что мне действительно не хочется спасать эту компанию от каждой ошибки, которую совершает мой брат, и странным образом это ощущение оказалось почти приятным. Я больше не обязан что-то исправлять, что-то кому-то доказывать, приходить сюда и делать вид, что мне всё ещё есть дело до происходящего.

Не потому, что внезапно перестал ценить то, что создавал годами, и не потому, что мне стало плевать на деньги или репутацию. Просто в какой-то момент я понял, что если ещё раз позволю кому-то решить за меня, как мне жить, то однажды проснусь стариком и обнаружу, что всю жизнь был очень успешным человеком в жизни, которую никогда не выбирал.

В середине его доклада, я уже даже перестал слушать, о чем он говорил, потому что все мои мысли занимало то, что я планировал сделать после этого совещания, взвешивал все за и против, хотя даже те «против», которые я пытался найти, в итоге превращались в «да».

Оставался отец.

Это было единственным что я не мог предугадать, не его реакцию, реакция как раз таки будет понятна, он взорвётся, будет кричать, но вот последствия...отец умел быть терпеливым в мести и непредсказуемым в деталях, и вот это беспокоило меня гораздо сильнее, чем вся эта бессмысленная болтовня.

В какой-то момент переговорная неожиданно стихла, я поднял голову и обнаружил, что все смотрят на меня. Отец сидел напротив и внимательно изучал моё лицо.

— Марк? Что ты думаешь? — спросил он.

Я моргнул, пытаюсь вспомнить, о чём они говорили последние несколько минут.

Безрезультатно, если честно, я даже не представлял, какую именно тему они сейчас обсуждали, посмотрел на Макса, тот ждал моего привычного разноса.

И, кажется, впервые за всё время немного расслабился, когда я спокойно ответил:

— Если Макс считает это целесообразным, я не возражаю.

Это была моя универсальная фраза за последние месяцы, и она была настолько расплывчатой, что никто не мог понять, слушаю ли я вообще, что происходит, или просто говорю что-то, чтобы меня оставили в покое.

Отец нахмурился.

— Ты не возражаешь? — переспросил он.

— Нет, — коротко бросил я.

— И всё?

— А что ещё тебе нужно услышать? — пожал я плечами.

Отец откинулся в кресле и несколько секунд изучал меня.

Я уже знал этот взгляд, он чувствовал, что что-то не так.

— Ты сегодня какой-то рассеянный, — наконец сказал он.

— У тебя всё в порядке?

Какая забота, сейчас расплачусь от умиления прямо здесь, перед всем советом директоров.

— Просто устал, — протянул я.

— От чего?

— От всего, — глухо ответил я.

Макс отвёл взгляд.

Отец нахмурился сильнее.

— Может, тебе стоит взять отпуск? — предложил он.

Я усмехнулся.

— Возможно.

— Возьми неделю, — настаивал отец.

— Может, даже больше, — пробормотал я.

Конечно, я непременно устрою себе отпуск, когда закончу всё, что задумал.

Отец хотел что-то сказать, но я резко поднялся из-за стола:

— Если вы закончили, — сказал я, — у меня тоже есть кое-что для обсуждения.

В комнате стало тихо.

Макс перестал улыбаться и напрягся, вот теперь он слушал. Я увидел, как он выпрямился в кресле, и почти физиче-

ски почувствовал, как его спокойствие исчезло. Он прекрасно знал, что я способен одним предложением разрушить всю ту красивую картину, которую он так старательно рисовал перед отцом и советом акционеров.

Но сегодня братец мог спать спокойно, возможно, даже с благоговейной улыбкой на лице.

— Мы тебя слушаем, Марк, — сказал отец.

Я достал папку и передал её через стол, отец молча начал читать, и я видел, как кровь медленно отступает от его лица, а потом так же стремительно заливает его багровым цветом.

— Ты что удумал, щенок?! Ты в своем уме?! Что это за бред?! — рявкнул он так, что несколько человек за столом невольно вздрогнули.

— Что там такое? — настороженно спросил Макс, в котором проснулось животное, параноидальное любопытство.

— Я продаю свою долю акций, — сказал я, — и ухожу с поста генерального директора.

Тишина в переговорной была такой, что я слышал, как кто-то из акционеров у дальнего края стола осторожно поставил чашку.

— И кому продал?! — отец уже не говорил, он кричал, и это было непривычно, потому что он редко терял эту свою холодную корректность. — Торни! Своему дружку Торни продал, думаешь если его компания поглотит нас, то, я позволю тебе потом спокойно всё выкупить обратно за бесценок?! Да я тебя живьём закопаю!

Отец был прав, я продал Андресу свои акции, чтобы он мог использовать их как рычаг давления на компанию, на случай если отец или Макс в будущем захотят вставить мне палки в колеса, но я не собирался выкупать их обратно.

— Мне не нужна эта компания, я ухожу и выкупать ничего не собираюсь, — спокойно парировал я, наблюдая, как отца буквально трясет от моего безразличия.

Отец был весь красный от гнева, я видел, как он сжимает кулаки, как он пытается сдержаться, чтобы не ударить меня.

— Я не даю согласие на эту сделку! — отец схватил папку и швырнул её на стол.

— Мне не требуется твоё согласие, — сказал я.

— Пока ты носишь мою фамилию, ты будешь согласовывать со мной такие решения! — продолжал он, ткнув пальцем в документы.

— Ты думаешь, ты сейчас просто развернёшься и уйдёшь? После всего, что я для тебя сделал? Я не позволю тебе разрушить то, что строил сорок лет! — взорвался отец.

— Я ничего не разрушаю, — спокойно ответил я.

— Ты продаёшь внушительный пакет акций человеку, который разоряет компании, а затем приобретает их акции по заниженной цене! — не унимался он.

— Торни заплатил за них по рыночной стоимости, — парировал я.

— Мне плевать на стоимость! — кричал он.

Он покраснел так сильно, что на висках проступили вены.

— Куда ты пойдёшь, а?! Не строй из себя независимого человека, Марк! Всё, чего ты добился, у тебя появилось благодаря мне! Мои связи, мои деньги, моё имя! Даже люди, которые сейчас смотрят на тебя с уважением, делают это потому, что знают, чьим сыном ты являешься, — взорвался отец.

Я смотрел на него и думал о том, что он частично прав, потому что, как бы мне ни хотелось сделать вид, что его слова ничего не значат, они всё-таки задевали, он дал мне многое, дал мне возможность учиться и расти, я не собирался делать вид, что это не так, но он дал мне это все не бесплатно. Наверное, именно поэтому я всю жизнь так отчаянно пытался доказать ему, что чего-то стою, что однажды даже сам начал верить, будто моя ценность действительно измеряется размером компании, количеством подписанных контрактов и цифрой на банковском счёте, и цена, которую я платил за это последние месяцы, была такой, что счёт давно выровнялся.

И вот теперь, стоя напротив отца, я вдруг понял, насколько устал от этой бесконечной гонки.

— Мне абсолютно все равно, отец, я уже все решил, — отвечал я с ледяным спокойствием, что злило его еще сильнее, заставляя его терять остатки самообладания.

Макс же молчал, переводя взгляд с меня на документы и обратно, словно пытался найти в происходящем какую-то выгоду для себя, теперь он уже не скрывал напряжения, потому что не понимал, как всё это может отразиться на его

положении.

— Ах, все равно ему, ты мне заплатишь такую неустойку, что твои будущие внуки будут мне деньги выплачивать, я заберу у тебя абсолютно все, и тогда ты приползешь к папочке на коленях! — рычал он, пытаясь контролировать меня привычными методами, думая, что может направлять меня как марионетку, а при непослушании тыкать носом.

Он до сих пор был уверен, что держит меня на коротком поводке.

Отец привык думать, что деньги являются последним аргументом в любом споре со мной, и раньше это действительно работало, потому что за всей моей независимостью всегда стояло понимание того, сколько я получил благодаря семье. Но он никогда не знал одной вещи, в отличие от Макса, который привык тратить деньги так, словно они появлялись у него из воздуха, я всегда умел считать. Я никогда не позволял себе жить только на том, что давал мне отец, даже когда у меня появилась высокая зарплата, я продолжал откладывать значительную часть дохода, вкладывал деньги в разные активы, следил за рынком, покупал доли в нескольких компаниях, и постепенно создал себе собственный капитал, о котором отец даже не подозревал.

Это не было какой-то гениальной финансовой стратегией.

Я просто с самого начала понимал, что человек, который полностью зависит от чужих денег, никогда не бывает по-настоящему свободным. И теперь эта предусмотрительность

впервые должна была сыграть мне на руку, у меня была достаточно приличная сумма, чтобы несколько лет вообще не думать о деньгах, если понадобится, а дополнительные инвестиции продолжали приносить мне доход, поэтому даже если отец действительно решит заблокировать все счета, которыми он когда-либо имел возможность управлять, я не окажусь на улице.

И вдруг все угрозы отца перестали казаться такими страшными.

— Можешь заблокировать счета, — спокойно сказал я. — Если тебе станет от этого легче.

Он ударил ладонью по столу и закричал еще громче:

— Ты неблагодарный ублюдок! Я тебя вычеркну из завещания, ты понял меня?! Ни копейки не получишь, не ты, ни твои выродки! Ты слышишь меня?! Ты умрешь нищим, а я буду смеяться над твоей могилой!

Он сказал «выродки» с такой грубостью, и настолько унижительно, что я понял, это его окончательное признание того, что он готов разорвать со мной последнюю ниточку, если я не соглашусь жить так, как ему удобно, что он никогда не примет моего выбора.

— С таким отцом и врагов не надо, — тихо произнес я.

Я развернулся и вышел из кабинета, и слышал, как он кричит мне вслед, как он угрожает, бросает в меня оскорбления, но я не обернулся. Раньше я бы обязательно остановился, попытался сгладить конфликт, вернулся бы, объяснил, поче-

му принял такое решение, предложил компромисс.

Сейчас же, мне было всё равно, я дальше шёл по коридору, чувствуя, как внутри меня нарастает странное, почти эйфорическое чувство свободы.

Глава 38.

Марк.

После совещания я ещё несколько минут сидел в кресле и смотрел на закрытую дверь. За ней оставались отец, Макс, совет директоров и компания, которую я сегодня официально перестал считать своей.

Я почему-то ожидал, что после этого мне станет легче.

Наверное, так обычно и бывает в красивых историях, где герой наконец бросает всё и отправляется навстречу новой жизни с гордо поднятой головой, желательно под вдохновляющую музыку и на фоне заката.

В моей жизни вдохновляющей музыки не было.

За дверью наверняка отец уже звонил юристам и пытался придумать, каким способом можно отменить мою сделку с Андресом, Макс наверняка думал, как все обернуть в свою пользу и выжать максимум денег из этой ситуации, а я сидел в собственном кабинете и пытался понять, почему меня так сильно тянет просто закрыть глаза и поспать.

Я открыл верхний ящик стола. Забрал часы, несколько дорогих ручек, старые визитки, зарядки, документы, какие-то записки. Всё остальное оставил: картины, книги, дорогую

технику. Даже ту чёртову кофейную машину, которую я когда-то выбрал лично и которая стоила неприлично дорого.

Пусть остаётся, мне было всё равно.

Я взял сумку, пальто и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Внизу у служебного входа уже ждал Андрес.

Он стоял возле машины, прислонившись к двери, и, увидев меня, окинул внимательным взглядом с головы до ног.

— Ну что, бывший генеральный директор, — сказал он.

— Я уж думал, ты там до пенсии просидишь, уже начал переживать, что ты передумал.

Я открыл дверь машины.

— Не дождешься, — ответил я.

— Значит, собрание прошло успешно? — спросил он.

Я сел на пассажирское сиденье.

— Если считать успешным то, что я лишился должности, продал акции и получил обещание быть вычеркнутым из заветования, то исключительно успешно.

Андрес сел за руль и завёл двигатель.

— А я говорил, что у тебя будет насыщенная неделя, — заметил он.

Некоторое время мы ехали молча, пока он наконец не спросил, не отрывая взгляда от дороги:

— Ты как? Не жалеешь? Только честно, Марк. Я должен знать, что ты не делаешь это на эмоциях.

Я посмотрел на мелькающие за окном улицы.

— Нет, — сказал я после короткой паузы. — Я жалею только о том, что не сделал этого раньше.

Андрес кивнул и прибавил скорость.

— Успеваем, — сказал он, посмотрев на часы на приборной панели, — если дороги не встанут, будем там вовремя.

Машина свернула на трассу к аэропорту. Дорога действительно была свободной, и можно было никуда не торопиться. И всё же внутри у меня постепенно появлялось напряжение, которое я не мог объяснить даже самому себе. Наверное, потому что сегодня заканчивалось слишком много вещей одновременно, назад дороги действительно не было, и дальше оставалось только посмотреть, что получится.

— Я думал, что будет страшнее, — признался я.

— Страшно? Из-за денег? — уточнил он.

Немного задумавшись, ответил:.

— Я всю жизнь знал, что будет завтра. Встречи, контракты, совещания, решения, планы на месяц вперёд. Даже если всё менялось, у меня оставалась эта компания. Сегодня я впервые понятия не имею, что будет через неделю.

Андрес улыбнулся.

— Привыкай, непредсказуемость очень бодрит, — усмехнулся он.

Я посмотрел на него.

— Легко тебе говорить.

— Мне вообще легко говорить. Я этим пользуюсь уже много лет, — сказал Андрес.

Я рассмеялся.

Андрес въехал на парковку аэропорта и остановился у терминала, и повернулся ко мне:

— Ну что, герой, финал. Беги, и не вздумай облажаться, Марк. Если ты сейчас споткнешься на ровном месте и сломаешь ногу, то вся эта затея пойдет прахом, так что будь осторожен.

— Спасибо тебе за все, Андрес, если что я всегда на связи, — искренне ответил я, выходя из машины.

Андрес усмехнулся, посмотрел на меня секунду, кивнул, и сказал:

— Да не за что, всегда пожалуйста. Давай, иди уже, у тебя самолет.

Внутри аэропорта было шумно. Люди проходили мимо с чемоданами, кто-то стоял возле табло, кто-то пил кофе, кто-то торопливо разговаривал по телефону. Стойка регистрации была в дальнем конце зала, я шёл к ней, смотрел на табло и боковым зрением искал её рейс.

— Подскажите, пожалуйста, рейс 1721 до Сан-Секвойи... тот, что должен был вылетать в ближайшее время. Он ещё здесь? — спросил я, подойдя к стойке регистрации.

Девушка быстро пробежалась глазами по монитору, потом подняла на меня вежливый взгляд.

— К сожалению, сэр, рейс уже улетел, борт буквально пять минут назад отогнали от трапа, — ответила она.

— Спасибо, — тихо произнес я и развернулся, чувствуя,

как внутри нарастает странное чувство освобождения, потому что она улетела, и теперь моя очередь сделать следующий шаг.

Я отошёл в сторону и остановился у высокого окна, глядя на лётное поле, где вдалеке ещё можно было различить взлетающие самолёты. Она уже была в воздухе. Я не успел её увидеть, мне не хватило всего каких-то несколько минут.

Впервые за очень долгое время я не пытался всё контролировать, понимая, что дальше будет только сложнее.

Аврора

Я проснулась раньше будильника.

В комнате было серо от раннего утра, а за окном медленно просыпался Нордхавен. Дождь, кажется, тоже решил проводить меня до самого аэропорта, потому что тонкие струйки воды уже ползли по стеклу, оставляя за собой длинные прозрачные дорожки.

Я лежала на спине, смотрела в потолок, пытаюсь убедить себя, что сегодня обычный день. Повернувшись на бок, я увидела чемодан, который стоял возле двери. В нём лежала вся моя жизнь: несколько килограммов одежды, книг, документов и каких-то совершенно бессмысленных мелочей, которые я зачем-то не смогла выбросить. Старый блокнот с работы, какие-то фотографии, пара серёжек, которые я почти никогда не носила.

Сев на кровать, я посмотрела на экран телефона. Ничего. Хотя где-то глубоко внутри меня всё ещё жила одна маленькая, совершенно нелепая надежда, что перед тем как поехать в аэропорт, он вдруг появится. Наверное, любовь действительно способна сделать из человека идиота, причём сам человек даже будет понимать, насколько глупо выглядит, но ничего не сможет с этим сделать.

Я приехала в аэропорт за три часа до вылета.

Стоя у стойки регистрации в переполненном зале, я ме-

ханически протягивала паспорт сотруднику авиакомпании. При этом глаза предательски продолжали сканировать раздвижные двери, выискивая в толпе пассажиров знакомый высокий силуэт и заставляя сердце биться сильнее каждый раз, когда на пороге появлялся мужчина в тёмном пальто.

Ой, ну конечно, почему бы Марку не бросить всё, и не приехать в аэропорт за женщиной, которую он собственноручно бросил?

Девушка на стойке регистрации улыбнулась мне, взяла мой паспорт. А я смотрела, как она что-то печатает, и думала, что вот сейчас она напечатает и протянет мне посадочный талон, и всё. Обратного пути нет, и это именно то, что мне нужно.

Паспортный контроль я прошла быстро. Стоя в очереди, думала о Сан-Секвойе, что там тепло и зелёно, о том, что издательство звучит хорошо. Что редактор, это профессия, которая мне подходит гораздо больше, чем личный помощник, что я буду работать с текстами, как и хотела. Представляла всё это, но краем сознания всё равно считала минуты.

До вылета оставалось два часа. Он всё ещё мог успеть.

Усевшись в зоне ожидания у огромного панорамного окна, выходявшего на взлётную полосу, я смотрела на бесконечный поток машин. Зная, что глупо надеяться на чудо, я всё равно не могла заставить себя отвести взгляд от дверей гейта, мысленно прокручивая сценарии нашего воссоединения: где он говорит, что всё это было чудовищной ошибкой,

а я посылаю его куда подальше, а он хватает меня за руку и целует так, что у меня дрожат колени.

Я усмехнулась:

— Господи, Аврора... Тебе пора снова обратиться к психологу.

Ко мне подошла женщина с маленьким ребёнком, спросила, свободно ли место рядом. Я кивнула, а сама смотрела на них и думала, что, возможно, когда-нибудь у меня будет такая жизнь: с мужем и ребёнком. Но я не могла представить себе другого мужчину, кроме него. Не могла представить, что буду с кем-то другим, что буду любить кого-то другого, что смогу когда-то забыть его.

Когда объявили посадку на мой рейс, я специально встала одной из последних, цепляясь взглядом за каждого запоздавшего пассажира. Шла по рукаву медленно, словно, давая ему ещё несколько бессмысленных секунд.

Я молча показала талон стюардессе. Найдя своё место у окна, я всё ещё краем глаза следила за проходом, хотя уже почти не верила.

Самолёт медленно тронулся.

Я прижала лоб к холодному иллюминатору и позволила слезам наконец скатиться по щекам, наблюдая, как бетонная полоса внизу начинает бежать быстрее, как терминал становится всё меньше, и как внутри меня что-то окончательно обрывается.

— Дура, — прошептала я.

Наверное, я имела право так себя называть, потому что я всё ещё любила его. И это было самое обидное: я могла злиться, могла ненавидеть. Могла рассказывать себе, что он чудовище, что его семья разрушила мне жизнь, что мне повезло уйти, что в Сан-Секвойе меня ждёт работа, новая квартира, новые люди, новые возможности.

Но я до последнего ждала его.

Он не пришёл. Конечно, не пришёл. И теперь, когда самолёт отрывался от земли, я впервые за долгое время позволила себе признать: этой надежды больше нет.

Впереди была новая жизнь, а старая, вместе со всеми своими глупыми ожиданиями, оставалась где-то там, далеко внизу.

Глава 39.

Аврора.

Сан-Секвойя встретила меня солнцем.

Это было настолько неожиданно после Нордхавена, что первые несколько минут я просто сидела в такси и завороченно смотрела в окно. Солнце отражалось в стеклянных фасадах домов, на улицах было много зелени, какие-то деревья нависали над тротуарами, а между зданиями то и дело открывались виды на залитые светом холмы и воду, которая сверкала где-то вдали.

— Красиво, — пробормотала я, прижавшись лбом к стеклу.

Водитель посмотрел на меня через зеркало.

— Первый раз в Сан-Секвойе? — поинтересовался он.

— Да, — ответила я.

— Тогда вам повезло с погодой.

Я посмотрела на солнце.

— После Нордхавена мне кажется, что мне повезло уже просто с тем, что на небе нет ни единого облачка.

Он засмеялся.

— Ничего, вы быстро привыкнете, ещё будете скучать по серым и дождливым дням.

— Это вряд ли, — ответила я.

Квартира, которую для меня нашел Андрес, оказалась очень уютной. Небольшая студия с большим окном, выходящим на залив, и с крошечной кухонькой, где можно было готовить кофе по утрам. Конечно, до моей квартиры в Нордхавене ей было далеко, там всё было собрано буквально по кусочкам, но я чувствовала, что скоро обживусь и тут.

Пожалуй, это было бы здорово. Впервые за долгое время мне захотелось чего-то простого: позвонить друзьям, пойти в магазин и купить новую кружку или выбрать полку для книг.

Поэтому на выходных я практически не разбирала вещи. Вместо этого я надела кроссовки и пошла гулять. Несколько часов я гуляла по району, рассматривала улицы, заходила в маленькие магазины, запоминала расположение супермаркета, аптеки, булочной, нескольких кофеен и какого-то крошечного книжного магазина, который обнаружился совершенно случайно. Я смотрела на прохожих, слушала шум улицы и чувствовала, как внутри меня постепенно уходит то напряжение, которое держало меня в тисках все эти месяцы. Как будто жизнь действительно начала налаживаться.

Хотя Марк по-прежнему крепко сидел в голове и никуда не собирался исчезать. Я всё ещё любила его и всё ещё злилась, но постепенно начала принимать произошедшее: не оправдывая его, не забывая его поступок, а просто принимая то, что Марк сделал свой выбор, а я свой. И, наверное, ко-

гда-нибудь это перестанет болеть. И это странным образом давало немного сил двигаться дальше.

В понедельник я проснулась ещё до будильника. Пожалуй, старая работа оставила во мне неизлечимую привычку приходить куда-то раньше всех, поэтому мой организм никак не хотел принять то, что уже не надо никуда спешить, расталкивая всех локтями в тесном вагоне метро.

Зайдя в здание издательства, я подумала о том, что Андрес был прав: оно действительно было небольшим. Общее рабочее пространство, разделённое невысокими перегородками, столы, компьютеры, книжные стопки, кружки, какие-то распечатки, заметки и фотографии, прикреплённые к стенам.

С первого взгляда мне понравилось это место. Мне даже стало немного легче.

— Здравствуйте, меня зовут Сара, я старший редактор. А вы, наверное, Аврора, верно? — спросила женщина, подходя ко мне.

Я повернула голову. Передо мной стояла женщина лет сорока с искренней улыбкой.

— Да, это я, — сказала я, немного засмущавшись от того, что все в рабочей зоне подняли головы, чтобы посмотреть на меня. Что ж, судя по всему, мой приход здесь ждали с определённым любопытством.

— Мы вас ждали, Аврора, — сказала Сара и мягко взяла меня под локоть, ведя к рабочим местам. — Честно гово-

ря, мы были крайне удивлены, узнав, что вы захотели перевестись к нам с такой высокой должности.

Я замерла буквально на секунду.

Перевестись? Интересно. Потому что я ожидала чего угодно: представления в качестве нового сотрудника, рекомендации от Андреса, но не «перевода». Перевод означал, что кто-то договорился с «Инсайт Групп», что кто-то сделал так, чтобы в моём личном деле не было увольнения. Неужели Андрес каким-то образом всё устроил?

Или...

Марк?

Нет. Не надо искать подвох там, где его нет.

Конечно, это был Андрес. Наверное, он решил, что мне будет проще начинать работу без позорного пятна в резюме, и я была ему очень благодарна. Просто странно, что имя, которое первым пришло мне в голову, было другим.

— Я всегда любила работать с текстом. Всё-таки я журналист по образованию, не хотелось бы, чтобы диплом пролежал просто так, — сказала я, пытаясь выглядеть максимально убедительно.

Сара понимающе кивнула.

— Прекрасно понимаю. Можно же на «ты»? У нас тут все на «ты», неформально.

— Конечно, — кивнула я.

Она повела меня дальше.

— У нас недавно сменилось руководство, но сам костяк

остался прежний, так что не переживай, сплетен и интриг не будет, — сказала она.

Я мысленно усмехнулась. Сплетен и интриг мне хватило на прошлой работе, спасибо и на этом. Наверное, нигде не может быть так плохо, как там, так что я готова к любым испытаниям, лишь бы не возвращаться в тот ад, который я пережила.

— Вот твоё рабочее место, — сказала Сара, подводя меня к уютному столику у огромного окна, откуда открывался потрясающий вид на город.

Я посмотрела туда и невольно задержала дыхание.

— Красиво, — выдохнула я.

— Правда? Я специально попросила, чтобы тебе оставили это место.

— Спасибо, Сара, — искренне улыбнулась я.

— Можешь обживатьаться как хочешь. Мы тут все люди творческие, поэтому не удивимся, если через неделю у тебя появится кружка с котятами, три кактуса и наклейки с Пикачу.

Где-то за перегородкой рассмеялась девушка.

Сара показала на коридор.

— Буфет прямо туда и направо, туалет чуть дальше. Если что-то понадобится, спрашивай.

— Ах да, — сказала Сара, уже отходя. — Я добавлю тебя в наш рабочий чат, а пока сходи к начальству. Он уже с самого утра ждёт тебя.

Я растерянно посмотрела на неё.

— Меня?

— Ну да, — сказала она. — Не каждый день к нам переводятся люди с такой должности. Наверное, ему интересно лично с тобой познакомиться, это нормально.

Сара пожала плечами.

А-а-а.

Ну конечно. Это же логично.

На месте начальника я бы тоже захотела посмотреть на человека, который ещё недавно работал личным помощником генерального директора огромной медиакомпании, а теперь внезапно решил стать редактором в небольшом издательстве.

— Воон туда, там прямо и в самом конце кабинет, — сказала Сара и пошла к своему столу.

А я, заглянув в маленькое зеркало у колонны, нервно поправила свои кудрявые волосы.

И вот здесь была ещё одна маленькая революция: я больше не выпрямляла их. В какой-то момент просто поняла, что хватит, хватит пытаться соответствовать чьему-то представлению о том, как я должна выглядеть. Если природа решила, что мне положено ходить с кудрями и напоминать слегка взъерошенного рыжего пуделя, значит, будем жить с пуделем.

Я поправила волосы рукой и пошла по коридору, читая таблички на дверях, пока не остановилась у нужной. Сердце

почему-то забилося быстрее. Просто нервы, пыталась я себя успокоить. Я не знала, что меня ждёт за этой дверью, не знала, каким будет мой новый начальник. Оставалось лишь надеяться, что он не окажется таким же, как Марк, что он будет добрым и понимающим, и что я смогу наконец-то работать спокойно, без этой постоянной борьбы с собой и с ним.

На этот раз действительно постучала.

После последних месяцев я, кажется, наконец усвоила простейшее правило цивилизованного мира: если на двери есть ручка, это ещё не значит, что её нужно немедленно дёрнуть.

Ответа не последовало.

Я подождала несколько секунд, потом осторожно открыла дверь.

Нервно глядя в пол и чувствуя, как предательски учащается пульс, я выпалила заготовленную речь:

— Извините, меня зовут Аврора, я новенькая, мне сказали, что вы хотели меня видеть.

Но когда я наконец осмелилась поднять глаза, воздух в моих лёгких словно закончился.

И время остановилось.

— Хотел, — произнёс до боли знакомый хриловатый голос, от которого у меня по спине пробежали мурашки. — Очень хотел, Аврора.

Марк стоял у окна и смотрел на меня с такой щемящей, почти болезненной тоской, что на секунду мне показалось,

будто я снова в том самом кабинете в Нордхавене. И внутри снова поднялась уже знакомая злость, боль, растерянность, любовь, которую я ненавидела за сам факт её существования, и совершенно убийственное желание спросить, какого чёрта он вообще здесь делает.

Глава 40.

Марк.

Она стояла в дверях моего кабинета, я смотрел на неё и чувствовал, как внутри меня разрывается что-то важное, как сердце колотится где-то в горле, как я готов провалиться сквозь землю от стыда и одновременно не могу оторвать от неё взгляда.

— Ты?! — выдохнула она, и в её глазах вспыхнуло столько чистой, неразбавленной ненависти, что на секунду мне действительно стало тяжело дышать. На одно короткое мгновение мне действительно стало жаль, что я приехал.

Потому что я ожидал злости, ожидал крика, но увидеть, как она смотрит на меня, словно на чужого человека, оказалось большее, чем я предполагал. Но стоило мне посмотреть на неё чуть дольше, на эти знакомые до боли черты, на кудри, которые она наконец-то оставила в покое, на то, как дрожат её губы, я понял, что не зря. Даже если она сейчас ненавидит меня всем сердцем, я готов был стерпеть всё, лишь бы остаться рядом.

Господи, как же она изменилась. И как же сильно я по ней скучал.

— Привет, Аврора, — выдавил я наконец, заставляя голос

звучать спокойнее. — Хорошо выглядишь.

Я едва не рассмеялся от собственной идиотской фразы. Это было худшее, что я мог сказать, потому что я готовился к этому разговору всю дорогу и в итоге выдал «хорошо выглядишь», как провинившийся мальчишка, который не знает, куда деть руки, и говорит первое, что приходит в голову.

Идиот. Полный идиот.

Можно было ещё спросить, как прошёл перелёт, нравится ли ей город, не слишком ли холодно сегодня утром.

Аврора смотрела на меня так, словно пыталась решить: ударить меня сейчас или подождать ещё пару минут.

— Хорошо выглядишь?! — переспросила она. — Ты серьёзно? Какого чёрта ты тут делаешь, Марк?

Я молчал несколько секунд, подбирая слова.

— Я... — начал я и сразу остановился. Что я мог ей сказать?

Что я тупой идиот, который променял её на руководящее кресло, а потом понял, насколько плохо мне без неё, и решил всё вернуть? Это звучало жалко и глупо, хотя и было правдой.

Да, я был тупым идиотом. Да, я думал, что смогу жить без неё. Не смог. Бросил всё и приехал. Но чего я, чёрт возьми, ждал? Что она бросится ко мне в объятия, и мы закружимся в поцелуях, будто ничего не произошло? Наверное, где-то в самых тайных, самых стыдных уголках сознания я и правда мечтал, что будет именно так.

Но, глядя на её лицо сейчас, я ясно понимал: меня здесь не ждали. И теперь мне надо было думать, с чего начать, как объяснить всё так, чтобы это не звучало как оправдание или как манипуляция...

Наверное, надо было всё-таки репетировать речь заранее.

— Ты меня преследуешь? — язвительно спросила Аврора.

Я нахмурился.

— Что?

— Тебе мало было? — продолжала она. — Пришёл добить меня, да?

Я даже не подозревал, что она вообще способна говорить с кем-то в таком тоне. Оказывается, способна. Особенно со мной.

— Я не для того здесь, чтобы тебя добивать, — сказал я и медленно, очень медленно сделал шаг вперёд. — Мне нужно, чтобы ты меня выслушала.

— Стой где стоишь! — почти крикнула она, выставя руку вперёд. — Не подходи ко мне!

Я остановился.

— Аврора... Я не могу без тебя, понимаешь? — сказал я тихо.

Она замерла.

Я сделал ещё один осторожный шаг.

— Я пытался, Аврора, — прошептал я. — Клянусь тебе,

я думал, что так будет лучше для нас обоих, но не смог жить без тебя. И каждый день становилось только хуже.

— Как же тяжело тебе пришлось, — она нервно усмехнулась, и в её голосе было столько яда, что мне захотелось закрыть глаза.

— Аврора...

Я видел, как она сжимает губы, пытаясь удержать слёзы.

— Ты не имеешь права, — прошептала она. — Ты не можешь просто появиться здесь и сказать, что не можешь без меня.

Я подошёл к ней почти вплотную и почувствовал, как её дыхание сбивается, как она напряжена, словно готова вот-вот убежать.

— Ты думаешь, мне было легко? — её голос дрогнул. — Ты думаешь, я не просыпалась ночью и не спрашивала себя, почему оказалась настолько глупой, чтобы поверить тебе?

Я закрыл глаза на секунду.

— Я что, какая-то игрушка, Марк?! Захотел – выкинул, захотел – обратно взял?! — кричала она, и её голос уже срывался на всхлипы.

— Ненавижу тебя! Слышишь, ненавижу тебя! — кричала она сквозь слёзы.

— Какого хрена ты тут появился?! Зачем ты опять пришёл в мою жизнь?! — кричала она, нанося мне удары кулаками по груди и надрываясь от плача.

Я даже не пытался остановить её, потому что она была

права. Я и правда вёл себя как эгоист. Возможно, правильнее было бы просто отпустить её и дать ей жить спокойно, но я не мог.

Только когда удары стали слабее, я аккуратно перехватил её запястья, посмотрел на неё и почувствовал себя самым жалким человеком на земле.

— Потому что я люблю тебя, — выдохнул я, глядя ей прямо в глаза.

Я не мог заставить её простить меня, не мог купить её прощение, не мог заключить контракт на любовь. И, пожалуй, это было самым страшным открытием в моей жизни.

И в эту секунду я совершил поступок, который, наверное, буду вспоминать ещё много лет.

Я поцеловал её.

Сначала она не поддавалась, пыталась оттолкнуть меня, кусала губы, пыталась отвернуться, но я держал её крепко, чувствуя, как её тело бьётся в моих руках, как она пытается вырваться. Я целовал её жадно, глубоко, ощущая, как по её щекам текут слёзы, и, наверное, мне следовало бы остановиться. *Следовало бы...*

Какая же я сволочь.

Тупая, эгоистичная, самовлюблённая сволочь, которая не имела права так с ней поступить, и всё равно поступила, и всё равно приехала. Но даже понимая это, я не мог от неё отказаться. Я приехал сюда с мыслью, что выдержу всё, что она скажет, что позволю ей ненавидеть меня, что буду объ-

яснять, пока она хотя бы не поймёт правду.

И уже через несколько минут сорвался.

Вдруг, спустя всего несколько секунд, она сама схватила меня за пиджак и притянула ещё ближе, а её пальцы впились в мои волосы.

Резко прервав поцелуй, чтобы глотнуть воздуха, она тут же оттолкнула меня обеими руками.

Я послушно отступил на шаг.

Аврора, тяжело дыша, посмотрела на меня несколько секунд, а затем резко вытерла щёки.

— Никогда... никогда больше не делай так! — зашипела она сквозь слёзы и, развернувшись, почти вылетела из кабинета, хлопнув дверью так, что в раме дрогнуло стекло.

Я снова всё испортил. Снова сделал не то.

Выдохнув, я оттолкнулся от стены и пошёл к двери, потому что отступать я не собирался. Я расскажу ей всё, даже если мне придётся гоняться за ней по всему офису.